РОССІЯ и ТУРЦІЯ.

ОТЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНІЙ ДО ЛОНДОНСКАГО ТРАКТАТА 13/25 МАРТА 1871 ГОДА.

(включительно)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. БУХАРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

РОССІЯ и ТУРЦІЯ.

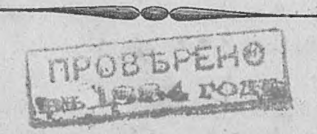
ОТЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНІЙ ДО ЛОНДОНСКАГО ТРАКТАТА 13/25 МАРТА 1871 ГОДА.

(включительно).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. БУХАРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Мая 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложеніе къ трактату.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желающимъ основательно изучить послѣдовательный ходъ политическихъ отношеній, установившихся между Россіей и Турціей и составить себѣ вполнѣ точное понятіе объ историческихъ событіяхъ, опредѣлившихъ взаимное положеніе этихъ двухъ державъ,—встрѣчается не мало затрудненій при выборѣ пригодныхъ для такой цѣли сочиненій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ масса изданій, спеціально посвященныхъ этому предмету; но, проводимые ими взгляды, весьма различны, своеобразны и, во всякомъ случаѣ, принаровлены къ понятіямъ и воззрѣніямъ того времени, въ которое написаны. При томъ, все, что доселѣ имѣется въ заграничной прессѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Турціи, несомнѣнно выражаетъ извѣстную долю враждебности къ первой; сочиненія же русскихъ писателей безусловно порицаютъ всѣ дѣйствія Оттоманскаго правительства и европейскихъ кабинетовъ.

Такимъ образомъ, постоянно встрѣчая рѣзко противоположные взгляды и сужденія объ изучаемомъ предметѣ, и не имѣя руководящей нити въ этомъ лабиринтѣ противорѣчій—почти совершенно невозможно составить себѣ вѣрное понятіе объ историческомъ ходѣ отношеній между двумя имперіями, самые насущные интересы которыхъ безпрерывно соприкасались вслѣдствіе смежности ихъ границъ.

Цѣль настоящаго очерка заключается исключительно въ томъ, чтобы, прослѣдивъ шагъ за шагомъ историческій ходъ событій, представить точное ихъ описаніе.

Мы избѣгали придавать фактамъ значеніе, не вполнѣ соотвѣтствующее тому, которое утверждено за ними подлинными документами; а потому увѣрены, что предлагаемое руководство значительно облегчитъ основательное изученіе предмета.

Д. Бухаровъ.

Амстердамъ,
августъ 1876 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Водвореніе турокъ въ Европѣ; ихъ отношенія къ Россіи до конца XVI вѣка.

I.

Солейманъ I-й, завоевавъ въ 1358 году Галлиполисъ, убѣдилъ мусульманъ въ возможности переходить за рубежъ Азіи; это первое вторженіе послужило имъ сигналомъ для начатія цѣлаго ряда другихъ, — а сто лѣтъ спустя, на глазахъ изумленной, объятой ужасомъ, Европы, дикія орды окончательно водворились и утвердились въ богатѣйшихъ мѣстностяхъ ея юго-востока.

Магометъ II-й, овладѣвъ, 29 марта 1493 года, Константинополемъ, основалъ свое владычество на развалинахъ древней Византійской Имперіи; въ слѣдующемъ году онъ покорилъ Морею и Сербію.

Царствованіе Солеймана Великаго (1520—1566 г.), ознаменовано безпрерывными набѣгами на христіанскія владѣнія. Не довольствуясь завоеваніями предшественниковъ, онъ вознамѣрился поработить всю западную Европу, въ твердой увѣренности, что не встрѣтитъ къ тому препятствій зная, что религіозныя и политическія распри, повсемѣстно волновали и терзали ее.

Наводнивъ дикими своими полчищами Венгрію, онъ осадилъ Вѣну—и хотя потерпѣлъ подъ ея стѣнами неудачу, но Буда была имъ взята; владѣтельный князь Молдавіи призналъ верховную власть его надъ собою и даже Императоръ Максимиліанъ сталъ его данникомъ за Венгрію. Не перечисляя всѣхъ хорошо извѣстныхъ историческихъ событій того времени, упомянемъ только, что завоевательныя стремленія Солеймана были унаслѣдованы большинствомъ его преемниковъ и что въ 1666 году, почти вся Венгрія находилась въ ихъ власти. Кромѣ того, они завладѣли Славоніей, Трансильваніей и упрочили за Оттоманской Имперіей могущество, грозное и опасное для Европы.

Усмиреніе внутреннихъ раздоровъ и смутъ, а равно войны со Швеціей и Польшей, вынуждали тогда русское правительство, не только избѣгать какихъ либо столкновеній съ Турціей, но и соблюдать крайнюю осторожность. Мусульмане же, всецѣло поглощенные упроченіемъ своего владычества на востокѣ, не помышляли, конечно, о распространеніи таковаго къ сѣверу, въ ущербъ Россіи. Только вслѣдствіе этихъ причинъ, до конца XVII вѣка, на страницахъ исторіи вовсе не упоминается о какихъ либо сношеніяхъ или столкновеніяхъ между этими двумя государствами.

Если, въ 1621 году, султаномъ дѣйствительно было предложено Россіи заключить съ нимъ союзъ противъ Польши и за таковой послѣдовало согласіе царя Михаила, то извѣстно также, что къ дѣйствіямъ приступлено не было, такъ какъ Польша и Порта не замедлили покончить свои распри миромъ. Эта попытка къ сближенію послужила первымъ звѣномъ взаимныхъ отношеній Россіи и Турціи, учащавшихся затѣмъ по мѣрѣ того, какъ видимо умножались причины, возбуждавшія между ними несогласія.

Грабежи, безнаказанно совершавшіеся донскими казаками по Черноморскому побережью, и частыя вторженія крымскихъ татаръ въ южные предѣлы Россіи, — послужили начальными поводами къ столкновеніямъ между обоими государствами; такъ въ 1641 году едва не возгорѣлась между ними война

Не довольствуясь отдѣльными набѣгами, казаки напали

въ значительныхъ силахъ на грозную въ то время крѣпость Азовъ и овладѣли ею; сознавая же, что имъ не подъ силу въ ней удержаться, предложили ее въ даръ царю. Боярская дума, на разсмотрѣніе которой былъ переданъ этотъ вопросъ, нашла, что Россія еще не на столько могущественна, чтобы вступить въ борьбу съ турками, обладающими большими боевыми средствами; тогда Азовъ былъ возвращенъ Турціи, которая имѣя на рукахъ много болѣе важныхъ заботъ, не обратила даже вниманія на то, что крѣпость эта была почти совершенно разрушена — и дѣло осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Первая война Россіи съ Турціей окончилась миромъ въ 1681 году. Причины ее возбудившія слѣдующія:

Малороссійскіе казаки, недовольные ими же самими призваннымъ и въ 1654 году торжественно признаннымъ владычествомъ Русскаго Царя, возстали противъ таковаго въ надеждѣ завоевать оружіемъ свободу и независимость. Гетманъ Дорошенко сознавая, что достигнуть этого одними только силами казаковъ невозможно, обратился съ просьбою о помощи къ султану. Давно питая тайное намѣреніе завладѣть Малороссіей, послѣдній охотно согласился и, въ 1674 году, двинулъ свои полчища на правый берегъ Днѣпра.

Въ виду угрожавшей опасности, Россія приняла союзъ Польши, которая съ 1662 года постоянно воевала съ Турціей. Союзъ этотъ однако не былъ для нея полезенъ, такъ какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, поляки заключили съ турками отдѣльный миръ въ Зуравно и Россіи одной пришлось вѣдаться съ мусульманскими ордами.

Счастливый исходъ этой войны поколебалъ вѣру въ непобѣдимость турокъ. Подъ Чигириномъ они были на голову разбиты, а 3 января 1681 года, великій визирь нашелся вынужденнымъ подписать въ Бахчисараѣ условія двадцатилѣтняго перемирія, въ продолженіе котораго вся Украйна и Запорожье должны были подчиняться владычеству Россіи; перемиріе это впрочемъ было нарушено гораздо ранѣе опредѣленнаго срока.

Въ 1686 году, поляки, вновь воевавшіе съ турками, обра-

тились къ Россіи съ просьбой о помощи, на основаніи X ст. московскаго договора. Петръ Великій, политика котораго была исключительно направлена на пріобрѣтеніе своему государству водныхъ путей, охотно принялъ участіе въ войнѣ и въ апрѣлѣ 1696 года овладѣлъ Азовомъ.

Продолжительная война эта, вслѣдствіе посягательства Турціи завладѣть Венгріей, навязанная ей Австріей и Венеціанскою республикою въ союзѣ съ Россіей и Польшей, — окончилась черезъ три года послѣ паденія Азова, Карловицкимъ миромъ, подписаннымъ 21 января 1699 года.

Миръ Карловицкій, лишивъ Турцію ея завоеваній въ западной Европѣ, совершенно измѣнилъ политику христіанскихъ державъ относительно Порты, быстрый упадокъ могущества которой вынудилъ европейскіе кабинеты, въ видахъ ихъ личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, оказывать ей покровительство и защищать отъ нападеній ея противниковъ.

Россія не приняла условій Карловицкаго мира, признавая таковыя для себя невыгодными, а заключила лишь перемиріе съ Турціей, на два года, имѣя въ виду выработать болѣе прочныя основанія мира или долгосрочнаго перемирія.

Въ Константинополѣ, 13 іюля 1700 года, былъ подписанъ договоръ, по которому перемиріе обращалось въ тридцатилѣтній перерывъ военныхъ дѣйствій. Договоръ этотъ, подтверждая условія, постановленныя въ 1681 году, окончательно передавалъ Россіи городъ Азовъ и его округъ. Въ настоящее время распространено даже убѣжденіе, что секретною его статьею предоставлялась Россіи полная свобода торговли и мореплаванія по Черному морю.

Во всякомъ случаѣ, едва ли кто вѣрилъ, что дружескія отношенія Россіи съ Портою будутъ долго продолжаться; каждому было очевидно, что искры будущихъ раздоровъ тлѣютъ подъ пепломъ—и дѣйствительно, роковая борьба двухъ имперій незамедлила возобновиться.

Происки Карла XII, территоріальное разширеніе русскихъ владѣній, на счетъ Польши, — положеніе дѣлъ въ Крыму и много другихъ причинъ, о которыхъ будетъ упомянуто впослѣдствіи, вызвали рядъ войнъ и мирныхъ договоровъ, изъ

ведшихъ Турцію съ пьедестала ея ходульнаго величія на степень второкласной державы и опредѣлившихъ настоящее положеніе Россіи въ отношеніи къ ней.

Изъ всѣхъ русско-турецкихъ столкновеній, минувшаго столѣтія, наиболѣе важно и характеристично безспорно то, которое совершилось Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, заключеннымъ Императрицею Екатериною II съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ I; этотъ миръ установилъ основы сношеній Россіи съ востокомъ и открылъ ей свободный входъ въ Черное море.

Необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествовавшія заключенію этого мира событія, ознаменованныя рядомъ неудачныхъ попытокъ Россіи утвердить свое господство на берегахъ Понта-Евксинскаго, чего она такъ долго и такъ настойчиво домогалась.

II.

Обладаніе Азовомъ, упроченное мирнымъ договоромъ 1700 года, несказанно радовало русское правительство, такъ какъ оно значительно облегчало приведеніе въ исполненіе его предположеній относительно Дона; уже питалась надежда, что, въ недалекомъ будущемъ, Русскій флотъ будетъ гордо и смѣло разсѣкать волны Чернаго моря.

Объявленіе великимъ визиремъ, 10 ноября 1710 года, войны Россіи застало царя вовсе къ ней не приготовленнымъ... Онъ настойчиво не хотѣлъ вѣрить, что интриги Карла XII, пребывавшаго въ Бендерахъ, могутъ, въ концѣ концовъ, вызвать на него грозу, а вѣроломная политика султанскаго правительства, еще не была ему вполнѣ извѣсна; къ тому же, могъ ли онъ ожидать, что возведеніе незначительнаго числа укрѣпленныхъ пунктовъ на русско-турецкихъ границахъ и занятіе нѣкоторыхъ мѣстностей Польши [1]), — послужатъ уважительными причинами для разрыва съ Оттоманской имперіей?

---

[1]) Порта придала особо важное значеніе занятію польскихъ земель, видя въ томъ намѣреніе Россіи проложить себѣ удобный путь въ Турцію.

Военныя дѣйствія начались въ 1711 году; русскіе, ослабленные шведскою войною, едва были въ состояніи противопоставить 40,000 войска несмѣтнымъ полчищамъ своихъ враговъ. Союзъ заключенный Петромъ I съ господаремъ Молдавіи, княземъ Кантеміромъ, отдавшимся подъ его покровительство, не принесъ никакой пользы, такъ какъ голодавшая въ то время страна эта, не только не могла выставить подкрѣпленій, но была безсильна оказать какую либо помощь. Вскорѣ 200,000 турокъ окружили 38,000-ю русскую армію въ Фокшавахъ и Петръ вынужденъ былъ подчиниться мирнымъ условіямъ, предписаннымъ ему побѣдителями на берегахъ Прута.

Вотъ, что писалъ Петръ Великій московскому сенату.

„Вчетверо сильнѣйшій врагъ окружилъ меня и мою ар„мію; терпимъ недостатокъ въ продовольствіи и если Господь „не ниспошлетъ намъ свою скорую помощь—то совершенная „гибель наша неизбѣжна“.

Не удивительно, что условія Прутскаго мира, были гибельны для Россіи!.. Онѣ заключались въ слѣдующемъ:

Ст. I. Крѣпость Азовъ съ округомъ возвращается Портѣ; возведенныя, въ недавнее время, русскими укрѣпленія, будутъ уничтожены.

Ст. II. Свобода торговли возстанавливается,—но Россіи не предоставляется право имѣть своего представителя въ Константинополѣ.

Ст. III. Русскій государь обязывается, ни подъ какимъ предлогомъ не вступаться въ польскія дѣла.

Ст. IV. Королю шведскому будетъ дозволѣно безпрепятственно возвратиться въ свое королевство черезъ Россію.

Миръ былъ подписанъ 10 іюля 1711 года,—а затѣмъ русскія войска въ числѣ 22,000 человѣкъ, отступили къ Могилеву, подъ конвоемъ 12,000 турокъ, долженствовавшихъ охранять ихъ отъ нападеній татаръ.

Между тѣмъ Карлъ XII, узнавъ о безъисходномъ положеніи, въ которое былъ поставленъ русскій царь, и не допуская возможности заключенія съ нимъ мира Портою, поспѣшилъ въ Константинополь, чтобы насладиться зрѣлищемъ униженія

своего плѣннаго врага. Разочарованіе его было велико, когда онъ узналъ, что жертва ускользнула изъ его рукъ; порѣшивъ отомстить великому визирю за свою неудачу, онъ разными происками добился того, что султанъ удалилъ его отъ должности, замѣстивъ Юсуфомъ пашею.

Новый великій визирь, безусловно преданный Карлу XII, ознаменовалъ свое вступленіе въ должность безконечными мелочными притязаніями къ Россіи; продлѣніе пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ и замедлѣніе передачи Азова, послужили достаточными предлогами для объявленія въ томъ же году войны Россіи.

Эта война, не ознаменная важными событіями, продолжалась недолго; при посредничествѣ Англіи и Голландіи послѣдовало сближеніе между воюющими сторонами и въ апрѣлѣ 1712 года былъ заключенъ въ Константинополѣ договоръ, подтвердившій условія прутскаго мира, относительно возвращенія Турціи Азова, разрѣшенія Карлу XII свободнаго проѣзда черезъ Россію и соблюденія неприкосновенности польскихъ границъ. Миръ заключался на 25 лѣтъ.

Не прошло однако и года, какъ Порта, на основаніи тѣхъ же причинъ, объявила войну Россіи въ третій разъ. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ перемѣна въ оттоманскомъ кабинетѣ, прекратила эту борьбу: партія сторонниковъ Карла XII пала и власть перешла въ руки великаго визиря Али-Кумуруджи, принудившаго шведскаго короля-авантюриста оставить Турцію. Миръ съ Россіей былъ заключенъ 13 іюня 1713 года въ Адріанополѣ.

Условія предшествовавшихъ договоровъ тоже подтверждались этимъ миромъ во всей ихъ силѣ. Кромѣ того, обѣ державы взаимно обязывались не допускать частныхъ вторженій ихъ подданныхъ, казаковъ и преимущественно татаръ. Границы опредѣлены были такъ: линія раздѣляющая на двѣ равныя части мѣстность, лежащую между рѣками Самарою и Орломъ, назначалась демаркаціонною чертою между обоими государствами; побережье Самары принадлежало Турціи, а Орла Россіи.

Эти три послѣдовательныя компаніи убѣдили Петра Вели-

каго недовѣрять обѣщаніямъ султана. Сознавая же, что утвердиться въ данное время на Черномъ морѣ было невозможно, онъ обратилъ все свое вниманіе на море Балтійское, которое и сдѣлалось съ тѣхъ поръ единственною цѣлью его политическихъ замысловъ.

Обезпечить себя отъ возникновенія новыхъ столкновеній съ Портою, представлялось по этому настоятельною необходимостію; 5 ноября 1720 года, Алексѣй Дашковъ, которому царь поручилъ пересмотрѣть прежніе трактаты и выработать условія окончательнаго мира съ Турціей, — успѣлъ склонить послѣднюю, подписать въ Константинополѣ договоръ, которымъ, кромѣ подтвержденія всѣхъ предшествовавшихъ постановленій относительно Азова, устанавливалось:

Что миръ будетъ ненарушимый, основанный на взаимной, искренней дружбѣ между обоими государствами.

Что Россіи предоставляется отнынѣ право имѣть своего представителя въ Константинополѣ.

Что для устраненія всякихъ препятствій въ торговыхъ сношеніяхъ, русскимъ и турецкимъ купцамъ разрѣшается свободно переѣзжать границы.

Что русскимъ подданнымъ дозволяется посѣщать Іерусалимъ безъ уплаты какихъ либо пошлинъ.

Наконецъ, что обѣ державы обезпечиваютъ Польшѣ ея конституцію и свободу избранія королей; что всѣми зависящими отъ нихъ средствами, онѣ будутъ противиться утвержденію въ Польшѣ наслѣдственной власти.

Этотъ договоръ, ясно опредѣляя отношенія обѣимъ націи, сулилъ, повидимому, что миръ будетъ проченъ; за всѣмъ тѣмъ, непріязненныя дѣйствія чуть было не возобновились черезъ четыре года послѣ его заключенія.

Анархія, господствовавшая въ Персіи, внушила Петру Великому намѣреніе, распространить предѣлы своей имперіи къ Каспійскому морю. Завоеваніе Дербента и Баку возбудило однако подозрительность Порты: пославъ на театръ войны наблюдательный отрядъ, она приступила вмѣстѣ съ тѣмъ къ обширнымъ вооруженіямъ.

Совѣты французскаго посла отвратили грозу, побудивъ

великаго визиря заключить съ русскимъ государемъ договоръ, по которому земли отнятыя у Персіи, рѣшено раздѣлить между Россіей и Турціей.

Въ силу этого договора, заключеннаго въ Константинополѣ, 12 іюня 1724 года, раздѣлъ опредѣлялся въ такомъ видѣ: часть Ширванской области, выходящая изъ внутреннихъ предѣловъ страны до сліянія Аракса съ Курою, уступалась Турціи; другая же ея часть, находящаяся между сліяніемъ названныхъ рѣкъ и Каспійскимъ моремъ, поступала подъ владычество Россіи. Возведеніе крѣпостей въ трехъ-верстномъ разстояніи отъ границъ безпрепятственно разрѣшалось обѣимъ державамъ. Кромѣ того, уступка шахомъ Россіи въ 1723 году городовъ Дербента и Баку и областей: Гилянской, Мазандеранской и Астрабадской,—признавалась султаномъ.

Между тѣмъ, возвратъ туркамъ Азова, взятіе котораго Петръ Великій считалъ началомъ своей боевой славы и первымъ своимъ побѣднымъ трофеемъ,—крайне огорчалъ его и онъ измышлялъ средства вновь овладѣть этою крѣпостью. Только смерть прекратила, въ 1725 году, громадныя приготовленія къ войнѣ съ Турціей, производившіяся подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ Великаго Монарха.

Смуты, происходившія въ Россіи послѣ смерти Петра Великаго, надолго устранили возможность всякихъ внѣшнихъ предпріятій. Только въ 1735 году по прекращеніи внутреннихъ неурядицъ, императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ представился случай привести въ исполненіе предначертанія геніальнаго предшественника: пользуясь войною турокъ съ персами, императрица послала генерала Леонтьева противъ крымскихъ татаръ; а такъ какъ Порта отказалась наказать ихъ за вторженіе въ предѣлы Россіи, то въ 1736 году возгорѣлась война съ нею.

Русскія войска стяжали себѣ громкую славу въ эту компанію; генералы Ласси и Минихъ, овладѣли Перекопомъ и многими другими турецкими укрѣпленными пунктами. Турція смирила свою гордыню и сама предложила заключить миръ; при посредствѣ Франціи въ 1737 году собрался въ Немировѣ конгрессъ.

Переговоры не привели къ миру, вслѣдствіе неумѣренныхъ требованій, предъявленныхъ уполномоченными Россіи; притомъ с.-петербургскій кабинетъ вовсе не торопился прекратить непріязненныя дѣйствія и согласился принять участіе въ конгрессѣ единственно для того, чтобы дать Австріи время окончить свои вооруженія.

Эта послѣдняя держава, увлеченная побѣдами русскихъ войскъ, не только выставила условленный VII статьею трактата 1726 года [1]) вспомогательный отрядъ, но и открыто объявила войну Портѣ. Однако съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ Венгріи, пораженія австрійцевъ слѣдовали одно за другимъ; раздоры же, возникшіе между имперскими генералами, еще болѣе усложнили положеніе дѣлъ, такъ что въ концѣ 1737 года, императоръ рѣшился начать переговоры о мирѣ. Незадолго передъ тѣмъ назначенный великій визирь Магометъ-Ягги, предвидя новое пораженіе австрійскихъ войскъ, отвергъ условія предложенныя ему послами Австріи, Франціи и Голландіи.

Борьба возобновилась; побѣда не оставляла русскія знамена, тогда какъ австрійцы подверглись такимъ чувствительнымъ пораженіямъ, что 18 сентября 1739 года графъ Нейпергъ рѣшился подписать безъ участія Россіи унизительный миръ въ Бѣлградѣ, по которому султану были уступлены: городъ Бѣлградъ, крѣпостъ Орсово, вся Сербія и Молдавія, завоеванныя австрійцами въ 1718 году.

Такимъ образомъ Россіи приходилось одной продолжать войну, стоившую ей громадныхъ жертвъ людьми и деньгами. Разрывъ съ Швеціей, уже направлявшей свои войска въ Финляндію, и натянутость отношеній съ Польшей, побудили Анну Іоановну желать мира; посолъ Франціи г. Верженъ облеченный полномочіями Русскаго правительства, велъ въ Константинополѣ переговоры одновременно съ графомъ Нейпергомъ.

Миръ Россіи съ Турціей, былъ также подписанъ въ Бѣл-

---

[1]) Дружественный трактатъ этотъ былъ заключенъ императрицею Екатериною I; численностъ условленнаго вспомогательнало отряда опредѣлялась въ 20,000 чел. пѣхоты и въ 10,000 кавалеріи.

градѣ 18 сентября 1739 года; условія его заключались въ слѣдующемъ:

1. Миръ вѣчный, прочный и ненарушимый устанавливается между договаривающимися правительствами и ихъ потомками.

2. Границы обѣихъ Имперій остаются не измѣненными, согласно опредѣленій предшествовавшихъ трактатовъ, онѣ подробно обозначатся въ спеціальной статьѣ, которая будетъ приложена къ настоящему договору (ст. 11). Статья эта подписана 30 октября того же года.

3. Крѣпость Азовъ будетъ срыта до ея основаній,— Таганрогскій портъ уничтоженъ; мѣстность же, на которой они находились, послужитъ границею между обоими государствами. Россіи не предоставляется право имѣть какой либо флотъ въ Черномъ морѣ: русская торговля должна производиться на турецкихъ судахъ (ст. III и X). Обѣ державы взаимно обезпечиваютъ себя противъ вторженій казаковъ и калмыковъ или крымскихъ татаръ (ст. V).

4. Большая и малая Кабарда, признаются нейтральными и независимыми мѣстностями (ст, VI).

5. Россійской Императрицѣ предоставляется имѣть въ Константинополѣ представителя, съ произвольнымъ ему наименованіемъ. За нимъ обезпечиваются тѣже преимущества, какими пользуются представители наиболѣе одѣленныхъ льготами державъ (ст. XIII).

6. Всѣ предшествовавщіе трактаты, заключенные между Россіей, и Портой, уничтожаются, за исключеніемъ лишь статей, относящихся къ опредѣленію ихъ взаимныхъ границъ [1]) (ст. XV).

---

[1]) Для уясненія послѣдующихъ событій, замѣтимъ:

Всѣми предшествовавшими трактатами, Россія обязывалась не вмѣшиваться въ польскіе дѣла. Отсутствіе въ бѣлградскомъ договорѣ такого обязательства, несомнѣнно, обозначало, что оно окончательно уничтожено.

Заключенный въ Константинополѣ 7 сентября 1741 года договоръ, дополнилъ условія Бѣлградскаго, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разныя затрудненія, возникшія послѣ смерти Императрицы Анны Іоановны.

Таковъ былъ исходъ войны, начатой Императрицею Анною Іоановною въ 1734 году съ намѣреніемъ овладѣть Азовомъ. Нами выше указаны причины, побудившіе ее отказаться отъ своихъ предположеній, а равно и отъ надежды добиться доступа къ Черному морю.

Турція торжествовала — но торжество было непродолжительно: она быстро клонилась къ упадку. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ былъ предвѣстникомъ наступленія новой эры въ русско-турецкихъ отношеніяхъ; а всѣ послѣдовавшія затѣмъ войны послужили лишь къ установленію того взаимнаго положенія этихъ двухъ державъ, которое существуетъ и въ настоящее время.

Приступаемъ къ болѣе точному обзору событій, приведшихъ къ такому результату.

Царствованіе Императрицы Екатерины II.

ГЛАВА I.

Первая война Россіи съ Портою.—Заключеніе мира въ Кучукъ-Кайнарджи $^{10}/_{22}$ іюля 1774 года. Объяснительный договоръ.

Присутствіе турокъ въ Крыму и на Черноморскомъ побережьѣ наносило существенный вредъ русскимъ интересамъ. Этимъ объясняется политика Россіи, постоянно враждебно относившейся къ своей восточной сосѣдкѣ, въ особенности со времени смѣлыхъ войнъ съ нею Петра Великаго: ослабить турокъ и отнять у нихъ Черное море, сдѣлалось завѣтною мечтою его преемниковъ.

Получивъ удовлетвореніе по своимъ претензіямъ, Порта признала Елизавету Петровну Императрицею.

Въ силу заключеннаго по этому поводу договора, границы Украйны придвинулись къ Крыму и утвердилось владычество Россіи надъ Запорожьемъ, утраченное ею по Адріанопольскому миру 1713 года.

Екатерина II вполнѣ усвоила себѣ предначертанія великаго Монарха въ восточныхъ дѣлахъ; введеніе многихъ полезныхъ, внутреннихъ преобразованій и дѣятельное вмѣшательство въ польскія дѣла, не воспрепятствовали ей возобновить попытки утвердиться на востокѣ, такъ какъ обстоятельства видимо тому благопріятствовали.

Но не одна надежда на численное превосходство и мужество русскихъ войскъ руководила ею; она, по справедливости, основывала свои разсчеты на племенной и религіозной ненависти, глубоко укоренившейся между мусульманами и христіанскими подданными Порты.

Постоянное покровительство, оказывавшееся Дунайскимъ княжествамъ, давало Россіи неоспоримое право на содѣйствіе всѣхъ христіанскихъ провинцій, тѣмъ болѣе, что племенная ихъ рознь не была тогда такъ рѣзко обозначена, какъ въ настоящее время: существовалъ только антагонизмъ христіанъ съ мусульманами.

Неразрывная родственная связь, установившаяся между славянскими племенами и ихъ сѣверными братьями, внушала какъ тѣмъ, такъ и другимъ симпатію къ восточнымъ единовѣрцамъ, равносильную ихъ отвращенію къ туркамъ. Поэтому Екатерина II не пропускала случая поддерживать и укрѣплять дружескія отношенія съ Дунайскими княжествами и имѣла даже приверженцевъ въ Константинополѣ.

Хотя Порта сознавала угрожавшую ей опасность, но не считала ее неотложною; во всякомъ случаѣ она придавала болѣе важное значеніе постоянно усиливавшемуся вліянію русскихъ въ Польшѣ. Она отлично понимала, что подобное положеніе дѣлъ въ польской рѣчи-посполитой, навсегда лишитъ ее естественныхъ союзниковъ противъ державы, могущество которой быстро возрастая, блистательно выказалось въ послѣдней войнѣ ея съ Пруссіей.

Съ другой стороны Версальскій кабинетъ, раздраженный неудавшейся попыткою возвести члена бурбонской династіи на шаткій польскій престолъ, употреблялъ всѣ средства воспрепятствовать вмѣшательству Россіи въ польскія дѣла. Пользуясь непріязненнымъ настроеніемъ Порты, Франція, не раз-

рывая явно своихъ отношеній съ Россіей, успѣла чрезъ посла своего г. де-Верженя, побудить Турцію объявить первой войну.

Посолъ тѣмъ успѣшнѣе исполнилъ возложенное на него порученіе, что самъ султанъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ покровительствомъ, оказаннымъ Екатериной II диссидентамъ, нарушившимъ по его убѣжденію трактатъ 1764 года, заключенный Императрицею съ Польшей.

Подстрекаемый Верженемъ, великій визирь объявилъ въ 1768 году войну Россіи, подъ предлогомъ нарушенія Турецкой территоріи русскими войсками, преслѣдовавшими польскихъ конфедератовъ. Ничто однако не оправдывало этаго фиктивнаго предлога, такъ какъ русскій офицеръ, оказавшійся виновнымъ въ такомъ нарушеніи границы, подвергся строгому взысканію за свой своевольный поступокъ и русское правительство изъявило готовность представить Портѣ извиненія по случаю такого прискорбнаго событія.

Главнымъ обвиненіемъ, взведеннымъ султаномъ на Россію, было ея вмѣшательство въ польскія дѣла... Но, какъ мы уже сказали выше, бѣлградскій трактатъ, уничтоживъ всѣ предшествовавшіе договоры, видимо опровергалъ законность такого обвиненія. Тотчасъ по объявленіи Портою войны Россіи, посолъ ея Обресковъ [1]) былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Дерзость эта побудила Императрицу Екатерину II нанести Оттоманской Имперіи рѣшительный ударъ. Генералу Медему, посланному на востокъ, удалось возмутить Грузію, Мингрелію и другія области, подвластныя Турціи. Тѣмъ временемъ другая армія, подъ начальствомъ генерала Румянцева, вступила въ Молдавію; побѣды русскихъ слѣдовали одна за другою, а по взятіи въ 1770 году Бендеръ, Татары сбросили съ себя турецкое иго и отдались, *proprio motu*, подъ покровительство Россіи. Въ этомъ же году русскій флотъ, подъ флагомъ Адмирала Спиридова, впервые появился въ Средиземномъ морѣ и

---

[1]) Интересно письмо его къ Панину. Лефортъ. Томъ III, приложеніе стран. 5.

ознаменовалъ свое присутствіе тамъ совершеннымъ истребленіемъ турецкаго флота передъ Чесмою.

Въ 1771 году, русскіе овладѣли Таманью, Ардабатомъ, Браиловымъ и Очаковомъ, а также многими другими укрѣпленными пунктами; Крымъ занятъ былъ войсками князя Долгорукова.

Быстрые успѣхи русскаго оружія значительно усилили зависть сосѣднихъ державъ и побудили въ 1771 году Австрію заключить въ Константинополѣ секретный договоръ, которымъ она обязывалась заставить Россію возвратить Турціи завоеванныя мѣстности. Въ замѣнъ этой услуги Порта должна была выплатить Австріи 20,000 кошельковъ, уступить часть Валахіи и Трансильваніи. Въ этомъ смыслѣ были возбуждены между Вѣнскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами дипломатическія сношенія, — но Россія заявила свою твердую рѣшимость не уступать Молдавію и Валахію.

Неуспѣшность переговоровъ угрожала новою войною, — но Фридрихъ II-й, признавая, что наступила благопріятная минута для осуществленія давно задуманнаго имъ плана раздѣла Польши, вмѣшался въ дѣло [1]). Представивъ Россіи опасность войны противъ соединенныхъ Австро-Турецкихъ силъ, онъ предложилъ, какъ средство избѣжать ея—раздѣлъ Польши.

Императрица отвергла сначала это предложеніе и приняла его только тогда, когда Австрійскія войска заняли Галицію.

Отдѣльные трактаты, заключенные Россіей съ Пруссіей и Австріей, подписанные въ С.-Петербургѣ 25 іюля 1772 года,— рѣшили участь Польши.

Въ силу 4-й статьи обоихъ трактатовъ, притомъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Россія совершенно отказалась оказывать вліяніе на будущія судьбы Молдавіи и Валахіи, — Пруссія и Австрія обязались содѣйствовать прекращенію русско-турецкой войны.

Уклонясь отъ ратификаціи Константинопольскаго договора 1771 года, Австрія, поддерживаемая Пруссіей, обратилась къ Султану съ предложеніемъ, освободивъ русскаго посла, изъя-

[1]) Многіе исторіографы приписываютъ этотъ проектъ Австріи.

вить согласіе на миръ. Обманутая въ своихъ надеждахъ, Порта не возражала: Обрескову немедленно возвратили свободу, — между воюющими сторонами было заключено перемиріе, и переговоры о мирѣ начались въ 1772 году въ Фокшанахъ.

Переговоры оказались однако безуспѣшными, такъ какъ Турція не согласилась признать независимость крымскихъ татаръ, поставленную русскими уполномоченными въ основу мира.

Въ слѣдующемъ году уполномоченные вновь съѣхались въ Бухарестѣ, но совѣщанія ихъ тоже остались безъ послѣдствій.

Требованія, предъявленныя Россіей, не были впрочемъ единственною причиною неуспѣшности этихъ двухъ попытокъ къ мирному соглашенію: Константинопольскіе агенты французскаго правительства побуждали Порту выждать болѣе благопріятное время для заключенія мира, увѣряя ее, что Шведскій Король готовится направить свои войска въ Финляндію и что Франція сама дѣятельно вооружаетъ сильную эскадру, которая незамедлитъ явиться на помощь турецкому флоту.

Первыя битвы, происходившія въ 1773 году по ту сторону Дуная, не были благопріятны для русскаго оружія; но въ слѣдующемъ году, получивъ подкрѣпленія, Румянцовъ окружилъ турецкую армію при Силистріи.

Видя, что всѣ пути сообщенія его войскъ перехвачены русскими, великій визирь убѣдился наконецъ, что нельзя полагаться на громкія обѣщанія Версальскаго кабинета, и что единственное спасеніе его арміи заключается въ скорѣйшемъ заключеніи мира, хотя бы даже на тяжелыхъ условіяхъ.

$^{10}/_{22}$ Іюля 1774 года, въ Русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи, въ палаткѣ генерала Румянцова, былъ продиктованъ и подписанъ мирный трактатъ.

Вотъ статьи его [1]):

Въ отношеніи территоріальномъ:

1. Обѣ Имперіи признаютъ неограниченную независимость татаръ: Крымскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ,

---

[1]) Чтобы облегчить изученіе этаго, несомнѣнно важнаго трактата, мы признали удобнымъ не придерживаться послѣдовательнаго изложенія статей, а группировать ихъ согласуясь съ главными, заключающимися въ нихъ условіями.

а также Едиссанскихъ, Джембулакскихъ и Едпскульскихъ, подъ управленіемъ владѣтелей изъ династіи Чингисъ-Хана.

2. Всѣ мѣстности, завоеванныя Россіей въ Крыму, на Кубани и между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ до границъ Польши, возвращаются этимъ татарскимъ племенамъ, за исключеніемъ крѣпостей и портовъ: Керчи и Еникале. (ст. II).

3. Въ вознагражденіе за отказъ отъ всякихъ притязаній на обладаніе Крымомъ, Кубанью и островомъ Таманью, — Очаковъ и его округъ уступаются Турціи. (Ст. III).

Сверхъ того, Оттоманская Порта уступаетъ Россіи въ вѣчное владѣніе:

1. Крѣпость Кинбурнъ съ округомъ у устьевъ Днѣпра и ненаселенную мѣстность, заключающуюся между этой рѣкою и Бугомъ (ст. XVIII).

2. Крѣпости Керчь и Еникале въ Крыму, съ ихъ округами (ст. XIX).

3. Городъ Азовъ съ его округомъ, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ трактатомъ 1770 года (ст. XX).

4. Большую и Малую Кабарду, если на то послѣдуетъ согласіе Крымскаго Хана (ст. XXI) [1]).

Обѣимъ державамъ предоставляется право возводить по усмотрѣнію крѣпости, или укрѣпленія въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ границами.

Россія возвращаетъ Портѣ:

1. Всю Бессарабію, города: Аккерманъ, Килію, Измаилъ, крѣпость Бендеры и острова въ Архипелагѣ.

2. Княжества Молдавію и Валахію, на слѣдующихъ условіяхъ:

а. Турція обязывается даровать полную, безграничную амнистію всѣмъ подданнымъ княжествъ.

---

[1]) Джембулаки, Едиссанцы, Едискульцы принадлежатъ къ Кубанскимъ Татарамъ; Буджаки тоже переселились на Кубань въ 1770 г.

b. Она ни подъ какимъ видомъ не должна препятствовать свободному отправленію христіанскаго богослуженія и возведенію православныхъ храмовъ.

c. Конфискованныя у религіозныхъ корпорацій имущества должны быть имъ возвращены.

d. Всѣмъ безъ изъятія жителямъ предоставляется право эмигрировать въ теченіи года, куда пожелаютъ, съ семействами и совсѣмъ своимъ достояніемъ.

e. Княжества освобождаются на два года отъ уплаты всякихъ податей и никакая военная контрибуція не должна съ нихъ взыскиваться.

f. Владѣтельнымъ князьямъ обоихъ Княжествъ дозволяется имѣть въ Константинополѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ, для охраненія интересовъ своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ.

g. Русскому послу въ Константинополѣ предоставляется ходатайствовать у Порты по дѣламъ Княжествъ, когда это признано будетъ имъ необходимымъ (ст. XVIII).

3. Порта обязывается не облагать какою бы то ни было податью Грузію и Мингрелію.

Въ отношеніи торговомъ:

1. Судоходство по всѣмъ водамъ, омывающимъ берега владѣній обѣихъ державъ, объявляется свободнымъ для ихъ подданныхъ. Проливы Чернаго моря и Архипелага открыты для Русскихъ кораблей, которымъ дозволяется также заходить во всѣ, безъ исключенія, турецкіе порты и гавани.

2. Россія можетъ назначать консуловъ и вицеконсуловъ всюду, гдѣ признаетъ нужнымъ. Она будутъ пользоваться правами, предоставленными таковымъ агентамъ другихъ державъ (ст. II).

3. Въ случаѣ заключенія Россіи торговыхъ договоровъ съ Варварійскими владѣніями, Порта принимаетъ на себя ручательство за точное ихъ выполненіе (ст. XII).

Въ отношеніи международномъ и политическомъ:

1. Титулъ Императрицы Всероссійской признается Оттоманскою Портою и она обязывается употреблять его во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, На турецкомъ языкѣ присвоивается титулъ Падишага.

2. Представитель Россіи въ Константинополѣ при всѣхъ оффиціальныхъ церемоніяхъ, непосредственно слѣдуетъ за представителемъ Императора, если облеченъ въ равное съ нимъ званіе; если же званіе его выше, или ниже, то онъ слѣдуетъ за Германскимъ посломъ [1] (ст. XV).

3. Порта принимаетъ подъ свое покровительство христіанскую религію и ея храмы. Кромѣ домовой церкви въ помѣщеніи русскаго посла, разрѣшается возвести еще православный храмъ въ Галатскомъ кварталѣ, охрана котораго возлагается на русское посольство. (ст. VII и XIV).

4. Подданнымъ Россіи разрѣшается свободно посѣщать Іерусалимъ и Святыя мѣста, не платя за это никакой пошлины (ст. XVIII).

5. Споры и пререканія, могущія возникать на границахъ, между подданными обоихъ государствъ, разрѣшаются губернаторами, комендантами или спеціально для того назначенными коммисарами; во всякомъ же случаѣ, подобныя недоразумѣнія не должны служить поводомъ къ разладу между подписавшими трактатъ сторонами.

6. Всѣ предшествовавшіе трактаты, а въ особенности бѣлградскій и послѣдовавшіе за нимъ, признаются уничтоженными, за исключеніемъ однакоже тѣхъ статей трактата 1770 года, которыя относятся до опредѣленія взаимныхъ границъ.

Мы не перечисляемъ остальныхъ статей мирнаго трактата, такъ какъ онѣ относятся единственно до послѣдствій мира, обмѣна плѣнныхъ и посылки чрезвычайныхъ пословъ [2]).

---

[1]) Этою оговоркою русскому послу предоставляется первое мѣсто послѣ Императора (Астрійскаго).

[2]) До обмѣна ратификацій этого трактата, обѣ державы подписали 8/20 января 1775 г. въ Константинополѣ договоръ, которымъ опредѣлялись бу-

Такъ окончилась война, начатая Портою въ 1768 году съ цѣлью воспрепятствовать усиленію русскаго вліянія въ польскомъ вопросѣ.

Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ занялъ безспорно самую блестящую страницу въ исторіи Россіи: онъ нанесъ смертельный ударъ призраку величія и несокрушимаго могущества Порты, внушавшему прежде несказанный ужасъ Европѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ мусульманское иго перестало казаться чрезмѣрно страшнымъ христіанамъ, которые съ тѣхъ поръ, стали уже предвкушать надежду сбросить съ себя таковое со временемъ.

Онъ знаменовалъ также начало упадка Восточной Имперіи: великій визирь Реуссъ-Эффенди, вынужденный обстоятельствами подписать трактатъ, вполнѣ сознаъ его гибельныя послѣдствія и, не доѣхавъ до Стамбула, умеръ съ печали въ Адріанополѣ.

Выгоды, пріобрѣтенныя Россіей по смыслу трактата, были громадны и доказывали глубокую мудрость и прозорливость русскихъ дипломатовъ; владѣть Керчью, Еникале, Кинбурномъ и имѣть флотъ въ Черномъ морѣ — превосходило все то, о чемъ могъ когда-либо мечтать Петръ Великій!

Поэтому вся Европа,—не исключая Пруссіи и Австріи,—неблагосклонно отнеслась къ распространенію русскаго владычества на Востокѣ; но воспротивиться таковому въ 1774 году ни одна держава не могла, имѣя на рукахъ другія, болѣе неотложныя заботы.

Испанія и Португалія не ладили между собою и не довѣряли другъ другу; Франціи угрожала война на ея собственныхъ границахъ; Англію исключительно занимали волненія, обнаружившіяся въ ея Американскихъ колоніяхъ, разразившіяся позднѣе революціей; наконецъ Пруссія и Австрія безмолвствовали, надѣясь на подачки отъ щедротъ побѣдителя.

Несомнѣнно однакоже, что именно послѣ заключенія Ку-

дущія отношенія Султановъ къ крымскимъ ханамъ; принимая власть, каждый новый ханъ обязывался заявлять о томъ турецкому и русскому правительствамъ. Въ доказательство согласія, султанъ долженъ былъ послать ему въ подарокъ соболью шубу, чалму и саблю.

чукъ-Кайнарджійскаго мира зародилась въ Западныхъ державахъ зависть къ успѣхамъ русскихъ на востокѣ, такъ часто служившая впослѣдствіи поводомъ раздора и смутъ въ Европѣ.

Россіи приписывали даже такія намѣренія относительно Порты, которыхъ она, по всей вѣроятности, никогда не имѣла.

Не безъинтересно письмо австрійскаго посла въ Константинополѣ, адресованное имъ его правительству вслѣдъ за заключеніемъ мира 1774 года, помѣченное 3 сентября. Вотъ что онъ писалъ:

„Принимая во вниманіе, что по смыслу мирнаго трактата, „Россія пріобрѣтаетъ съ одной стороны западную часть Крым-„скаго полуострова, крѣпость Еникале и превосходный Кер-„ченскій портъ; а съ другой стороны Кинбурнъ, оба берега „и устье Днѣпра; принимая во вниманіе, что Россія намѣрена „не только возобновить укрѣпленія Азова при устьѣ Дона, но „и усилить оборону перворазряднаго Таганрогскаго порта; при-„нимая наконецъ во вниманіе, что мѣстности эти изобилуютъ „строевымъ лѣсомъ, желѣзомъ, пенькою и другими матеріа-„лами, необходимыми для постройки судовъ, — оказывается, „что Россія можетъ въ весьма непродолжительномъ времени „и безъ значительныхъ денежныхъ затратъ, построить въ „Керчи флотъ изъ 12—15 большихъ кораблей; суда меньшей „вмѣстимости соорудятся ею въ другихъ пріобрѣтенныхъ при-„брежныхъ пунктахъ. Слѣдовательно, Россіи представляется „полная возможность быстро создать все необходимое для тран-„спортированія значительныхъ отрядовъ войскъ“.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія постоянно будетъ „имѣть въ своихъ новыхъ владѣніяхъ отъ 30 до 40,000 войска, „составленнаго изъ милицій, охранявшихъ доселѣ Украйну, „или изъ нѣкоторой части ея многочисленной арміи. Поэтому „Россія нисколько не затруднится производить высадки на „различныхъ пунктахъ Черноморскаго прибрежья, — лишь бы „это было признано нужнымъ ея правительствомъ, — не при-„бѣгая при томъ къ усиленному вооруженію, при попутномъ „вѣтрѣ, эскадра съ 20,000 десантомъ, черезъ двое сутокъ по „выходѣ изъ Керчи, безпрепятственно явится передъ стѣнами „Константинополя“.

„Въ особенности же заслуживаетъ вниманія то обстоятель-„ство, что поддержаніе Оттоманской Имперіи уже не будетъ „зависѣть отъ Европейскихъ державъ, а единственно отъ „доброй воли Россіи. И дѣйствительно, по окончаніи работъ, „производимыхъ русскими въ сооружаемыхъ ими верфяхъ и „докахъ, — что конечно не задолжится, — можно съ часу на „часъ ожидать взятія ими Константинополя; притомъ паденіе „этой столицы послѣдуетъ такъ внезапно, что совершится „ранѣе, чѣмъ вѣсть о движеніи русскихъ войскъ донесется до „предѣловъ ближайшихъ къ границамъ Россіи христіанскихъ „державъ [1]).“

Объяснительный договоръ.

Только неумолимая сила обстоятельствъ заставила турокъ подчиниться условіямъ, предписаннымъ имъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ, и лишь въ послѣдствіи уяснили они себѣ все пагубное ихъ значеніе. Независимость татаръ была имъ особенно прискорбна, такъ какъ лишала ихъ возможности излить свою злобу на Христіанскія Государства, преимущественно же на Россію.

Съ другой стороны, обладаніе Керчью и Еникале, давало Россіи возможность, привести въ исполненіе ея замыслы относительно Чернаго моря, которыхъ Екатерина II даже не старалась скрывать.

Все убѣждало, что миръ не можетъ быть продолжителенъ.

Великій визирь осмѣлился даже сказать русскому послу въ Константинополѣ, что никакія прочныя отношенія не устано-

---

[1]) 4/16 апрѣля того-же (1775) года, обѣ державы подписали договоръ, опредѣлявшій границы Кинбурнскаго округа, уступленнаго Россіи по смыслу VIII статьи Кайнарджійскаго трактата. Назначенные комиссары рѣшили, что къ мѣстности, заключающейся между Днѣпромъ и Бугомъ, прирѣжется для Россіи и та, которая простирается отъ Гарды на Бугѣ и отъ устьевъ Каменки на Днѣпрѣ, до слiянія этихъ двухъ рѣкъ подъ Очаковомъ. На этой вновь пріобрѣтенной мѣстности, Императрица Екатерина II повелѣла возвести городъ Херсонъ, долженствовавшій служить станціей для русской торговли съ Левантомъ. (Исторія мирныхъ трактатовъ Коха. Томъ XIV).

вятся между обоими правительствами до тѣхъ поръ, пока татары будутъ независимы, а Керчь и Еникале не будутъ возвращены Турціи.

Считая себя еще достаточно сильною, чтобы заявлять требованія, Порта умышленно нарушала условія Кайнарджійскаго трактата; ей удалось даже смѣстить хана Сахимъ-Гирея, пользовавшагося покровительствомъ Императрицы, и замѣнить его преданнымъ себѣ властителемъ. Впрочемъ послѣдній не долго властвовалъ: Екатерина II возстановила права Сахимъ-Гирея силою оружія, которое намѣревалась обратить затѣмъ на Турцію, но благодаря вмѣшательству Франціи, политическія усложненія въ положеніи Порты были на этотъ разъ дружелюбно устранены.

Вотъ текстъ объяснительнаго договора, подписаннаго 2 марта 1779 года:

1. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ подтверждается, за исключеніемъ статей, разрѣшаемыхъ настоящимъ договоромъ (ст. 1).

2. Порта оффиціально объявляетъ себя обязанною, признавать полную независимость татарскихъ племенъ Крыма и ихъ хана. Этотъ послѣдній долженъ при принятіи власти испрашивать благословеніе султана, который въ свою очередь не можетъ ни въ какомъ случаѣ, опираясь на эту религіозную прерогативу, вмѣшиваться въ гражданскія и политическія дѣла Крыма (ст. II).

3. Императрица принимаетъ на себя обязательство, наблюсти за правильною передачею Портѣ татарами мѣстностей, заключающихся между Днѣстромъ и Бугамъ и между Польшею и Чернымъ моремъ [1]) (ст. V).

Изъ этихъ мѣстностей Порта обязана изъять достаточное количество земли для образованія Очаковскаго округа; остальныя земли останутся незаселенными въ видахъ обезпеченія обѣихъ державъ.

4. Статьи, относящіяся до русской торговли на Чер-

[1]) Мы знаемъ, что мѣстности эти, за исключеніемъ крѣпости Очакова, были уступлены татарамъ III статьей трактата 1774 года.

номъ морѣ, подтверждаются, но съ условіемъ, чтобы вмѣстимость и вооруженіе русскихъ кораблей были согласованы съ правилами, установленными на этотъ предметъ во Франціи и въ Англіи. Вербовка турецкихъ матросовъ разрѣшается Россіи только въ случаяхъ крайней важности и не иначе, какъ съ согласія турецкаго правительства (ст. VI).

5. Статья VII и VIII относятся до льготъ, предоставленныхъ Молдавіи и Валахіи XVI статьей трактата 1774 года.

„Этотъ договоръ,—говорится въ IX и послѣдней его „статьѣ, — составляетъ неотдѣляемое дополненіе къ ку„чукъ-кайнарджійскому трактату“.

Однако дополненіе это далеко не устраняло безпрерывно возникавшихъ затрудненій и недоразумѣній.

Поддержавъ силою оружія Сахимъ-Гирея, низложеннаго султаномъ, Россія едва не была вовлечена въ новую войну; къ счастію вновь назначенный великій визирь успѣлъ убѣдить султана засвидѣтельствовать, что всѣ обязательства, возложенныя на Порту трактатами 1774 и 1779 годовъ, будутъ ею въ точночности соблюдаемы.

Вслѣдствіе такого удостовѣренія представилось необходимымъ заключить новый договоръ, которымъ были-бы точно опредѣлены торговыя отношенія обѣихъ державъ. Этотъ торговый договоръ, между Россіей и Портою, былъ подписанъ въ Константинополѣ въ іюнѣ 1783 года.

Было бы слишкомъ затруднительно и долго, даже поверхностно перечислить всѣ статьи (81) этого договора; ограничимся лишь указаніемъ на наиболѣе важныя:

Свобода судоходства и торговли въ Турціи и ея владѣніяхъ, дозволяется Россіи.

Русскіе купцы подвергаются лишь уплатѣ 3% пошлины со всѣхъ привозимыхъ ими товаровъ; никакихъ другихъ налоговъ на нихъ не налагается.

Русскій флотъ ничего не уплачиваетъ за плаваніе по Константинопольскому проливу и каналамъ.

Туркамъ дозволяется запасаться хлѣбомъ и другими припасами въ Русскихъ портахъ Чернаго моря.

Взамѣнъ этого, русскимъ подданнымъ дозволяется закупать во всей Турціи, исключая Константинополя, товары, пріобрѣтеніе которыхъ имъ доселѣ было возбранено (шелкъ, рисъ, устрицы и пр.),

Въ случаѣ войны, между обѣими державами, торговцамъ взаимно предоставляется трехъ-мѣсячный срокъ для сбыта ихъ товаровъ и ликвидированія дѣлъ.

ГЛАВА II.

Присоединеніе къ Россіи Крыма,

Утвержденіе татарскаго владычества въ Крыму относится къ XIII вѣку. Жители полуострова были въ то время Команы и Половцы, поселившіяся тамъ четырьмя столѣтіями ранѣе.

Батый, племянникъ Чингисъ-Хана, повелитель Кипчакской орды, обитавшей между рѣками Яикомъ и Волгою, завладѣлъ Крымомъ, присоединивъ также къ своимъ владѣніямъ обширныя мѣстности между Дунаемъ, Днѣстромъ, Бугомъ и Бердою, населенныя Ногайцами.

Варварское татарское племя сдѣлалось такимъ образомъ могущественною опорою монголовъ въ Европѣ; жажда къ завоеваніямъ и несокрушимое могущество дикихъ сыновъ степей приводили въ непреодолимый ужасъ сосѣднія государства. Наибольшему же раззоренію подвергалась Русь; предводимые ханами династіи Гиреевъ, крымскіе татары безпрерывно вторгались въ русскіе предѣлы и наконецъ, въ 1237 году, поработили Русь.

Хотя царь Іоаннъ Васильевичъ IV покорилъ казанскихъ, астраханскихъ и сибирскихъ татаръ, но до XVI вѣка ни ему, ни преемникамъ его не удалось смирить гордыню Золотой Орды. За то Турція съумѣла извлечь изъ этой борьбы для себя пользу: Крымскіе татары отдались подъ покровительство Порты.

Вліяніе Оттомановъ на крымскихъ татаръ не замедлило сказаться; сначала ихъ воинственныя полчища были направляемы Портою противъ Россіи, Польши и Венгріи, — но затѣмъ она совершенно подчинила ихъ своему владычеству: изъ вассаловъ татары сдѣлались вѣрными подданными Турціи.

Ежегодная дань, уплачиваемая Россіей потомкамъ Чингисъ-Хана, была прекращена въ силу константинопольскаго трактата 1720 г.; тогда настало для русскихъ свести старые счеты съ Ордою, за причиненныя ею раззоренія и бѣдствія... Всякій разъ, когда Россія воевала съ Турціей, войска ея проникали въ Крымъ,—но и опустошенія, произведенныя тамъ генераломъ Леонтьевымъ, не удовлетворяли ея жаждѣ мщенія,..

Только въ царствованіе Императрицы Екатерины II Россія добилась полнаго удовлетворенія.

Кучукъ-Кайнарджійскій и послѣдовавшія за нимъ трактаты блистательно доказали, что Россія неизмѣримо превосходитъ въ могуществѣ Оттоманскую имперію. Хотя такое ея превосходство было признано всею Европою, но Императрица этимъ не довольствовалась: ея цѣли были болѣе опредѣленны, болѣе обширны, и Канарджійскій миръ служилъ ей только первымъ шагомъ къ приведенію ихъ въ исполненіе.

Война 1768—1774 годовъ, доказавъ безсиліе оттомановъ, внушила Государынѣ мысль вовсе прогнать турокъ изъ Европы и осуществить извѣстный проектъ возстановленія древней Греціи на развалинахъ восточной имперіи.

Этотъ проектъ, въ свое время переполошившій все христіанство, одобрялся также императоромъ Іосифомъ, надѣявшимся получить при этомъ вознагражденіе за неудачи по Баварскому наслѣдству.

Союзъ, заключенный въ 1764 году между Императрицею Екатериною II и Фридрихомъ II прусскимъ, разстроился вслѣдствіе ошибки послѣдняго [1]); Австрія воспользовалась ею, чтобы сблизиться съ Россіей.

---

[1]) Фридрихъ II предложилъ заключить четверной союзъ: Россіи, Пруссіи, Австріи и Турціи, съ цѣлью взаимнаго гарантированія ихъ завоеваній; предложеніе это не согласовалось съ видами Императрицы на востокѣ

Но, прежде чѣмъ изгнать турокъ изъ Европы, Императрица признавала необходимымъ обладать Крымомъ, такъ какъ тѣмъ обезпечивалась Россіи полная свобода дѣйствій на Черномъ морѣ.

Условія послѣднихъ, заключенныхъ съ Турціею, трактатовъ значительно облегчали достиженіе этой цѣли; нужно было только найти предлогъ для начатія дѣйствій.

Независимость, дарованная татарамъ Кайнарджійскимъ миромъ, подтвержденная объяснительнымъ договоромъ, ясно доказывала, что Россія стремится утвердить свое исключительное владычество на Крымскомъ полуостровѣ. Турція хорошо понимала это; мы уже знаемъ, какими путями она добивалась уничтоженія трактата 1774 года, равно какъ и то, что ея агенты, при содѣйствіи пословъ нѣкоторыхъ Европейскихъ державъ, успѣли низложить хана Сахимъ-Гирея, владычество котораго было признано тѣмъ же трактатомъ.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что и Россія не слишкомъ-то строго соблюдала статьи трактата, во-первыхъ, она вовсе не торопилась вывести изъ Крыма свои войска, какъ это было условлено; во-вторыхъ, ее обвиняли въ подстрекательствѣ къ возмущеніямъ, безпрерывно тамъ возникавшимъ. Такое натянутое положеніе дѣлъ, постоянно угрожавшее войною, могло быть устранено лишь прочнымъ утвержденіемъ на Таврическомъ полуостровѣ верховнаго владычества, которой либо изъ двухъ имперій.

Татарамъ тоже не легко жилось; они были, такъ сказать, между двухъ огней, и недоумѣвали, къ которой изъ двухъ сторонъ примкнуть; мнѣнія были различны, а потому междуусобицы не прекращались.

Ханъ Девлетъ-Гирей, сложивъ съ себя власть, бѣжалъ въ горы. Мѣсто его, при содѣйствіи Россіи, занялъ Сахимъ-Гирей; Порта же утвердила Селима, который управлялъ лишь нѣсколько дней и вынужденъ былъ вновь уступить престолъ своему предшественнику.

Шихиръ-Гирей прогналъ Сахима, —но Императрица вручила власть послѣднему; русскій флотъ, крейсировавшій въ

Черномъ морѣ, воспрепятствовалъ Портѣ оказать помощь своимъ приверженцамъ.

Сахимъ не пользовался расположеніемъ крестьянъ, не одобрявшихъ его реформаторскія затѣи; все въ немъ имъ не нравилось: его русскій поваръ, его щегольскіе экипажи, служили имъ неистощимыми предлогами громкаго осужденія.

Состоящихъ при Сахимѣ русскихъ агентовъ, Константинова и Васильева, татары считали внушителями вводимыхъ Гиреемъ преобразованій, что и послужило поводомъ къ возмущенію. Батый-Гирей, братъ Сахима, осадилъ Кафу, гдѣ находился послѣдній, и тѣмъ принудилъ его къ бѣгству въ Таганрогъ; Императрица въ третій разъ возвратила ему власть.

Постоянное усиленіе русскаго вліянія въ Крыму не могло не оскорблять Порту,—а потому она двинула свои войска на Тамань и приказала отрубить голову послу хана; оскорбленный такимъ поступкомъ, Сахимъ-Гирей потребовалъ возврата Очакова. Такъ какъ все предвѣщало возникновеніе новой русско-турецкой войны, то Императрица рѣшилась разъ навсегда покончить съ крымскимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что политическое положеніе Европы вполнѣ тому благопріятствовало.

Вниманіе державъ сосредоточивалось въ то время на болѣе важныхъ и неотложныхъ событіяхъ: Англія воевала съ Франціей и Сѣверо-Американскими Штатами; Пруссіи, обезсиленной борьбою за Баварское наслѣдство, приходилось устраивать свои собственныя дѣла въ Германіи. Австрія же, какъ сказано выше, была не прочь содѣйствовать видамъ Императрицы.

Вотъ причины, по которымъ манифестъ 10 апрѣля 1783 г. нисколько не удивилъ Европу, отвѣтившую на его молчаніемъ—признакомъ согласія.

Настаивая на признаніи независимости Крыма,—говорилось въ манифестѣ, Россія исключительно имѣла въ виду устранить всѣ поводы къ столкновенію съ Портою. Цѣль эта къ сожалѣнію не достигнута: Крымъ постоянно служитъ театромъ нескончаемыхъ смутъ, а Турція то и дѣло направляетъ свои усилія овладѣть островомъ Таманью; къ томуже-же подавленіе крымскихъ возстаній уже обошлось Россіи въ 12 милліоновъ

рублей. Сказанное побуждаетъ Императрицу объявить, что возвращая себѣ права побѣдителя вслѣдствіе явнаго нарушенія портою условій мира, она принимаетъ подъ свое непосредственное державное владычество полуостровъ Крымъ, островъ Тамань и земли по р. Кубани [1]).

Въ то же время князь Потемкинъ изумлявшій міръ своею эксцентричностью, завѣрилъ Императрицу, что присоединеніе Крыма послѣдуетъ безъ всякаго кровопролитія. Генералъ Суворовъ, командовавшій арміею, расположенною около Ейской крѣпости, получивъ отъ князя секретныя инструкціи, стянулъ къ Ейску войска, и въ 1783 году пригласилъ на пиръ всѣхъ татарскихъ старшинъ; болѣе 5,000 мирзъ приняли приглашеніе и явились на зовъ. Пиръ былъ на славу: поглащено 100 быковъ, 800 барановъ, 500 ведеръ водки и столько-же портера [2]).

Признавая себя безсильнымъ сдерживать безпрерывно возникавшія возмущенія, Сахимъ-Гирей по возвращеніи съ пира объявилъ, что отказывается отъ власти, предоставляя своимъ подданнымъ избрать новаго властителя; самъ же онъ желаетъ только жить въ его средѣ, какъ вѣрноподданный Россіи [3]). При этомъ было прочитано воззваніе князя Потемкина, сулившее татарамъ высокое покровительство Императрицы, подъ условіемъ принесенія ими присяги на подданство Ея Величеству. Воззваніе было единодушно принято;—присяга принесена передъ стоявшими подъ ружьемъ войсками съ энтузіазмомъ возбужденнымъ громомъ пушечной пальбы, звуками музыки и шумомъ пиршества, продолжавшагося еще лишнихъ два дня, нѣсколько старшинъ были приняты на службу въ русскую армію офицерами.

Тѣмъ временемъ высшіе чины арміи Суворова разъѣзжали по Крыму, приводя всюду къ присягѣ его жителей.

Никакихъ серьезныхъ затрудненій не возникло; даже Порта

---

[1]) Мартенсъ, томъ IV, стр. 144.

[2]) Побѣды Суворова, Москва.

[3]) Сахимъ-Гирей не остался однако жить на родинѣ, гдѣ ничто не согласовалось съ его привычками; онъ уѣхалъ въ Турцію и тамъ по повелѣнію Султана былъ обезглавленъ или задушенъ.

изъявила свое согласіе на совершившійся фактъ: полнѣйшее истощеніе силъ не дозволило ей возражать.

Присоединеніе къ Россіи Крыма представлялось между тѣмъ самымъ страшнымъ ударомъ, какой только можно было нанести Оттоманской имперіи... Хотя турецкій народъ громко требовалъ объявленія войны Россіи, но правительство сознавало свое очевидное безсиліе, тѣмъ болѣе, что протестъ, заявленный имъ державамъ остался безъ послѣдствій.

Предоставленная на произволъ судьбы, Порта вынуждена была покориться необходимости, хотя всячески отдаляла наступленіе роковой минуты, угрожавшей ей гибелью. Императрица, выведенная изъ терпѣнія проволочками, потребовала наконецъ въ октябрѣ 1783 года категорическаго заявленія Султана, признаетъ ли онъ фактъ присоединенія Крыма къ Россіи?

Это энергическое дѣйствіе увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ: Султанъ поспѣшилъ выразить свое полное согласіе, хотя втайнѣ лелѣялъ надежду, что настанетъ время, когда обстоятельства измѣнятся и онъ возвратитъ утраченное.

28 декабря 1783 года, русскимъ посломъ Булгаковымъ и великимъ визиремъ былъ подписанъ въ Константинополѣ договоръ слѣдующаго содержанія:

> *Ст. 1.* Мирный трактатъ 1774 года, конвенція 1775 г. объ опредѣленіи границъ, объяснительный договоръ 1779 года и торговый договоръ 1783 года будутъ по прежнему соблюдаемы. Уничтожаются только: Ст. III трактата 1774 г., и статьи II, III и IV объяснительнаго договора 1779 г. Ст. III трактата 1774 г., обезпечивающая Портѣ обладаніе Очаковымъ и его округомъ, остается во всей своей силѣ.

Только щадя самолюбіе Турціи, не объявлялось прямо о присоединеніи къ Россіи Крыма, а упоминалось лишь объ уничтоженіи тѣхъ статей Кайнарджійскаго трактата, которыми признавалась независимость татаръ [1]).

---

[1]) Кохъ. Собраніе трактатовъ, томъ XIV.

Ст. 2. Русское Императорское правительство признаетъ исключительную принадлежность Портѣ крѣпости Суджакъ-Калесси [1]), обязываясь притомъ никогда не предъявлять на нее правъ, присвоивавшихся крымскими ханами.

Ст. 3. Рѣка Кубань служитъ границею; Россія отказывается отъ обладанія мѣстностями, лежащими по ту сторону этой рѣки.

Окончательно вступивъ во владѣніе полуостровомъ, Императрица занялась упроченіемъ своего господства на Черномъ морѣ и повелѣла устроить въ Крыму военный портъ, арсеналъ и крѣпость [2]).

Близъ селенія Ахтіаръ находилась мѣстность, какъ бы самою природою предназначенная для этой цѣли. По распоряженію русскаго правительства туда посланы были инженеры, подрядчики, строители — и грозная твердыня Севастополя не замедлила возникнуть, словно по мановенію волшебнаго жезла [3]).

Чтобы вполнѣ опредѣлить цѣль возведенія такихъ гигантскихъ сооруженій, Екатерина II, посѣтивъ Крымъ въ 1787 г., повелѣла на воротахъ новой крѣпости начертать надпись: «Дорога въ Константинополь» [4]).

И это нельзя было признать тогда за самонадѣянное высокомѣріе, потому что русская армія могла быть въ 24 часа доставлена въ Босфоръ; затѣмъ овладѣть Константинополемъ представлялось дѣломъ столь-же легкимъ, какъ и осуществленіе присоединенія къ Россіи Крыма.

Важное значеніе присоединенія Крыма такъ очевидно, что всякія разглагольствованія объ этомъ вполнѣ излишни. Мы воздержимся также отъ обсужденія мѣръ, принятыхъ княземъ Потемкинымъ и его преемниками, для водворенія цивилизаціи среди татаръ, которыми они вскорѣ доведены были до нище-

---

[1]) Крѣпость эта находится на турецкой Кубани, у черноморскаго берега, въ 66 верстахъ отъ острова Тамани.

[2]) Историческій очеркъ Крыма I. I. Е. Коу.

[3]) Историческій очеркъ Крыма, I. I. Е. Коу.

[4]) Тоже.

ты, столь несоотвѣтствовавшей благоденствію Крыма подъ управленіемъ хановъ, во время самостоятельнаго ихъ владычества [1].

Вскорѣ послѣ знаменательнаго, описаннаго нами событія, грузинскій царь Георгій Иракліевичъ призналъ по собственному желанію владычество Россіи и подписалъ въ этомъ смыслѣ трактатъ въ крѣпости Георгіевскѣ въ 1783 г., которымъ его преемники обязывались при вступленіи на престолъ испрашивать на то согласіе Россіи; утверждалась также свобода торговыхъ сношеній между обоими государствами [2].

Въ слѣдующемъ году владѣтели Кахетіи и Имеретіи, признавъ надъ собою державную власть Императрицы, образовали передовую цѣпь, вполнѣ способную не допускать вторженія въ Россію турокъ и татаръ.

ГЛАВА III.

Вторая война Россіи съ Турціей.—Ясскій Трактатъ 29 Дек. 1791 г. (10 Янв. 1792 г.).

Не могло быть сомнѣнія, что Турція употребитъ всевозможныя усилія, чтобы уклониться отъ исполненія обязательствъ, принятыхъ ею единственно вслѣдствіе неумолимаго гнета обстоятельствъ.

Султана больше всего огорчала уступка Крыма, — а потому онъ нетерпѣливо ожидалъ случая сокрушить русское владычество въ Тавридѣ.

Настойчиво стремясь къ достиженію этой цѣли, онъ разослалъ многочисленныхъ агентовъ къ дворамъ европейскихъ государей для заключенія союзовъ и дѣятельно занялся переорганизаціей арміи.

Политическія отношенія Россіи къ иностраннымъ прави-

---

[1]) Подробныя свѣденія о Крымѣ заключаются въ трудѣ Анатолія Демидова: „Путешествіе по южной Россіи и Крыму."

[2]) Въ 1802 г. Грузія окончательно присоединена къ Россіи.

тельствамъ, подвергшіяся въ то время нѣкоторымъ измѣненіямъ, внушали Портѣ не малую надежду на успѣхъ.

Хотя дружба между Россіей и Австріей казалась прочно установившейся, а Франція, исключительно занятая внутренними смутами, совершенно устранилась отъ вмѣшательства въ турецкія дѣла,—зато Англія, убѣдясь, какое важное значеніе имѣетъ преобладаніе русскаго флота на Черномъ морѣ, охотно поддерживала стремленія султана отказаться отъ исполненія обязательствъ, исторгнутыхъ у него силою,—сулила ему свою помощь и снабжала деньгами для военныхъ цѣлей. Подобныя же соображенія побуждали Пруссію вовлечь Польшу и Швецію въ войну съ Россіей.

Напряженное настроеніе европейской дипломатіи ясно сказывалось; новыя усложненія, новые поводы къ неудовольствію, были еще болѣе возбуждены слѣдующимъ неожиданнымъ событіемъ:

Желая доказать, какое важное значеніе для Россіи представляетъ обладаніе Крымомъ, Императрица Екатерина II лично посѣтила Тавриду въ 1787 году. Обстоятельства, сопровождавшія это посѣщеніе, значительно усилили тревогу султана, крайне подозрительно относившагося къ русской политикѣ, сосредоточеніе же на Днѣпрѣ русскихъ войскъ, притомъ въ числѣ, далеко превышавшемъ то, которое признавалось необходимымъ для конвоированія царскаго поѣзда, внушало ему серьезныя опасенія.

Съ другой стороны, состоявшееся во время этой поѣздки свиданіе Императрицы Всероссійской съ Императоромъ Австрійскимъ, взволновало Англію и Пруссію; утверждали даже, что дружескій союзъ, заключенный между имперіями въ 1770 году, былъ обращенъ во время свиданія въ оборонительный союзъ противъ Оттоманской Порты [1]).

Тотчасъ по полученіи объ этомъ извѣщенія, султанъ повелѣлъ собрать грозную армію подъ Очаковомъ и присту-

[1]) Французскій посланникъ Графъ Сегюръ, сопровождавшій Императрицу въ ея путешествіи, удостовѣряетъ, что подобный союзъ никогда не былъ оффиціально заключенъ между Австріей и Россіей: *Историко-политическое обозрѣніе* Европы, соч. Сегюра.

пить къ огромнымъ вооруженіямъ на сушѣ и на морѣ. Англійскіе и прусскіе дипломатическіе агенты всячески побуждали падишаха начать военныя дѣйствія, удостовѣряя его, что и Швеція намѣрена ополчиться противъ Россіи.

Великій визирь, увлеченный ихъ обѣщаніями, и не желая, вѣроятно, упустить удобнаго случая, передалъ русскому послу въ Константинополѣ, Булгакову, ноту въ формѣ ультиматума, которою требовалъ, чтобы Россія отказалась отъ владычества надъ Грузіей, такъ какъ страна эта издавна принадлежала Турціи, державныя права которой надъ нею утверждены XIII статьей Кайнарджійскаго трактата.

Кромѣ того нота требовала выдачи Маврокордато, господаря Молдавіи, которому, по мнѣнію визиря, Россія не имѣла права оказывать гостепріимства, и возврата 39 соляныхъ мѣсторожденій близъ Кинбурна, уступленныхъ будто бы Портѣ по смыслу того же трактата 1774 года.

Вслѣдствіе же обвиненія, взведеннаго на Россію въ контрабандномъ провозѣ подъ турецкимъ флагомъ запрещенныхъ товаровъ, великій визирь заявлялъ, что впредь русскіе суда будутъ подвергаться таможенному осмотру.

Наконецъ срокъ для доставленія отвѣта на ультиматумъ назначался двухъ-недѣльный.

Никакія представленія и усилія Булгакова добиться назначенія болѣе продолжительнаго срока не увѣнчались успѣхомъ. Султанъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Императрица съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергнетъ ноту, а потому не желалъ отдалять наступленія рѣшительной минуты и тѣмъ подвергаться случайностямъ, могущихъ возникнуть непредвидѣнныхъ усложненій.

Такое положеніе дѣлъ побудило Булгакова рѣшиться на смѣлое, энергическое дѣйствіе: именемъ Императрицы онъ отвѣтилъ, что Россія не исполнитъ требованій, оскорбительныхъ для ея достоинства, направленныхъ къ явному ущербу ея подданныхъ.

Такого именно отвѣта и желала Порта; Булгаковъ былъ немедленно заключенъ въ Семибашенный замокъ и въ Авгу-

стѣ мѣсяцѣ 1787 г. послѣдовало объявленіе Турціей войны Россіи.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого, настоящій разрывъ и причины его вызывавшія были обнародованы манифестомъ русскаго правительства.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны начались военныя дѣйствія на Черномъ морѣ, подъ Очаковымъ и Кинбурномъ.

Морскія силы Россіи состояли изъ 8 кораблей, 12 фрегатовъ и нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ, построенныхъ въ Севастопольскихъ и Херсонскихъ верфяхъ; сухопутныя изъ 2-хъ армій: Украинской, подъ начальствомъ князя Потемкина, и Екатеринославской, подъ предводительствомъ графа Румянцева.

Въ 1787 году происходили лишь стычки, не имѣвшія важнаго значенія.

Въ началѣ слѣдующаго года императоръ австрійскій писалъ Екатеринѣ II:

«Узнавъ, что одинъ изъ подданныхъ Вашего Величества заключенъ Портою въ Семибашенный замокъ и желая доказать Вамъ мое негодованіе по случаю такого несправедливаго поступка, Я повелѣлъ моимъ войскамъ начать военныя дѣйствія противъ мусульманъ, чтобы наказать ихъ.»

Австрійскія войска вступили въ бой въ Февралѣ мѣсяцѣ. Тогда какъ русскіе, одерживая побѣду за побѣдой, овладѣли Очаковымъ (1788), Бендерами и Аккерманомъ (1789), австрійцы постоянно терпѣли неудачи.

Торжество русскихъ армій покупалось, однако, дорогою цѣною, такъ какъ правительство вовлекалось въ значительныя денежныя затраты и не имѣло возможности направить всѣ свои боевыя силы противъ Турціи, нужно было подавлять возмущеніе въ Польшѣ и не дозволить шведамъ вторгнуться въ сѣверные предѣлы Россіи.

Есть полное основаніе полагать, что Императрица охотно согласилась бы въ то время заключить миръ на условіяхъ, которыя вознаграждали бы Россію за принесенныя ею жертвы соразмѣрно съ пріобрѣтеніями, сдѣланными ея войсками. Но

подобныя условія не входили въ разсчеты прочихъ державъ Европы, не скрывавшихъ своего неудовольствія по поводу русскихъ побѣдъ на востокѣ, — въ особенности же Пруссіи и Англіи.

Обѣ эти державы, не довольствуясь возбужденіемъ смутъ въ Польшѣ и поощреніемъ замысловъ Швеціи противъ Россіи, имѣли въ виду заставить Императрицу отказаться отъ всѣхъ завоеванныхъ мѣстностей и признать полное, ненарушимое status quo для Оттоманскихъ владѣній.

Для достиженія этой цѣли прусскій король заключилъ въ 1789 году тайный союзъ съ султаномъ, которымъ обязался весною слѣдующаго года объявить войну Австріи и Россіи и не прекращать ее до тѣхъ поръ, пока Порта не заключитъ выгоднаго для себя мира и не будетъ вполнѣ обезопасена какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Султанъ съ своей стороны гарантировалъ возвратъ Польшѣ Галиціи.

Не приступая, однако же, къ дѣйствіямъ, прусскій король пытался добиться того-же путемъ дипломатическихъ сношеній. Не желая вовсе отвергнуть предложенное посредничество, но, не довѣряя искренности таковаго, Императрица поручила графу Нессельроде, русскому послу въ Берлинѣ, передать королю ея отвѣтъ, которымъ заявляла о своемъ сердечномъ желаніи, какъ можно скорѣе прекратить бѣдствія, вызванныя несправедливою, навязанною ей Портою войною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *для доказательства ея личнаго довѣрія къ королю Прусскому*, она сообщила ему слѣдующія, по ея убѣжденію, крайне умѣренныя и вполнѣ справедливыя условія, которыя могли бы служить основою для мира въ Турціи: [1])

1. Удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное достоинству Императрицы.

2. Вознагражденіе за убытки и расходы, вызванные несправедливо объявленною войною.

3. Представленіе прочныхъ гарантій ненарушимости мира въ будущемъ.

---

[1]) Нота 8-го Января.

Въ силу этихъ трехъ главныхъ основъ, Императрица требовала, чтобы Порта подтвердила всѣ заключенные съ нею трактаты, начиная съ Кайнарджійскаго, и безпрекословно уступила-бы Россіи городъ Аккерманъ и мѣстности до Днѣпра.

Кромѣ того дунайскія княжества долженствовало оффиціально признать свободными, независимыми владѣніями, подъ управленіемъ государей православнаго вѣроисповѣданія. Для устраненія всякихъ поводовъ къ раздорамъ и несогласіямъ между обоими государствами, княжества обязывались-бы соблюдать относительно ихъ строжайшій нейтралитетъ.

Требованія эти не представлялись чрезмѣрными, а потому, хотя онѣ не согласовались съ желаніями берлинскаго кабинета, были переданы Портѣ. Фридрихъ II хорошо зналъ, что султанъ не изъявитъ согласія; дѣйствительно, онъ объявилъ, что не приступитъ къ переговорамъ до тѣхъ поръ, пока Крымъ будетъ оставаться во власти Россіи. Къ тому же онъ опасался, чтобы послѣдствія дарованія автономіи дунайскимъ княжествамъ не были тождественны съ результатами признанія независимости татаръ.

Не было, повидимому, надежды на скорое примиреніе воюющихъ сторонъ, но смерть императора Іосифа II неожиданно измѣнила положеніе дѣлъ. Преемникъ его, Леопольдъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отозвалъ свои войска и послалъ уполномоченныхъ на конгрессъ, собравшійся въ 1790 г. въ Рейхенбахѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Англіи, Пруссіи и Голландіи. [1])

Соединенныя силы принца Кобургскаго и генерала Суворова уже готовились къ рѣшительному нападенію на турокъ, когда посланный австрійскаго правительства передалъ волю императора принцу, который вынужденъ былъ разстаться съ русскими и заключить съ Портою перемиріе.

Предварительныя условія мира Австріи съ Турціей были быстро и безпрепятственно приведены къ окончанію въ Рейхенбахѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ подписаніе оконча-

---

[1]) Россія наотрѣзъ отказалась отъ участія въ этомъ конгрессѣ.

тельнаго мира, на основаніи status quo, состоялось лишь 4 Августа 1791 года въ Систовѣ.

Между тѣмъ Россія упорно продолжала борьбу и стяжала новые лавры: въ 1790 г. Суворовъ штурмовалъ и покорилъ крѣпости Измаилъ и Браиловъ.

Въ слѣдующемъ году ключъ къ обладанію Кубанью, крѣпость Анапа, сдалась русскимъ войскамъ.

Въ виду такихъ успѣховъ, Англія, отдѣлавшаяся отъ войны съ Испаніей, рѣшилась остановить побѣдоносное шествіе русскихъ армій. Она заявила Императрицѣ, что не допуститъ измѣненія границъ Турціи и воспротивится всякимъ новымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ Россіи.

Твердое намѣреніе Англіи, неуклонно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, подтверждалось приказаніемъ, отданнымъ ея грозному флоту, приготовиться къ выступленію въ Балтійскія воды.

Не могло быть также сомнѣнія, что Пруссія, оскорбленная неудачнымъ исходомъ своего посредничества, не замедлитъ присоединиться къ Англіи и объявитъ войну Россіи. Ея 80,000-ная армія, сосредоточенная въ Силезіи, долженствовала въ такомъ случаѣ вторгнуться въ русскіе предѣлы со стороны Ливоніи и Бѣлоруссіи.

Всѣ эти усложненія, при неимѣніи союзниковъ, несомнѣнно тревожили Екатерину II; но никакія угрозы не были властны принудить ее отказаться отъ защиты дѣла, очевидная справедливость котораго была ею безповоротно признана. Вотъ что писала она тогда Циммерману:

> «Богъ видитъ, что намѣренія мои чисты, поэтому
> «вѣрьте, что никакая человѣческая сила не заставитъ
> «меня дѣйствовать въ ущербъ дорогихъ моему сердцу
> «интересовъ моей Имперіи и моего личнаго достоинства.
> «Да исполнится-же святая воля Господа!»

Для отраженія грозившей опасности, и какъ бы для подтвержденія сдѣланнаго заявленія, Императрица приступила къ громаднымъ вооруженіямъ. Не довольствуясь принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для отраженія нападеній трехъ союзныхъ державъ, она снаряжала также экспедицію въ Индію, чтобы на-

нести тѣмъ Англіи самый чувствительный ударъ: уничтожить ея торговыя сношенія съ Азіей.

Вновь вступившій въ управленіе англійскимъ кабинетомъ лордъ Гренвиль ясно предвидѣлъ, что скоро наступитъ минута совершеннаго разрыва дружескихъ сношеній съ Франціей; убѣдясь, что никакія угрозы не повліяютъ на твердую рѣшимость Императрицы, онъ перенесъ вопросъ, по примѣру Пруссіи, на примирительную почву дипломатическихъ сношеній...

Посланному въ С.-Петербургъ уполномоченному не удалось однако-же убѣдить Императрицу отказаться отъ желанія расширить свои владѣнія на счетъ Турціи.

Миссія лорда Витефорда была тоже безуспѣшна; выслушавъ представленный имъ ультиматумъ и отпуская его, она сказала:

> «Знаю, что ваше правительство порѣшило выжить «меня изъ Европы; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что оно «не воспрепятствуетъ мнѣ пріютиться въ Константи-«нополѣ.»

Такой отвѣтъ побудилъ Англію приступить къ усиленному снаряженію своего флота, которому Россія могла противуставить только 32 корабля, собранные въ Ревельскомъ портѣ подъ начальствомъ адмирала Чичагова.

Голландія, Испанія и королевство обѣихъ Сицилій тоже изъявили согласіе на союзъ съ Англіей и Пруссіей.

Россіи предстояло, такимъ образомъ, бороться съ соединенными силами почти всей Европы.

Быстрое развитіе мрачныхъ событій французской революціи во время отвратило угрожавшую опасность. Сближеніе между всѣми монархическими правительствами, не смотря ни на какія политическія соображенія и взаимныя несогласія, очевидно требовалось обстоятельствами: дѣятельное участіе Россіи въ коалиціи противъ Франціи, образовывавшейся по почину Англіи и Пруссіи, было настоятельно необходимо.

Лондонскій и берлинскій кабинеты не замедлили измѣнить свою политику и выказали полную готовность сдѣлать всякія уступки, чтобы добиться прекращенія русско-турецкой войны;

они предложили Россіи сохранить за собою крѣпость Очаковъ и всѣ мѣстности, лежащія между Бугомъ и Днѣстромъ.

Такое внезапное измѣненіе во взглядахъ союзныхъ державъ не было извѣстно въ Константинополѣ. Военныя дѣйствія продолжались и только послѣ рѣшительнаго пораженія при Мачинѣ турки убѣдились, что дальнѣйшее сопротивленіе, безполезно истощая ихъ силы, неминуемо увеличитъ размѣръ требованій, предъявляемыхъ Россіей.

Великій визирь долженъ былъ сознать, что русская Императрица, обладая непреклонною силою воли, располагаетъ громадными средствами. Онъ научился также не довѣрять обѣщаніямъ своихъ союзниковъ, помощь которыхъ еще никогда не поспѣвала во время.

Эти и многія другія соображенія побудили его подписать, 11 Августа 1791 г., въ Галацѣ, предварительныя условія мира съ Россіей.

Условія эти неизвѣстны; но все заставляетъ предполагать, что онѣ не предоставляли Россіи тѣхъ выгодъ, пріобрѣтеніе которыхъ обусловливалось нотою 8-го января. Къ тому же, самый миръ едва не былъ нарушенъ: на другой день, послѣ обмѣна актовъ между Юсуфомъ-пашею и Рѣпнинымъ, прискакалъ въ Галацъ князь Потемкинъ и, обвиняя Рѣпнина въ превышеніи данныхъ ему полномочій, объявилъ, что мирныя условія отвергаются и не имѣютъ никакой силы.

Собравъ затѣмъ конференцію въ Яссахъ, онъ намѣревался предложить турецкимъ уполномоченнымъ немыслимыя условія мира,—и Богъ вѣсть, что могло-бы отъ того произойти, если-бы смерть не положила предѣлъ гордынѣ надменнаго и безпокойнаго князя.

Графъ Безбородко, директоръ департамента иностранныхъ дѣлъ, замѣнивъ умершаго, ускорилъ окончаніемъ переговоровъ и уже 29 декабря 1791 г. былъ подписанъ въ Яссахъ мирный трактатъ, состоявшій изъ 13 статей: [1])

---

[1]) Уполномоченными Россіи были также: статскій совѣтникъ Лошкаревъ и генералы: Самойловъ и Де-Рибасъ.

Ст. 1. Миръ и продолжительная дружба утверждается между обоими государствами; полная амнистія взаимно обезпечивается ихъ подданнымъ.

Ст. 2. Всѣ предшествовавшіе сему трактаты, начиная съ канарджійскаго, подтверждаются, за исключеніемъ пунктовъ, опредѣленныхъ настоящимъ договоромъ.

Ст. 3. Отнынѣ Днѣстръ будетъ составлять демаркаціонную линію между имперіями. Турція владѣетъ всѣмъ правымъ, а Россія всѣмъ лѣвымъ его берегомъ.

Хотя объ Очаковѣ вовсе не упоминается въ трактатѣ, но крѣпость эта, находясь на уступленной мѣстности, перешла во владѣніе Россіи.

Ст. 4. Бессарабія, крѣпости: Бендеры, Аккерманъ, Килія и Измаилъ, а также Молдавія возвращаются Портѣ, которая относительно этой области обязывается не нарушать льготъ, дарованныхъ ей предшествовавшими договорами: равно не только не требовать съ ея жителей уплаты податей за все время продолженія войны, но и освободить ихъ отъ таковыхъ еще на два года.

Ст. 5. Для устраненія могущихъ возникать между обоими государствами столкновеній въ будущемъ, султанъ приметъ надлежащія мѣры, чтобы ахалцыхскій паша и губернаторы смежныхъ областей строго соблюдали ненарушимость русскихъ владѣній.

Ст. 6, Порта употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства устранить вторженіе въ русскіе предѣлы племенъ, населяющихъ лѣвый берегъ Кубани. Виновныхъ въ таковомъ султанъ обязывается подвергать строгому взысканію съ возвращеніемъ всего награбленнаго.

Ст. 7. Турція обязывается вознаграждать Россію за разбои и грабежи, могущія совершаться дикими племенами.

Остальными статьями опредѣлялось: освобожденіе плѣнныхъ (ст. 8); прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій (ст. 9); взаимное назначеніе пословъ (ст. 10); опредѣленіе срока взаимной передачи уступленныхъ мѣстностей (ст. 11) и, наконецъ, обсужденіе способа обмѣна ратификацій (ст. 12 и 13).

Придвинувъ свои границы къ Днѣстру, Россія значительно усиливала свое господство на Черномъ морѣ. Городъ Одесса, основанный герцогомъ Ришилье въ 1793 г., на вновь пріобрѣтенной мѣстности, быстро сдѣлался центромъ русской торговли на югѣ и окончательно утвердилъ преобладаніе тамъ русскаго флота.

Такое могущество, пріобрѣтенное притомъ въ одно царствованіе, краснорѣчиво свидѣтельствовало о необыкновенныхъ дарованіяхъ Императрицы Екатерины II и о политической умѣренности русскихъ государственныхъ дѣятелей того времени, возбудило вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ нами уже заявлено выше,—зависть западныхъ державъ.

Успѣхи, достигнутые Россіей, были по истинѣ изумительны.

Первая война съ Турціей, завершившаяся Кайнарджійскимъ миромъ, приведя русскихъ къ Черному морю, открыла имъ свободный доступъ къ Кавказу и къ Кубани и подготовила имъ обладаніе Крымомъ, устранивъ турецкое вліяніе на татаръ.

Эти первые результаты, внушивъ страхъ туркамъ, оживили надежды христіанъ на возможность освобожденія отъ тяготѣющаго надъ ними мусульманскаго ига; они убѣдили русскихъ въ ихъ мощи и утвердили въ нихъ сознаніе величія и святости ихъ призванія...

Въ краткій промежутокъ времени, прошедшій отъ заключенія мира до возобновленія военныхъ операцій, искусными дѣйствіями дипломатіи Россія пріобрѣла земли на Кубани, островъ Тамань и Крымскій полуостровъ; торговый договоръ предоставилъ русскому купеческому флоту важныя выгоды и преимущество и свободное судоходство по Босфору и Дарданелламъ.

Не менѣе блистателенъ былъ исходъ второй войны: признаніе и упроченіе обладанія Крымомъ, распространеніе русскихъ границъ до Днѣстра и пріобрѣтеніе нѣсколькихъ крѣпостей, прочно утвердили преобладающее могущество Россіи надъ державою, дикими полчищами которой Шуазель еще такъ недавно мечталъ наводнить и подавить возникавшій на сѣверѣ Европы колоссъ!...

Царствованіе императора Александра I-го.

ГЛАВА IV.

Бухарестскій трактатъ 16/28 мая 1812 года.

Продолжительный миръ, водворившійся по заключеніи Ясскаго трактата, свидѣтельствуетъ, что Россія, пріобрѣтя Крымъ и распространивъ свои владѣнія до береговъ Днѣпра,—неуклонно стремилась къ своей завѣтной цѣли.

Иныя заботы поглощали вниманіе Европы: революціонное движеніе во Франціи было причиною повсемѣстно обнаруживавшейся тревоги.

Императрица Екатерина не принимала дѣятельнаго участія въ коалиціи, составленной Англіей въ 1792 году противъ Франціи. Послѣдніе годы ея славнаго царствованія были исключительно посвящены проведенію внутреннихъ реформъ и польскимъ дѣламъ, завершившимся лишь за годъ до ея смерти (1795) третьимъ и послѣднимъ раздѣломъ Польши.

Преемникъ великой монархини, императоръ Павелъ I-й, немедленно по вступленіи на престолъ сдѣлался душою второй коалиціи противъ Франціи. Будучи гроссмейстеромъ ордена мальтійскихъ кавалеровъ, онъ считалъ себя лично оскорбленнымъ занятіемъ французами острова Мальты и крутыми мѣрами принятыми ими противъ ордена.

Полнѣйшее согласіе поддерживалось между константинопольскимъ и с.-петербургскимъ кабинетами; оно еще болѣе упрочилось заключеніемъ, 23 декабря 1798 года, союза противъ Франціи [1]).

Въ силу этого союза, соединенныя эскадры обѣихъ договорившихся державъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Ушакова, вошли въ Средиземное море и на первыхъ же порахъ

---

[1]) Этотъ оборонительный и наступательный союзъ заключенъ былъ на восемь лѣтъ.

пріобрѣли блестящіе успѣхи: французы принуждены были очистить острова Архипелага; папѣ и королю неаполитанскому была возвращена власть,—а италіянскія республики, основанныя французами, были уничтожены.

Предположивъ образовать изъ Греко-Венеціанскихъ островъ независимую республику, Россія и Турція заключили, 21 марта ~~1850~~ года, въ Константинополѣ конвенцію, въ силу которой острова: Корфу, Зантъ, Итака, Кефалонія и Св. Маврикія составили „Республику семи соединенныхъ острововъ" [1]). Состоя подъ покровительствомъ Россіи, республика эта обязывалась признавать надъ собою верховную власть Порты и платить ей дань. (75.000 піастровъ въ треть).

Вскорѣ за тѣмъ Павелъ I-й, огорченный неудачею своихъ войскъ въ Цюрихѣ и негодуя на Англію за ея уклончивость отъ дѣятельнаго содѣйствія въ общемъ дѣлѣ,—отказался отъ участія въ коалиціи. Къ тому же царствованіе его, какъ извѣстно, было не продолжительно.

Въ 1801 году взошелъ на престолъ императоръ Александръ I-й. Отношенія Россіи и Турціи не только свидѣтельствовали объ установившемся между ними дружелюбіи, но и убѣждали, что таковое еще болѣе упрочится, такъ какъ султанъ нуждался въ поддержкѣ русскаго монарха противъ Франціи, которая среди мира неожиданно вторглась въ Египетъ.

Между тѣмъ Александръ I-й, оскорбленный рѣзкимъ отказомъ Наполеона, принять его посредничество въ переговорахъ о прекращеніи морской войны, съ 1798 года безпрерывно продолжавшейся между Франціей и Англіей, сдѣлался главою третьей коалиціи, къ участію въ которой пригласилъ и султана. Послѣдній, противъ всякаго ожиданія, отказался, ясно обнаруживъ тѣмъ свое намѣреніе, наблюсти за ходомъ борьбы и убѣдиться на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ.

---

[1]) По смыслу трактата, заключеннаго 5 ноября 1815 года Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей, республика семи соединенныхъ острововъ признана свободною и независимою, съ присвоеніемъ ей названія „Соединенныхъ штатовъ Іоническихъ острововъ" и принята подъ покровительство Англіи, которая ввела тамъ свою юрисдикцію. Пространство, занимаемое штатами, доходитъ до 42 квадр. геогр. миль, при 200.000 жителей.

Отказъ султана изумилъ русскаго царя и возбудилъ въ немъ невольныя подозрѣнія.

Отношенія Наполеона къ султану не только не были дружественны, но замѣтно становились болѣе и болѣе натянутыми. Успѣхи русскихъ войскъ ободрили Порту: въ 1804 году, она рѣшительно отказалась признать Наполеона императоромъ.

Война Франціи съ Портою считалась неизбѣжною, но неудача русскихъ подъ Аустерлицемъ, 25 декабря 1805 года, дала новое направленіе измѣнчивой политикѣ турецкаго правительства.

Признавая Аустерлицкій бой полнымъ погромомъ Россіи и не считая ее уже опасною для себя, Порта, не колеблясь, поспѣшила признать Наполеона императоромъ или падишахомъ; оба правительства обмѣнялись посольствами, при чемъ, честь быть представителемъ французской имперіи въ Константинополѣ, выпала на долю генерала Себастіани.

Искустныя дѣйствія этого замѣчательнаго дипломата, вполнѣ знакомаго съ правами и обычаями восточныхъ народовъ, незамедлили убѣдить, что главною его задачею было вовлечь Турцію въ войну съ Россіей. Убѣжденіе это пріобрѣтало тѣмъ большее вѣроятіе, что Франціи дѣйствительно нужно было разъединить силы Россіи отвлеченіемъ части ея войскъ противъ Турціи, такъ какъ императоръ Александръ І-й, отвергнувъ условія Пресбургскаго мира, продолжалъ вести войну въ качествѣ союзника Пруссіи.

Въ началѣ происки Себастіани не имѣли успѣха; затѣмъ ему удалось мало по малу побороть недовѣріе турокъ къ политикѣ Наполеона и увѣрить султана, что геніальный императоръ французовъ, располагая громадными матеріальными средствами, охотно обратитъ таковыя на пользу и славу друга своего, Селима, но лишь съ условіемъ, чтобы англійскому флоту было воспрещено плаваніе по Босфору, а съ Россіей послѣдовалъ открытый разрывъ.

Хотя исполненіе этихъ требованій несомнѣнно угрожало Турціи многими, весьма серьезными замѣшательствами,—но не легко было ей также отказать Наполеону, особенно, разсчитывая на его помощь.

Къ этому времени относятся первыя попытки султана, преобразовать свои войска на европейскій ладъ. Французскіе офицеры, приглашенные по рекомендаціи Себастіани для исполненія обязанностей инструкторовъ, весьма вяло и неохотно принимались за дѣло—и въ концѣ концевъ оказалось, что прежняя организація утратила свою силу, а новая не привилась. Къ тому же финансы Турціи находились въ самомъ жалкомъ положеніи и въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи вспыхивали мятежи.

Себастіани мастерски съумѣлъ воспользоваться возникавшими усложненіями; онъ внушилъ султану убѣжденіе, что возстаніе Сербіи—дѣло господарей дунайскихъ княжествъ, имѣвшихъ будто бы при томъ въ виду, свергнуть съ себя оттоманское владычество.

Этимъ затрогивалось больное мѣсто Порты: она легко повѣрила, что господари, дѣйствительно, заискиваютъ расположеніе Россіи и отрѣшила ихъ отъ власти, хотя не имѣла на то никакого права. По точному смыслу конвенціи 1802 года установленъ семилѣтній срокъ для управленія княжествами, избранными господарями; Турціи же предоставлено право, устранять ихъ отъ власти лишь въ томъ случаѣ, если они нанесутъ ей явное оскорбленіе, или окажутся виновными въ иныхъ, несомнѣнно важныхъ проступкахъ. Но и тогда Порта обязывалась предварительно сообщать о принимаемыхъ ею рѣшеніяхъ русскому послу и входить съ нимъ въ соглашенія по таковымъ.

Не ограничиваясь нарушеніемъ этого условія, точно опредѣленнаго конвенціей, султанъ, подстрекаемый Себастіани, взвелъ кромѣ того на Россію обвиненіе въ оказаніи поддержки сербскому возстанію и требовалъ, чтобы императоръ отказался отъ предоставленнаго русскимъ судамъ права свободнаго плаванія въ Дарданеллахъ и по Босфору.

Какъ дерзкое требованіе это, такъ и безконечныя придирки, тормозившія русскую, морскую торговлю въ турецкихъ водахъ и гаваняхъ—переполнили мѣру терпѣнія императора Александра; повелѣвъ своему послу въ Константинополѣ потребовать отъ султана категорическаго разъясненія причинъ,

побудившихъ его нарушить конвенцію 1802 года, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ приказаніе генералу Михельсону, начальствовавшему южною русскою арміею, двинуться къ Дунаю.

Ультиматумомъ, врученнымъ дивану г. Италинскимъ, императоръ требовалъ:

1. Чтобы господарямъ дунайскихъ княжествъ были безотлагательно возвращены ихъ права.

2. Чтобы всѣ права и преимущества, дарованныя дунайскимъ княжествамъ предшествовавшими трактатами, были подтверждены и впредь ненарушимо соблюдаемы.

3. Чтобы Порта окончательно отказалась отъ намѣренія закрыть для русскихъ судовъ Дарданеллы и Босфоръ и ни подъ какимъ предлогомъ не препятствовала ихъ свободному плаванію въ тѣхъ водахъ.

4. Чтобы союзъ, заключенный съ Англіей въ 1795 году, былъ возобновленъ и

5. Чтобы Али пашѣ было строго внушено, отнюдь не принимать угрожающаго положенія относительно республики семи соединенныхъ острововъ.

Энергическій тонъ русскаго ультиматума съ одной стороны и опасеніе навлечь гнѣвъ Себастіани съ другой—ставили султана въ крайне затруднительное положеніе; по восточному обычаю онъ медлилъ принятіемъ окончательнаго рѣшенія.

Однако совѣты и пышныя обѣщанія французскаго посла восторжествовали: Селимъ, соглашаясь возстановить нарушенныя права господарей, положительно отвергъ всѣ остальныя требованія русскаго императора.

Вслѣдствіе такого отказа русскія войска вступили въ дунайскія княжества 22 ноября 1806 года и заняли Бендеры, Хотинъ и Яссы.

Дипломатическія сношенія между обоими правительствами были прерваны и, если русскій посолъ, г. Италинскій, не подвергся заточенію въ Семибашенномъ замкѣ, то единственно благодаря энергическому вмѣшательству посла Англіи - сэра Чарльза Арбутнота (Arbuthnot).

Оба противника съ одинаковымъ нетерпѣніемъ рвались къ бою,—но султанъ, серьозно озабоченный возникавшими въ раз-

ныхъ частяхъ его имперіи смутами и возстаніями, еще не рѣшался открыто объявить Россіи войну. Главнѣе всего его тревожило то, что борьба съ внѣшнимъ врагомъ неизбѣжно увеличитъ шансы возставшихъ племенъ свергнуть съ себя гнетъ оттоманскаго владычества.

Симпатіи славянъ къ Россіи тоже замѣтно усиливались и внушали падишаху тѣмъ большія опасенія, что онъ не располагалъ достаточными средствами для усмиренія непокорныхъ вассаловъ. Новая организація регулярныхъ войскъ не была еще вполнѣ окончена, а своеволія и буйства янычаръ убѣждали, что они скорѣе примутъ сторону возмутившихся, чѣмъ обнажатъ противъ нихъ свои ятаганы.

Между тѣмъ русскія войска побѣдоносно подвигались впередъ и заняли Бухарестъ; Себастіани ловко воспользовался этимъ событіемъ для достиженія своей цѣли: по его настоянію $^{18}/_{30}$ декабря султанъ оффиціально объявилъ войну Россіи.

Спокойно, но зорко слѣдя за совершавшимися на его глазахъ событіями, англійскій посолъ не принималъ, повидимому, въ нихъ участія; но вслѣдъ за объявленіемъ войны, сэръ Чарльзъ Арбутнотъ представилъ султану ультиматумъ своего правительства, требовавшій немѣдленнаго удаленія изъ Константинополя французскаго посланника и разрѣшенія англійскимъ судамъ безпрепятственно входить въ Босфоръ и Дарданеллы. Въ случаѣ же отказа выражалась угроза добиться требуемаго при содѣйствіи англо-русской эскадры, стоявшей у острова Тенедоса.

Вслѣдствіе извѣщенія великаго визиря, что Порта не признаетъ возможнымъ выполнить предъявленныхъ ей требованій—Арбутнотъ выѣхалъ изъ Константинополя со всѣми пребывавшими въ турецкой столицѣ англійскими негоціантами, сообщивъ дивану, что еще въ теченіи особаго, назначаемаго срока, будетъ ожидать окончательнаго отвѣта на ультиматумъ.

Отвѣта однако же не послѣдовало; тогда англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Дукворта, вошла при попутномъ вѣтрѣ въ Дарданеллы, встрѣтивъ лишь весьма слабое, не причинившее ей вреда сопротивленіе со стороны полуобрушенныхъ фортовъ, защищавшихъ доступъ къ проливу,—уничто-

жила при Галлиполи, пытавшійся преградить ей путь, турецкій флотъ и къ вечеру, 20 февраля 1807 года, доставила жителямъ Константинополя неиспытанное еще ими до того времени пріятное очущеніе, видѣть непріятельскій флотъ на своемъ рейдѣ.

На дальнѣйшія энергическія дѣйствія Арбутнотъ однако не рѣшился; потерявъ много драгоцѣннаго времени въ безполезныхъ переговорахъ, онъ далъ тѣмъ туркамъ возможность грозно укрѣпить Дарданеллы.

Тогда положеніе сторонъ видимо измѣнилось—и англійскому адмиралу пришлось уже заботиться о томъ, какъ бы по добру, по здорову совершить обратное движеніе, притомъ съ наименьшими потерями.

Снявшись съ якорей, 3 марта 1807 года, онъ съ трудомъ добрался до Тенедоса, лишившись 600 человѣкъ экипажа, одного корвета и одного брига.

Хотя турецкій флотъ, погнавшійся за англійскою эскадрою, не настигъ ее,—по 1-го іюля въ виду острова Лемноса, онъ наткнулся на русскія суда отряда адмирала Сенявина; завязался упорный, шестичасовой бой, въ которомъ турки потерпѣли полное пораженіе. Четыре корабля были трофеями побѣдителей.

Блистательная побѣда, одержанная флотомъ, не вознаграждала однако же Россію за препятствія, задерживавшія успѣшность ея военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Признавая настоятельно необходимымъ подкрѣпить свѣжими войсками арміи, боровшіяся съ Наполеономъ,—императоръ Александръ поручилъ генералу Михельсону сообщить Портѣ, что русскія войска будутъ выведены изъ дунайскихъ княжествъ, если султанъ изъявитъ согласіе выслать изъ Константинополя французскаго посланника Себастіани и подтвердитъ силу предшествующихъ трактатовъ.

Въ виду значительнаго усиленія внутреннихъ смутъ въ турецкой имперіи, султанъ охотно согласился бы прекратить войну, даже на заявленныхъ Михельсономъ условіяхъ тѣмъ еще болѣе, что расходы по ея веденію далеко превышали предположенную норму—но и на этотъ разъ побѣда осталась

за злымъ геніемъ Турціи, пронырливымъ Себастіани, умѣвшимъ увѣрить падишаха въ твердой рѣшимости Наполеона, оказать своему восточному союзнику и другу самую дѣйствительную поддержку.

Между тѣмъ энергія турокъ не ослабѣвала; напротивъ, она проявила себя еще съ большею силою, когда вслѣдствіе гаремныхъ интригъ, разразившихся революціей, султанъ Мустафа взошелъ на престолъ своего двоюроднаго брата. Но энергія эта продолжалась недолго. Тильзитскій миръ (1807 г.), лишивъ турокъ надежды на помощь Франціи, убѣдилъ ихъ, что вести одиночную борьбу съ могучимъ противникомъ имъ уже не подъ силу.

Наполеонъ, не довольствуясь тѣмъ, что отказалъ туркамъ въ обѣщанной помощи, поспѣшилъ предложить императору Александру свое содѣйствіе къ скорѣйшему заключенію мира съ Портою, на основаніи 22 статьи трактата 1807 года, по которой: „русскія войска имѣютъ быть выведены изъ Валахіи и Молдавіи; войска же султана не займутъ этихъ областей до обмѣна мира, имѣющаго послѣдовать между Турціей и Россіей".

Принявъ на себя посредничество, Наполеонъ послалъ генерала Гильемино на театръ войны, поручивъ ему содѣйствовать заключенію перемирія и наблюсти за удаленіемъ русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ.

Историкъ Тобидо свидѣтельствуетъ, что инструкціи, данныя генералу Гильемино, вмѣняли ему въ обязанность оказывать русскимъ самое дѣйствительное содѣйствіе [1]). Къ сожалѣнію генералъ не умѣлъ, или не хотѣлъ оправдать довѣрія своего государя: безпрерывнымъ, вполнѣ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ онъ только задерживалъ успѣшный ходъ переговоровъ.

„Слава Богу"—писалъ по заключеніи перемирія Лошкаревъ Михельсону, — „намъ удалось наконецъ покончить. Дѣло уладилось бы скорѣе и лучше, еслибы между мною и турецкими уполномоченными не было еще лица,

[1]) Исторія консульства и имперіи, соч. Тибодо. (Thibaudeau).

всячески старавшагося возбуждать и создавать недоразумѣнія и препятствія".

Условія перемирія, заключеннаго $^{12}/_{24}$ апрѣля 1807 года въ Слободзеѣ Лошкаревымъ съ одной, — великимъ визиремъ и Саидъ-Галибомъ съ другой стороны, клонились не въ пользу русскихъ и не соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ императора Александра.

Онѣ заключались въ слѣдующемъ:

Ст. 1. Непріязненныя дѣйствія между русскими и турецкими войсками пріостанавливаются.

Ст. 2. Для заключенія окончательнаго мира соберутся особые уполномоченные. Если же переговоры ихъ не приведутъ къ соглашенію, то перерывъ непріязненныхъ дѣйствій будетъ продолженъ до 3 апрѣля 1808 года.

Ст. 3. Турецкія и русскія войска обязаны немедленно и не позднѣе 35 дней по подписаніи сего договора очистить Молдавію и Валахію, не забирая съ собою оружія и прочаго военнаго снаряженія, находившихся тамъ до войны. Въ Измаилѣ, Браиловѣ и Журжѣ туркамъ предоставляется право оставить гарнизоны, численность которыхъ должна строго соотвѣтствовать дѣйствительной въ нихъ потребности.

Ст. 4. Россія обязывается отозвать свой флотъ отъ острова Тенедоса,—отказаться отъ своихъ завоеваній въ Архипелагѣ и возвратить Портѣ ея суда, взятыя во время войны.

Ст. 5. Между обѣими державами, заключающими настоящій договоръ, послѣдуетъ взаимный обмѣнъ плѣнныхъ.

Мы уже сказали, что условія эти не соотвѣтствовали видамъ императора Александра; онъ не только не одобрилъ ихъ, но и выразилъ полное свое неудовольствіе, немедленно повелѣвъ генералъ-аншефу Прозоровскому сообщить Портѣ другія, единственно способныя, по убѣжденію монарха, повести къ заключенію перемирія, а затѣмъ и мира: «Россія не воз-

вратить взятыхъ судовъ и военныя дѣйствія могутъ быть возобновлены, смотря по обстоятельствамъ, тотчасъ по истеченіи 35-тидневнаго срока» [1]).

Истинная причина, вызвавшая такое рѣшеніе, была очевидна: императоръ Александръ не терялъ надежды присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію, а потому не желалъ вывести оттуда свои войска; присутствіе ихъ въ княжествахъ могло во многомъ способствовать осуществленію любимой мечты царя, находившей также вполнѣ сочувственную поддержку въ средѣ ближайшихъ его сановниковъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, ревностный сторонникъ союза Россіи съ Франціей, не одобрявшагося общественнымъ мнѣніемъ,—считалъ присоединеніе княжествъ единственнымъ средствомъ, могущимъ оправдать его политику.

Обсуждая условія перемирія съ турками, графъ Румянцовъ сказалъ французскому послу генералу Савари:

„Только присоединеніе Молдавіи и Валахіи могло „хотя отчасти измѣнить предубѣжденіе общественнаго „мнѣнія противъ союза Россіи съ Франціей; вы сами „лишаете насъ возможности воспользоваться этимъ предлогомъ для нашего оправданія. Придумайте, чѣмъ объяснить обществу неисполненіе его обѣщанія, въ особенности теперь, когда дружескія отношенія Россіи къ „Англіи нарушены?“ [2]).

На замѣчаніе Савари, что необходимо предварительно узнать, согласится ли Европа на присоединеніе къ Россіи княжествъ,—графъ Румянцевъ отвѣчалъ:

---

[1]) Хотя великій визирь не согласился принять этихъ условій, но военныя дѣйствія не были возобновлены. Императоръ Александръ выжидалъ послѣдствій посредничества Наполеона,—Порта же была не прочь воспользоваться перерывомъ, чтобы собраться съ новыми силами для продолженія борьбы.

[2]) Замѣтимъ, что послѣ Тильзитскаго мира дружба Англіи съ Россіей обратилась въ явную вражду. Послѣдовало сближеніе Англіи съ Турціей и 5 января 1808 года былъ заключенъ въ Константинополѣ договоръ, точно опредѣлившій взаимныя дружескія отношенія этихъ двухъ державъ.

„Европа возражать не будетъ. Къ тому же, развѣ „она не знаетъ, что находится между Франціей и Рос-„сіей?“ [1]).

Хотя русская дипломатія буквально выбивалась изъ силъ, чтобы вырвать у Наполеона согласіе на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ и убѣдить его санкціонировать таковое своимъ авторитетомъ, — но безуспѣшно. Тучи, затемнявшія горизонтъ по ту сторону Пиринеевъ, поглощали все его вниманіе, отвлекая отъ событій, не имѣвшихъ въ его глазахъ первостепенной важности. Вскорѣ геройское сопротивленіе сыновъ Иберіи его могучей волѣ, убѣдивъ императора въ необходимости личнаго присутствія на театрѣ войны, вынудило его вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры, необходимыя для того, чтобы обезпечить себя отъ опасностей, которыя могли для него возникнуть со стороны Германіи, тѣмъ болѣе, что Австрія дѣятельно и открыто дѣлала громадныя военныя приготовленія и значительно усиливала численный составъ своихъ армій.

Признавая союзъ съ Россіей лучшей гарантіей свободы своихъ дѣйствій въ Испаніи, императоръ не скупился ни на какія обѣщанія, лишь бы только заручиться дружбою русскаго царя.

Эрфуртскимъ свиданіемъ съ императоромъ всероссійскимъ и многими владѣтельными особами Германіи, послѣдовавшимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1808 года, Наполеонъ желалъ достигнуть именно этой цѣли; изъявивъ же согласіе принять въ немъ участіе, императоръ Александръ надѣялся, вопервыхъ, измѣненіемъ нѣкоторыхъ, крайне тяжелыхъ условій Тильзитскаго мира, оказать услугу другу своему, прусскому королю Фридриху-Вильгельму и, вовторыхъ, получить согласіе императора французовъ на присоединеніе къ Россіи дунайскихъ княжествъ.

Противъ всякаго ожиданія, Наполеонъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія исполнить данныя имъ обѣщанія; онъ положительно не далъ согласія на какія либо уступки въ поль-

[1]) Донесеніе генерала Савари императору Наполеону.

зу короля прусскаго,—а на присоединеніе къ Россіи княжествъ хотя и согласился, но очевидно неохотно, устраняя во всякомъ случаѣ немедленное матеріальное содѣйствіе Франціи, на которое не безъ основанія разсчитывало русское правительство для вѣрнаго и скораго осуществленія своихъ предположеній.

Восьмою статьею конвенціи, заключенной между обоими императорами въ Эрфуртѣ 30 сент. (12 октяб.), было условлено, что если только одна Порта воспротивится присоединенію къ Россіи княжествъ, то вооруженное содѣйствіе Наполеона не признается необходимымъ; если же Австрія, или другая какая либо держава примутъ сторону Турціи и заключатъ съ нею союзъ противъ Россіи, то французскія войска соединятся съ русскими для совокупныхъ дѣйствій.

Конечно, не такого результата ожидалъ императоръ Александръ отъ Эрфуртскаго свиданія; однако же онъ еще надѣялся, что даже простое признаніе присоединенія Наполеономъ значительно облегчитъ успѣхъ задуманнаго предпріятія, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлъ съ чьей либо стороны серьезныхъ къ тому препятствій.

Въ силу такого убѣжденія, императоръ Александръ повелѣлъ генералъ-аншефу Прозоровскому сообщить Портѣ условія, на которыхъ онъ признавалъ заключеніе мира возможнымъ.

Условія эти слѣдующія:

Возобновленіе и подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ.

Присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Россіи.

Признаніе русскаго покровительства надъ Грузіей, Имеретіей и Мингреліей.

Провозглашеніе независимости Сербіи подъ покровительствомъ Россіи.

Наконецъ, немедленное удаленіе изъ Константинополя англійскаго посла.

Когда посланный генерала Прозоровскаго вручилъ султану эти условія, — положеніе Порты было самое плачевное, такъ

какъ ей не представлялось никакой возможности продолжать войну; поэтому великій визирь охотно согласился принять ихъ въ основу мирныхъ переговоровъ и формально обязался прислать уполномоченныхъ въ г. Яссы, гдѣ уже были собраны представители Россіи.

Въ виду уступчивости Порты и слѣдуя инструкціямъ своего правительства, австрійскій посолъ счелъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ дѣло; онъ поспѣшилъ успокоить великаго визиря и убѣдить его, что Портѣ нѣтъ никакого основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи и, что Россія вовсе не такъ страшна, потому что не можетъ располагать всѣми своими боевыми силами, имѣя на рукахъ войну съ Швеціей. По мнѣнію посла, Портѣ во всякомъ случаѣ слѣдовало выждать болѣе благопріятнаго времени для начатія переговоровъ о мирѣ съ Россіей.

Визирь до того усвоилъ себѣ эти доводы австрійскаго дипломата, что вовсе отрѣшился отъ мысли заключить миръ во чтобы то ни стало; поэтому турецкіе уполномоченные, прибывъ наконецъ въ Яссы, поспѣшили открыто заявить о несогласіи порты, когда либо вести мирные переговоры, въ основаніи которыхъ не лежалъ бы принципъ соблюденія цѣлости и неприкосновенности ея границъ.

Заявленіе это, убѣдивъ русскаго царя въ невозможности прійдти къ соглашенію относительно заключенія мира, послужило въ апрѣлѣ 1809 года поводомъ къ передачѣ генералъ—аншефу Прозоровскому высочайшаго повелѣнія о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Генералъ уничтожилъ турецкія укрѣпленія и хлѣбные магазины въ Георгіевѣ,—перешелъ съ арміей Дунай и овладѣлъ крѣпостями: Тульчей и Измаиломъ.

Въ кампанію 1810 года, ознаменованную многими кровавыми битвами, Силистрія сдалась графу Ланжерону, а генералъ Каменскій 1-й одержалъ блистательную побѣду надъ турками въ Болгаріи.

На другомъ театрѣ войны, въ Сербіи, русскіе взяли Виддинъ, Никополь и другіе укрѣпленные пункты, а къ концу

1810 года, весь правый берегъ Дуная находился въ ихъ власти.

Но если вполнѣ успѣшный ходъ военныхъ дѣйствій въ Турціи не оставлялъ желать чего либо лучшаго,—зато политическія отношенія Россіи съ Европою внушали императору Александру весьма серьезныя заботы и опасенія.

Враждебные Россіи замыслы Наполеона ни для кого не составляли тайны; отреченіе русскаго правительства отъ континентальной системы,—излюбленнаго его дѣтища,—имѣвшей въ виду нанести смертельный ударъ Англіи и много другихъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ причинъ, привели наконецъ къ такой натянутости и охлажденію сношеній С.-Петербурга съ Парижемъ, устранить которыя дипломатія оказывалась безсильною.

Предвидя роковую возможность близкаго разрыва съ Наполеономъ и справедливо негодуя на него за явную неискренность, — Императоръ Александръ горячо желалъ заключить миръ съ оттоманскою имперіей; онъ былъ увѣренъ, что недавнія, блестящіе успѣхи русскаго оружія, убѣдили наконецъ турокъ въ необходимости принести требуемыя отъ нихъ жертвы.

Увѣренность эта не остановила однако же русскаго монарха потребовать отъ генерала Кутузова, — принявшаго незадолго передъ тѣмъ (1811 г.) главное начальство надъ русскими войсками, дѣйствовавшими за Дунаемъ,—его откровенное мнѣніе, признаетъ ли онъ совершенно невозможнымъ вырвать у турокъ согласіе на уступку дунайскихъ княжествъ и если признаетъ, то не выгоднѣе ли будетъ заключить миръ на условіи уступки Россіи лишь части Молдавіи до рѣки Серета, которая была бы признана границею двухъ имперій? Кромѣ того, чтобы порта обязалась заплатить Россіи 20.000 піастровъ, въ видѣ вознагражденія за ея отказъ отъ притязаній на Валахію и на остальную часть Молдавіи.

Генералъ Кутузовъ отвѣтилъ, что считаетъ возможнымъ добиться уступки указанной части Молдавіи, но не надѣется, чтобы Порта была въ состояніи уплатить весьма значительное вознагражденіе, опредѣленное государемъ. Во всякомъ случаѣ,

опираясь на объявленную ему царскую волю, онъ не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы начать переговоры о мирѣ.

Случай такой не замедлилъ представиться: въ октябрѣ 1811 года, турецкая армія была совершенно окружена русскими войсками близь Рущука. Великій визирь молилъ заключить перемиріе, на что Кутузовъ согласился лишь тогда, когда Порта оффиціально обязалась принять въ основаніе переговоровъ о мирѣ условія, точно обозначенныя въ письмѣ къ нему императора Александра.

Конгрессъ собрался въ Журжѣ; судя по первымъ преніямъ можно было надѣяться, что требованія Россіи не встрѣтятъ отказа,—но издавна усвоенная Портою измѣнчивость въ политическихъ сношеніяхъ, дала переговорамъ иной оборотъ. Турецкіе делегаты внезапно заявили, что султанъ не согласенъ на уступку территоріи до рѣки Серета, а признаетъ справедливымъ опредѣлить границею между имперіями рѣку Прутъ и то съ условіемъ, чтобы крѣпости Килія и Измаилъ остались во власти Турціи.

Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ потребовалъ, чтобы турецкая армія положила оружіе и сдалась на капитуляцію [1]); мѣра эта подѣйствовала и переговоры возобновились въ Бухарестѣ.

Не смотря на безъисходное положеніе, въ которомъ находилась турецкая армія,—во все продолженіе этой войны Портѣ не представлялось болѣе благопріятнаго случая заключить хотя сколько нибудь сносный миръ, — говоритъ Кохъ [2]). Турція безспорно лишилась трехъ областей, а армія ея была уничтожена,—но Россія еще болѣе, чѣмъ она, нуждалась въ прекращеніи войны. Страшная гроза, ничего подобнаго которой не было дотолѣ занесено на скрижали исторіи, собиралась разразиться надъ русскимъ царствомъ: подготовлялось вторженіе въ его предѣлы несмѣтныхъ полчищъ могучаго врага, составленныхъ изъ «двунадесять языкъ,»—а 14 марта 1812 года, между Франціей и Австріей былъ заключенъ договоръ, кото-

---

[1]) Она капитулировала 29 ноября 1811 года.

[2]) Краткая исторія трактатовъ. Томъ 14.

рымъ, какъ бы на зло Россіи, обезпечивалась цѣлость оттоманской имперіи.

Поэтому нисколько не удивительно, что обѣ стороны торопились заключить миръ. Онъ былъ подписанъ въ Бухарестѣ 16 — 28 мая 1812 года уполномоченными обѣихъ державъ: Италинскимъ, Сабанѣевымъ и Фонтономъ съ одной,—Саидъ-Али-Мехмедъ-Галибомъ Эфенди, Ибрагимомъ-Али-Эфенди и Абдулъ-Галибомъ-Эфенди съ другой стороны.

Условія мирнаго трактата заключались въ слѣдующемъ [1]):

Статьями 1, 2 и 3 возстановляютъ взаимныя дружескія отношенія между обѣими державами, даруется полная амнистія ихъ подданнымъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, и подтверждаются всѣ предшествовавшіе трактаты.

По смыслу 4-й статьи, границею между обѣими державами опредѣляется рѣка Прутъ, отъ ея истока до того мѣста, гдѣ она проникаетъ въ Молдавію.

Судоходство по Дунаю признается свободнымъ,—но острова, разбросанные по многочисленнымъ рукавамъ этой рѣки, остаются не заселенными и ни одной изъ договаривающихся сторонъ принадлежать не должны; подданнымъ же ихъ разрѣшается имѣть временное тамъ пребываніе для занятій рыбнымъ промысломъ и рубкою лѣса.

Ст. 5 обусловливаетъ возвратъ Турціи Валахіи и остающейся, за уступкой Россіи, части Молдавіи въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ будутъ находиться во время подписанія настоящаго трактата. Порта подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права и привиллегіи дарованныя княжествамъ предшествовавшими договорами и, въ особенности, 4 статьею ясскаго трактата.

Такимъ образомъ турки лишены были права требовать за понесенные ими убытки какое либо вознагражденіе съ жителей этихъ областей; послѣдніе избавлялись также и отъ уплаты дани на два года. Наконецъ, желающимъ эмигрировать предоставлялся для этого четырехъ-мѣсячный срокъ.

---

[1]) Дипломатическій сборникъ Гильяни т. 11 стр. 136.

Ст. 6. утверждаетъ Азіатскую границу обѣихъ державъ тѣми же линіями, какими она обозначалась до начатія войны. Россія обязалась возвратить Турціи всѣ земли и крѣпости завоеванныя ею въ Азіи.

Въ силу 7-й статьи, всѣ мусульмане и ренегаты, проживавшіе въ мѣстностяхъ уступаемыхъ Россіи, имѣютъ право, если пожелаютъ, перевезти свои семейства и имущества въ предѣлы оттоманской имперіи и вступить въ турецкое подданство. Русское правительство обязывается не только не препятствовать, но и облегчать имъ, по возможности, такое переселеніе.

Ст. 8. опредѣляетъ права и привиллегіи, дарованныя Сербіи, и гласитъ: хотя несомнѣнно, что блистательная Порта, руководимая, какъ всегда, принципами человѣколюбія, отнесется великодушно и милостиво къ сербамъ, признаваемымъ «ab antiquo» подданными и данниками Турціи, — но, принимая во вниманіе ихъ дѣятельное участіе въ войнѣ, нынѣ прекращенной, признается настоятельно необходимымъ точно опредѣлить условія, могущія обезпечить Сербіи ея полную безопасность [1]). Вслѣдствіе такихъ соображеній, блистательная Порта обязывается даровать сербамъ общую, безусловную амнистію и ни подъ какимъ предлогомъ не допускать возмездія за совершенныя ими дѣйствія. Крѣпости и иныя укрѣпленные пункты, возведенные на сербской землѣ во время войны, утративъ нынѣ свое значеніе, имѣютъ быть уничтожены; крѣпости же, издавна тамъ имѣвшіяся, должны быть возвращены Турціи съ ихъ артиллеріею, боевыми принадлежностями и прочими предметами военнаго снаряженія; размѣщеніе въ нихъ гарнизоновъ и численность таковыхъ предоставляется ближайшему усмотрѣнію Порты. Для огражденія же Сербіи отъ притѣсненій

---

[1]) Всѣмъ извѣстно, — говоритъ Гильяни въ своемъ дипломатическомъ сборникѣ, — что сербы не приняли изложенныхъ условій и продолжали сражаться; извѣстно также, какія жестокости совершили турки во время этой войны; она прекратилась мирнымъ трактатомъ 3—15 декабря 1815.

и произвола, блистательная Порта, побуждаемая чувствами милосердія, не преминетъ войдти съ Сербскою націею въ соглашеніе относительно опредѣленія необходимыхъ для того гарантій. Признавая автономію сербіи, Порта даруетъ ей такія же привиллегіи, какими пользуются ея подданные, населяющіе острова Архипелага и другія мѣстности; желая же доказать свое высокое милосердіе, она предоставитъ сербамъ внутреннее самоуправленіе,—опредѣлитъ размѣръ платимой дани сообразно съ дѣйствительными средствами страны, нисколько не отягощая ее и согласится принимать эту дань отъ уполномоченныхъ народомъ лицъ, а не чрезъ посредство сборщиковъ податей. Словомъ, Порта устроитъ свои отношенія съ княжествомъ на основаніи полнаго взаимнаго соглашенія съ сербской націей.

Ст. 9. устанавливаетъ, что плѣнные будутъ освобождены безъ всякаго выкупа, что христіане, добровольно принявшіе исламъ во время нахожденія ихъ во владѣніяхъ блистательной Порты, и мусульмане, тоже добровольно принявшіе христіанскую вѣру, бывъ въ плѣну у русскихъ, отнюдь не подвергнутся какимъ либо стѣсненіямъ и имъ предоставится право остаться на мѣстахъ жительства, или возвратиться на родину.

Ст. 10 опредѣляетъ, что всякія дѣла и иски подданныхъ обѣихъ державъ, начатые до войны и пріостановленные по этому случаю производствомъ, — будутъ возобновлены и окончены согласно съ законоположеніями тотчасъ по заключеніи мира.

Ст. 11. назначаетъ трехмѣсячный срокъ, со дня обмѣна ратификацій, для вывода русскихъ войскъ какъ изъ Молдавіи и Валахіи, такъ и изъ мѣстностей занятыхъ ими въ Азіи.

Ст. 12 гласитъ, что всякій разъ, когда русскій посолъ, или повѣренный въ дѣлахъ, на основаніи 7-й статьи Ясскаго трактата, потребуютъ вознагражденія за убытки, причиненные русскимъ подданнымъ или купцамъ алжирскими, тунисскими или триполійскими пиратами,—или

заявятъ о какомъ либо нарушеніи существующихъ торговыхъ договоровъ, — то блистательная Порта немедленно приметъ всѣ зависящія отъ нея строгія мѣры для удовлетворенія пострадавшихъ и возстановленія точнаго смысла трактатовъ. Россія обязывается поступать точно также относительно турецкихъ подданныхъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія торговыхъ договоровъ.

Ст. 13. выражаетъ согласіе Россіи на посредничество Порты для заключенія мира съ Персіей.

Ст. 14, 15 и 16 опредѣляютъ условія прекращенія военныхъ дѣйствій и взаимнаго обмѣна ратификацій. Обмѣнъ таковыхъ со стороны Россіи послѣдовалъ въ Вильнѣ 11 іюня того же 1812 года.

Такимъ образомъ изъ обзора условій Бухарестскаго трактата, и преимущественно 4-й его статьи, усматривается что Россія пріобрѣла почти третью часть Молдавіи, крѣпости: Хотинъ и Бендеры, всю Бессарабію съ Измаиломъ и Киліей и много городовъ, селъ и деревень. Кромѣ того, по смыслу 6-й статьи, она получила возможность, при приведеніи въ исполненіе условій трактата, удержать за собою всѣ области, находящіяся за Арпачаемъ и Аджарскими горами до Чернаго моря.

Дѣйствительно, отбросивъ Персіанъ за Араксъ еще до объявленія войны Турціи, Россія уже «de facto» владѣла Грузіей, Мингреліей и Турахчайскимъ краемъ, какъ по праву завоеванія, такъ и вслѣдствіе добровольно изъявленной этими странами покорности [1]).

Турція же, постоянно оспаривавшая у Россіи право оказывать имъ покровительство, утратила съ того времени всякое основаніе заявлять подобные протесты, такъ какъ удовольствовалась принятымъ Россіей обязательствомъ (ст. 6), немедленно по заключеніи мира возвратить ей всѣ крѣпости и стратегическіе пункты, отнятые у нея силою русскаго оружія.

---

[1]) Гулистанскимъ миромъ заключеннымъ Россіей съ Персіей въ 1813 году, всѣ эти страны были окончательно присоединены къ Россія.

Послѣдніе годы Александра I. Царствованіе императора Николая I.

ГЛАВА V.

Греческое возстаніе. Протоколъ (4/16 апрѣля) 1826 г. по греческимъ дѣламъ. Аккерманскій договоръ 25 сентября (7 октября) 1827 г. Адріанопольскій миръ 2/14 сентября 1829 года.

Въ теченіи семнадцатилѣтняго періода времени, протекшаго отъ заключенія Бухарестскаго до подписанія Адріанопольскаго мира, Россія не сдѣлала новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Результаты ея вѣковой борьбы съ Турціей, не оставляя желать чего либо лучшаго, давали ей неоспоримое право: довольствуясь нравственно-дружественнымъ вліяніемъ на Порту, ограничиться лишь дѣйствіями, клонившимися къ утвержденію за ея единовѣрцами привиллегій, исторгнутыхъ у султана силою русскаго оружія.

И Россія неуклонно слѣдовала такой политикѣ, пока обстоятельства не вынудили ее наконецъ, мирволя туркамъ, пожертвовать преданностью народовъ, по справедливости признававшихъ ее своею естественною, высоко чтимою покровительницею.

Всѣми трактатами, заключавшимися съ 1812 по 1829 годъ, несомнѣнно имѣлось въ виду надѣлить дунайскія княжества наибольшими привиллегіями и еще добиться освобожденія Греціи изъ-подъ турецкаго владычества. Хотя нельзя не признать, что, въ послѣдніе годы своего царствованія, императоръ Александръ I, безусловно слѣдуя политикѣ князя Меттерниха, не принималъ никакого участія въ судьбѣ единовѣрцевъ своего народа, и что трактаты, о которыхъ упомянуто выше, были заключены его преемникомъ императоромъ Николаемъ I, — но для вѣрнаго уясненія обстоятельствъ, завершившихъ и успокоившихъ возникшія тогда волненія, необ-

ходимо представить бѣглый историческій обзоръ греческаго возстанія и опредѣлить долю участія, принятаго въ немъ Россіей.

Такой обзоръ настоятельно необходимъ потому еще, что до того времени ни одно народное возстаніе, гдѣ бы таковое не возникало, не возбуждало подобнаго общаго, напряженнаго вниманія и сочувствія, какъ возстаніе грековъ, громкая историческая слава которыхъ санкціонировала, такъ сказать, ихъ энергическій протестъ противъ деспотическаго ига, тяготѣвшаго надъ ними впродолженіи трехъ съ половиною вѣковъ.

Политическія волненія, по паденіи Наполеона безпрерывно возникавшія во многихъ мѣстностяхъ Европы, не могли не обнаружиться и въ Греціи, сознававшей себя достаточно сильною и способною для завоеванія себѣ независимости.

Въ Германіи, Италіи и Испаніи образовалось весьма много обществъ, имѣвшихъ цѣлью оказывать дѣятельное содѣйствіе дѣлу освобожденія грековъ. Во время Вѣнскаго конгресса одно изъ такихъ обществъ, называвшееся „Гетеріей", пріобрѣло не маловажное политическое значеніе, и въ числѣ его членовъ было много высокопоставленныхъ лицъ; между ними Каподистрія и Александръ Ипсиланти занимали видныя мѣста. Они оба состояли на русской службѣ: первый былъ министромъ, а послѣдній генераломъ.

Разсчитывая, какъ на поддержку со стороны Россіи, такъ и на слабость Оттоманской Имперіи, Ипсиланти съ горстью отважныхъ сподвижниковъ перешелъ въ 1821 году Прутъ, взялъ Яссы и издалъ прокламацію, которою торжественно объявлялъ, что Греція, вспомоществуемая Россіей, открыто возстаетъ противъ Турціи.

Вотъ что писалъ Ипсиланти императору Александру изъ Яссъ:

„Я твердо вѣрю, Государь, что вы не откажетесь „принять участіе въ судьбахъ Греціи!.. Однимъ Вашимъ „словомъ, Вы избавите её отъ чудовищнаго деспотизма, „тиранніи и ужасовъ долгой отчаянной борьбы! Спасите „насъ, спасите вѣру Христову отъ преслѣдованій всякаго рода, которымъ она подвергается; возвратите намъ

„наши храмы и алтари, озарившіе великій, Богомъ ввѣ-
„ренный Вамъ народъ, свѣтомъ Евангельскаго ученія!
„Изгоните изъ Европы турокъ, этихъ исчадій ада, и
„тогда къ громкимъ титуламъ, поднесеннымъ Вашему Ве-
„личеству глубокою признательностью христіанскаго мі-
„ра, присоединится еще новый, не менѣе славный ти-
„тулъ Освободителя Греціи!"

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что императоръ Александръ принималъ горячее участіе въ судьбахъ Греціи, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ одобрить смѣлаго поступка Ипсиланти, знаменовавшаго явное нарушеніе принциповъ, свято и неуклонно слѣдовать которымъ онъ обязался трактатомъ 1815 г. Императоръ не только не хотѣлъ, но по справедливости и не могъ, по смыслу вышеупомянутыхъ принциповъ, дать державамъ право упрекать его въ оказаніи поддержки и покровительства тайнымъ кознямъ противъ Турціи, клонившимся къ сокрушенію порядка вещей, съ такимъ великимъ трудомъ установившагося въ Европѣ; поэтому Ипсиланти былъ тотчасъ же исключенъ изъ русской службы. Кромѣ того, не возражая противъ вступленія въ княжества турецкихъ войскъ, посланныхъ для подавленія мятежа, императоръ поручилъ своимъ дипломатическимъ агентамъ на Востокѣ выразить Портѣ свое сожалѣніе по поводу происшедшаго событія, нисколько имъ неодобряемаго.

Турецкія войска послѣ стычки въ окрестностяхъ Драгахана незамедлили разсѣять шайку Ипсиланти, который былъ вынужденъ искать спасенія въ Австріи, но тамъ его арестовали и подвергли тюремному заключенію, длившемуся семь лѣтъ. Однакоже и турки слишкомъ поторопились торжествовать свою побѣду и считать мятежъ окончательно подавленнымъ: попытка Ипсиланти, хотя неудавшаяся, послужила сигналомъ къ общему возстанію, одновременно быстро охватившему сѣверъ и югъ Греціи.

Съ особою энергіею и силою вспыхнуло возстаніе въ Морeѣ и на островахъ Архипелага. Турки, отнюдь не ожидавшіе нападеній съ этой стороны, были всюду на голову разбиваемы, а греческій флотъ, въ соединеніи съ эскадрою Аали-

паши Египетскаго, дѣйствовалъ вполнѣ успѣшно, нанося туркамъ чувствительный вредъ. Вскорѣ вся Морея была свободна.

Ярость султана, вынужденнаго сознать свою немощность въ дѣлѣ подавленія мятежа единственно силою турецкаго оружія,—незнала границъ. Увлекаемый жаждою мщенія, онъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству: возбудивъ мусульманскій фанатизмъ, произвести избіеніе всѣхъ христіанъ, проживавшихъ въ оттоманскихъ владѣніяхъ. Страшная рѣзня послѣдовавшая въ Константинополѣ, не замедлила повториться и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи.

Тысячи христіанъ были умерщвлены самымъ гнуснымъ образомъ. Мусульмане врывались въ христіанскіе храмы даже вовремя священнодѣйствія по случаю праздника Пасхи, рѣзали и душили собравшихся въ нихъ богомольцевъ.

Чтобы вполнѣ освѣтить мрачную картину неимовѣрныхъ жестокостей, совершенныхъ тогда въ Константинополѣ, достаточно напомнить читателямъ, что маститый, всѣми уважаемый старецъ патріархъ Григорій, былъ вытащенъ изъ алтаря и въ полномъ облаченіи своего высокаго сана, повѣшенъ передъ храмомъ, въ которомъ священнодѣйствовалъ!

Факты неслыханнаго звѣрства турокъ, конечно, не были тайною для Европы. Но развѣ она могла обратить на нихъ вниманіе и подать грекамъ руку помощи именно въ то время, когда всѣ безъ исключенія державы соперничали между собою въ усиліяхъ подавить революціонныя движенія, обнаруживавшіяся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи? Князь Меттернихъ руководилъ тогда политикою Европы, подобострастно преклонявшейся предъ его высокою, непогрѣшимою мудростью. Постоянно застращивая монархическія правительства, онъ проповѣдывалъ имъ, что анархія, распространяя повсюду свое тлетворное дыханіе, угрожаетъ гибелью общественному порядку и спокойствію и что возстаніе грековъ, представляясь явнымъ посягательствомъ произвести въ Европѣ общій переворотъ, не можетъ найти себѣ оправданія, даже въ самомъ отвратительномъ деспотическомъ гнетѣ.

Хотя императоръ Александръ, какъ первенствующій членъ

Священнаго Союза и помимо вліянія князя Меттерниха не признавалъ возможнымъ оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ, но константинопольскія событія поколебали однакоже его рѣшимость слѣдовать въ восточныхъ дѣлахъ политикѣ невмѣшательства, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ поруганію вѣры Христовой и къ тяжкимъ страданіямъ исповѣдующихъ ее, тѣмъ болѣе, что русскій народъ жаждалъ мщенія, а русскія войска сгарали нетерпѣніемъ еще разъ помѣряться силами съ турками.

Мы уже сказали выше, что событія, совершавшіяся въ Европѣ, исключительно поглощали вниманіе императора Александра; добавимъ, что и положеніе, принятое остальными державами, не подавало ему надежды, чтобы объявленіе войны Турціи, хотя вполнѣ оправдываемое ея возмутительными поступками, было встрѣчено ими одобрительно.

Между тѣмъ, кромѣ поруганія вѣры Христовой, Россія имѣла не мало другихъ законныхъ причинъ начать войну съ Турціей. Достаточно указать, что Порта всячески уклонялась отъ точнаго исполненія нѣкоторыхъ статей бухарестскаго трактата и преимущественно тѣхъ, которыми ограждалось судоходство русскихъ купеческихъ кораблей по Черному морю. При всемъ томъ, императоръ Александръ, даже въ виду нарушенія и оскорбленія его державныхъ правъ и власти, побуждавшихъ къ возмездію,—еще медлилъ, надѣясь пріймти къ соглашенію путемъ дипломатическихъ переговоровъ; русскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Строгановъ, которому императоръ поручилъ потребовать отъ Порты объясненія по поводу возникшихъ недоразумѣній, былъ па первыхъ же порахъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что на поддержку пословъ другихъ державъ онъ разсчитывать не могъ: они не довѣряли ему, или вѣрнѣе, кабинету, котораго онъ былъ представителемъ,—а лордъ Страффордъ Редклифъ, ревностный поклонникъ князя Меттерниха, нисколько не стѣснялся открыто выражать ему свою ненависть.

Съ другой стороны замѣтное усиленіе греческаго возстанія давало Портѣ поводъ предполагать, что Россія втайнѣ под-

держиваетъ таковое; это еще болѣе усложняло отношенія Дивана къ русскому послу и усилило ея недовѣріе къ нему.

Испытавъ всѣ средства достигнуть своихъ цѣлей, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, и убѣдясь наконецъ, что вразумить Порту можно лишь дѣйствіями энергическими, Строгановъ вручилъ ей 6 (18) іюля ультиматумъ, которымъ обвинялъ турокъ въ нарушеніи существующихъ трактатовъ, въ ограниченіи свободы русской торговли и въ поруганіи вѣры православной, требуя также немедленнаго принятія мѣръ, способныхъ вполнѣ обезпечить на будущее время политическую и религіозную свободу греческой націи.

Порта не потрудилась даже отвѣтить на ультиматумъ графа Строганова, который вслѣдствіе этого новаго, тяжкаго оскорбленія, поспѣшилъ со всѣми чиновниками посольства, выѣхать изъ Константинополя.

Война представлялась неизбѣжною,—но князь Меттернихъ, а равно и всѣ остальные вліятельные дипломаты Европы, слишкомъ горячо желали, навязавъ Россіи свою политическую мудрость, не допустить ее до вооруженнаго столкновенія съ Турціей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что замыслы этихъ господъ встрѣчали весьма серьезное неодобреніе въ средѣ русскаго общества, настоятельно требовавшаго объявленія войны; но развѣ это могло вліять на дѣйствія императорскаго правительства? Нисколько, такъ какъ въ то время не существовало свободы печатнаго слова, а строгая цензура не допускала гласнаго обсужденія мѣръ, предложенныхъ Европейскою политикою для отвращенія грозы, уже начинавшей разражаться на востокѣ.

Изъ ближайшихъ совѣтниковъ императора Александра, только графъ Каподистрія настаивалъ на принятіи энергическихъ мѣръ, способныхъ заставить Турцію строго исполнять условія заключенныхъ съ нею трактатовъ и представить прочныя гарантіи, что политическія и гражданскія права греческой народности будутъ ненарушимо соблюдаемы; остальные же утверждали напротивъ, что такая политика, ободривъ революціонеровъ, вызоветъ съ ихъ стороны еще болѣе смѣлыя попытки осуществить ихъ завѣтныя мечты и вмѣстѣ съ тѣмъ

нарушитъ дружескія отношенія, установившіяся между державами со времени Вѣнскаго конгресса.

Хотя несостоятельность приведенныхъ доводовъ была очевидна, но императоръ Александръ, считавшій себя призваннымъ быть блюстителемъ общеевропейскаго мира, согласился принять ихъ въ основу своихъ дѣйствій. Послѣдствіемъ такого рѣшенія было оффиціальное заявленіе графа Нессельроде вѣнскому кабинету, что императоръ и впредь неуклонно будетъ поддерживать дружескія отношенія, столь счастливо установившіяся между державами Европы, и безъ общаго согласія своихъ союзниковъ, не приступитъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ на востокѣ.

Такимъ образомъ, исконное начало восточной политики Россіи, санкціонированное блестящими успѣхами, достигнутыми императрицею Екатериною II, состоящее въ устраненіи европейскихъ державъ отъ всякаго вмѣшательства въ ея отношенія съ Турціей, — было принесено въ жертву рыцарской идеѣ императора Александра, находившей себѣ также поддержку въ его увѣренности, что Европа, вполнѣ искренно желая освобожденія грековъ, поддержитъ ихъ справедливыя требованія, и общими усиліями поможетъ осуществленію таковыхъ.

Но не такова была цѣль, къ достиженію которой стремились великія западныя державы: признавая существованіе оттоманской имперіи главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ, онѣ выбивались изъ силъ недопустить ее до ослабленія и упадка.

Ослабленіе Порты вслѣдствіе признанія греческой независимости представлялось очевиднымъ; но, по мнѣнію державъ, это была еще не главная опасность: онѣ видѣли ее въ томъ, что замѣтно уменьшившееся въ послѣднее время вліяніе Россіи на востокѣ стало вновь значительно усиливаться. Воспрепятствовавъ же Россіи вступиться за ея единовѣрцевъ, онѣ достигали двоякой цѣли: уменьшалась матеріальная сила послѣднихъ и возбуждалось недовѣріе къ могуществу ихъ естественной покровительницы. Поэтому нисколько неудивительно, что европейская дипломатія употребила всевозможныя усилія, чтобы вмѣшаться въ русско-турецкую распрю и покончить съ

нею согласно съ своими видами, несмотря даже на то, что Императоръ Александръ съ истинно рыцарскою честностью и самоотверженнымъ забвеніемъ самыхъ дорогихъ его сердцу интересовъ, довѣрилъ разрѣшеніе таковой безпристрастному суду своихъ союзниковъ; понятно также, для чего добивались и наконецъ добились устраненія вліянія на политику Россіи такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ графы Строгановъ и Каподистрія.

Меттернихъ взялся уладить дѣло. Для совмѣстнаго обсужденія причинъ, возбудившихъ несогласіе между Россіей и Турціей, русское правительство послало по его просьбѣ въ Вѣну г. Татищева, миролюбивыя тенденціи котораго были хорошо извѣстны хитрому австрійскому дипломату; къ тому-же послѣдній не сомнѣвался, что подчинитъ Татищева своему вліянію и добьется отъ него всего, чего пожелаетъ.

Въ первомъ-же засѣданіи, послѣдовавшемъ по прибытіи Татищева въ Вѣну, онъ объявилъ, что русское правительство вовсе не желаетъ начинать войну и намѣрено вполнѣ согласовать свои дѣйствія въ восточныхъ дѣлахъ съ рѣшеніями, которыя будутъ приняты его союзниками. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ добавилъ, что Россія даже вовсе не имѣетъ въ виду домогаться политической независимости грековъ, а желаетъ только, чтобы имъ даровано было право свободнаго богослуженія по обрядамъ восточной церкви, и чтобы они были вполнѣ гарантированы отъ злоупотребленій, доселѣ безнаказанно совершавшихся турецкими властями.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Татищевъ не возвышалъ голоса, безусловно усвоивъ убѣжденія князя Меттерниха, объяснявшаго по-своему причину умѣренности требованій русскаго правительства. „Татищевъ“,—говорилъ Меттернихъ одному изъ своихъ приближенныхъ,—„ни разу не возражалъ на дѣлаемыя „мною предложенія, признавая ихъ правильными, справедли„выми, имѣющими несомнѣнно важное значеніе. Онъ даже про„силъ меня изложить мои доводы письменно, считая ихъ вполнѣ неопровержимыми“.

Въ виду такой обстановки каждому было ясно, что совѣщанія не приведутъ къ сколько нибудь удовлетворительнымъ

рѣшеніямъ, какъ по греческимъ дѣламъ, такъ и по справедливымъ требованіямъ Россіи.

Между тѣмъ, еслибы Татищевъ съумѣлъ во время воспользоваться очевиднымъ желаніемъ Пруссіи поддержать грековъ и не препятствовать Россіи заступиться съ оружіемъ въ рукахъ за своихъ единовѣрцевъ, — то дѣла приняли-бы совершенно иной оборотъ.

Было извѣстно даже, что графъ Берветорфъ и русскій посолъ при берлинскомъ дворѣ графъ Каподистрія подписали протоколъ, по смыслу котораго Пруссія, убѣждаясь въ справедливости требованій, изложенныхъ въ нотѣ графа Строганова 6 (18) іюля, обязалась прекратить всякія дипломатическія сношенія съ Портою, если послѣдняя откажется войдти въ соглашеніе съ русскими уполномоченными.

Извѣстіе объ этомъ несказанно взволновало князя Меттерниха; однако апатичная бездѣятельность Татищева въ такомъ важномъ дѣлѣ дала князю возможность устранить опасность, угрожавшую разстроить мудрыя, излюбленныя имъ комбинаціи.

Въ нотѣ, отправленной княземъ въ Берлинъ, онъ горячо упрекалъ прусское правительство за его намѣренія отдѣлиться отъ политики союзныхъ державъ и сблизиться съ Россіей. Она произвела желаемое дѣйствіе: Пруссія не замедлила отказаться отъ ратификаціи протокола и безусловно подчинилась всѣмъ требованіямъ князя Меттерниха.

Хотя такимъ образомъ опасность была устранена, но все-же представлялось настоятельно необходимымъ, такъ или иначе покончить съ русско-турецкою распрею; поэтому представители державъ въ Константинополѣ получили приказаніе, коллективными представленіями заставить Порту удовлетворить Россію относительно свободы торговли и другихъ ея требованій. Очевидно-преднамѣренное умолчаніе о греческихъ дѣлахъ, было вполнѣ оцѣнено Диваномъ, безусловно изъявившемъ свое согласіе подчиниться желанію державъ.

Такой исходъ, конечно, не могъ удовлетворить Россію. Хотя императоръ Александръ былъ далекъ отъ мысли совершенно отступиться отъ грековъ, но вѣра въ искренность союзниковъ была въ немъ еще слишкомъ сильна,—а они умоляли его не

подавать повода къ обще-европейскому столкновенію. Могъ-ли отказать въ такой просьбѣ тотъ, кто твердо вѣрилъ, что ему самимъ Богомъ указана миссія быть миротворцемъ Европы?

Между тѣмъ мужество и энергія грековъ не ослабѣвали, несмотря на то, что всякая надежда на скорую помощь извнѣ была ими утрачена; битвы съ турками слѣдовали одна за другою, убѣждая тѣмъ общественное мнѣніе Европы, что достигнуть мирнаго соглашенія между греками и турками невозможно, и что первые достаточно сильны для завоеванія себѣ независимости.

Убѣжденіе это еще болѣе упрочилось вслѣдствіе неожиданнаго событія, совершившагося въ Греціи: въ концѣ 1821 года собрался въ Эпидаврѣ народный конгрессъ, учредившій независимое правительство изъ 5 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Александра Маврокордато. Правительство это ознаменовало свое вступленіе въ отправленіе обязанностей, изданіемъ 25 — 27 января слѣдующаго года постановленія о независимости Греціи, начинавшагося слѣдующими знаменательными словами:

„Не смотря на позорно-жестокое иго оттомановъ, „угрожавшее греческому народу конечною гибелью, — „онъ небомъ и землею свидѣтельствуетъ, что еще существуетъ!... Подавленный разрушительнымъ, тлетворнымъ „гнетомъ этихъ кровожадныхъ тиранновъ, нарушающихъ „трактаты, чуждыхъ чувству справедливости, жаждущихъ „лишь совершеннаго истребленія подвластныхъ имъ „жертвъ, — греческій народъ, доведенный до отчаянія, „вынужденъ былъ взяться за оружіе, чтобы отстоять „свое существованіе и уже сокрушилъ насиліе, единственно геройствомъ сыновъ своихъ. Передъ лицомъ „Бога и людей, черезъ законныхъ представителей собравшихся по волѣ народа на настоящій конгрессъ,— „Греція провозглашаетъ свою политическую свободу и „независимость!“

Военныя дѣйствія между тѣмъ не прекращались и молодому греческому гравительству угрожала страшная опасность, союзникъ его Аали-паша былъ на голову разбитъ турками:

и легко можно было ожидать, что войска его получатъ приказаніе дѣйствовать противъ грековъ. Къ счастью опасность была устранена искуснымъ и удачно исполненнымъ движеніемъ греческихъ силъ, во время успѣвшихъ занять Коринѳъ и Наполи.

Видя свои замыслы разстроенными, турки пришли въ неистовую, бѣшеную ярость; движимые жаждою мщенія, они черною тучею нахлынули на островъ Хіосъ и перерѣзали почти всѣхъ проживавшихъ тамъ христіанъ. *)

Это новое, неслыханное варварство, вызвало общее негодованіе Европы; признавая минуту удобною, греки сдѣлали еще попытку возбудить къ себѣ ея участіе. Въ Верону,—куда въ августѣ 1822 г. съѣхались всѣ коронованныя особы для обсужденія положенія дѣлъ въ Италіи,—былъ посланъ графъ Метакса, для представленія государямъ деклараціи греческаго правительства. Документъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ быть дословно приведеннымъ:

„Греція уже полтора года ведетъ ожесточенную борьбу „съ неутомимымъ врагомъ всего христіанства. Всѣ силы „исламизма накинулись на нее: мусульмане Европы, „Азіи и Африки взялись за оружіе, чтобы придать несо-„крушимую мощь желѣзной рукѣ, которая, такъ давно „подавляя своею тяжестью греческій народъ, усиливается „нанести ему теперь послѣдній роковой ударъ. Въ этотъ „періодъ времени Греція, чрезъ законныхъ своихъ пред-„ставителей, дважды взывала къ Европѣ, моля ее объ „оказаніи помощи, или, по крайней мѣрѣ, о соблюденіи „ею строгаго нейтралитета."

„Имѣя въ виду, что на съѣздѣ государей, происхо-„дящемъ въ настоящее время въ одной изъ мѣстностей „Итальянскаго полуострова, обсуждаются высшіе инте-„ресы человѣчества: сохраненіе мира, дарованіе наро-„дамъ гражданскихъ и политическихъ правъ и судо-„устройства, основаннаго на справедливыхъ началахъ,—

*) Утверждаютъ, что изъ 100,000 населенія Хіоса уцѣлѣло только 900 человѣкъ.

„временное правительство Греціи признало бы себя преступнымъ, если бы не повергло на воззрѣніе монарховъ истинное положеніе страны, имъ представляемой".

„Оно сочло бы себя не менѣе преступнымъ, если бы не заявило также о правахъ и законныхъ стремленіяхъ народа, твердо рѣшившагося или добиться справедливости, отъ сильныхъ міра сего,—какъ онъ осѣненъ уже благодатью Всемогущаго Бога,—или погибнуть до единаго человѣка и умереть христіанами и людьми свободными.

„Кровь уже пролита потоками, но знамена съ изображеніемъ животворящаго креста побѣдно развѣваются на стѣнахъ городовъ Пелопонеса, Аттики, Эвбеи, „Беотіи, Акарнаніи, Этоліи, въ большей части Θессаліи „и Эпира, на островѣ Критѣ и на островахъ Эгейскаго моря. Таковы успѣхи достигнутые греческимъ народомъ,—таково настоящее его положеніе.

„Каждый, кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе о турецкихъ правахъ и порядкахъ, конечно признаетъ, „что Греки зашли слишкомъ далеко и не могутъ сложить оружія до тѣхъ поръ, пока не завоюютъ себѣ независимость и не обезпечатъ таковую прочно и ненарушимо. „Только добившись этого, Греки будутъ увѣрены, что свободѣ богослуженія, ихъ жизни, достоянію и чести „уже не угрожаетъ болѣе опасность...

„Быть можетъ, Европа, имѣя цѣлью водворить повсемѣстно миръ, предположитъ распространить свою заботливость и на Грецію и возбудитъ по этому поводу „переговоры съ Оттоманскою Портою; въ такомъ случаѣ „греческое временное правительство считаетъ, съ своей „стороны, долгомъ оффиціально симъ заявить, что оно „не признаетъ дѣйствительности трактата, хотя бы даже вполнѣ выгоднаго, если его депутаты не будутъ допущены на совѣщанія, и если имъ не предоставится лично „защищать народное дѣло, излагать причины, вызвавшія „возстаніе и домогаться упроченія за грѣческимъ народомъ дорогихъ ему правъ и привиллегій.

„Чувства милосердія, человѣколюбія и справедливости, которыми несомнѣнно воодушевлено высокое собраніе государей, внушаютъ временному греческому „правительству надежду, что его законная просьба будетъ принята благосклонно. Если же, противъ всякаго „ожиданія, она будетъ отвергнута, тогда послужитъ настоящая декларація протестомъ, повергаемымъ нынѣ „греческимъ народомъ къ подножію престола Божественнаго Судьи,—протестомъ, довѣрчиво переданнымъ христіанскимъ народомъ всей Европѣ, олицетворяющей великую христіанскую семью!... Слабые и оставленные „всѣми, Греки возлагаютъ отнынѣ свои надежды лишь „на Бога сильнаго!... Вспомоществуемые Его всемогущею десницею, они не преклонятъ главы передъ ярмомъ тиранніи!

„Болѣе четырехъ столѣтій Греки испытывали страшныя, неимовѣрныя преслѣдованія за то, что не измѣняли святой своей вѣрѣ и были вѣрны Господу Вседержителю! Теперь они клянутся защищать свои храмы, „свои домашніе очаги и гробницы своихъ праотцевъ, „пока искра жизни сохранится въ послѣднемъ изъ нихъ! „Они сочтутъ себя блаженными, если на долю ихъ выпадетъ, или сойдти въ могилу христіанами и людьми „свободными, или побѣдить, какъ побѣждали доселѣ, „единственно незримою помощью Господа Іисуса Христа, „Его Божественнымъ могуществомъ!...“

Посылая эту декларацію, Маврокордато надѣялся, что императоръ Александръ сочувственно отнесется къ просьбѣ грековъ и не откажетъ въ своемъ мощномъ заступничествѣ передъ сонмомъ государей за народъ, многими узами тѣсно связанный съ его собственными подданными. Но глава временнаго правительства Греціи очевидно забывалъ, что вліяніе князя Меттерниха на политику Европы было въ то время безгранично, и что честныя, откровенныя заявленія деклараціи были діаметрально противуположны смыслу созданныхъ княземъ принциповъ, усумниться въ непреложности которыхъ признавалось преступленіемъ.

Такимъ образомъ никто въ Веронѣ не подалъ голоса въ пользу праваго дѣла грековъ; графа Метаксу задержали въ Анконѣ, а значеніе греческаго возстанія было признано тождественнымъ съ значеніемъ революціонныхъ движеній въ Испаніи и Италіи. Уѣзжая, императоръ Александръ вновь подтвердилъ свою твердую рѣшимость, неуклонно слѣдовать принципамъ Священнаго Союза, т. е. энергически подавлять всякія попытки къ возстаніямъ противъ предержащей власти.

Такая вопіющая несправедливость ставила грековъ въ необходимость, продолжать безъ посторонней помощи геройскую борьбу съ вѣковыми ихъ притѣснителями. Но, кромѣ того, средства страны замѣтно истощились; возникли еще прискорбныя несогласія между членами народнаго правительства, немало вредившія успѣху дѣла возстанія...

Тѣмъ временемъ турки, ободренные безучастнымъ отношеніемъ Европы къ судьбѣ Греціи, готовились нанести ей рѣшительный ударъ, избѣжать котораго она конечно не была-бы въ состояніи; но неожиданная, во время подоспѣвшая помощь, совершенно измѣнила положеніе дѣлъ,—воодушевила борцовъ за свободу новымъ мужествомъ и наполнила ихъ сердца радостными надеждами.

Въ половинѣ 1822 года управленіе дѣлами внѣшней политики Великобританіи перешло отъ лорда Кастельрэ (Castelreay) къ лорду Каннингу. Политическія воззрѣнія этихъ двухъ государственныхъ мужей рѣзко расходились: первый, слѣпо повинуясь внушеніямъ князя Меттерниха, признавалъ грековъ бунтовщиками, возмутившимися лишь противъ монархической власти; второй, не отрицая, что существованіе Оттоманской Имперіи необходимо для сохраненія политическаго равновѣсія Европы, былъ однакоже убѣжденъ, что общечеловѣческіе интересы неминуемо должны стоять выше всякихъ политическихъ комбинацій. Притомъ, лордъ Каннигъ еще смолоду высказывалъ самое горячее сочувствіе къ грекамъ; а всякія опасности, которымъ они подвергались, болѣзненно отзывались въ его благородномъ сердцѣ.

При содѣйствіи Каннинга, Греціи удалось заключить въ Англіи заемъ на сумму 800.000 ф. с., а въ мартѣ 1823 г.

была оффиціально признана блокада турецкихъ портовъ, объявленная греками; этимъ Англія заявила, что считаетъ ихъ воюющею стороною.

Такая рѣзкая, совершенно неожиданная перемѣна политики Лондонскаго кабинета несказанно встревожила Порту; она судорожно напрягала свои усилія отвратить угрожавшую ей опасность.

Одною изъ такихъ мѣръ было обращеніе Порты къ могущественнѣйшему своему вассалу Мехмету-Али, пашѣ Египетскому, съ требованіемъ присылки вспомогательныхъ войскъ. Хитрый Мехмедъ-Али не замедлилъ исполнить волю султана, разсчитывая вознаградить себя впослѣдствіи усиленіемъ своего вліянія и присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыхъ земель, на которыя онъ давно, какъ говорится, «точилъ зубы».

Съ этого времени пораженія грековъ слѣдовали одно за другимъ: въ 1824 году египетскія войска овладѣли островомъ Критомъ и истребили большую часть его жителей; а вслѣдъ за тѣмъ сынъ Мехмета, Ибрагимъ, облеченный въ званіе главнокомандующаго всѣми морскими и сухопутными силами Турціи, вступилъ въ Морею, овладѣлъ портомъ Наварипомъ и осадилъ крѣпость Миссолонги; Решидъ-паша вступилъ въ Акрополисъ.

Послѣ страшной рѣзни, сопровождавшей паденіе названныхъ крѣпостей, положеніе грековъ представлялось безъисходнымъ, и, казалось, уже не было надежды, чтобы они смогли продолжать борьбу: еще одно самое ничтожное усиліе со стороны турокъ—и греки погибли-бы безвозвратно...

Дипломаты ликовали, утверждая, что именно такую развязку и слѣдовало ожидать. Князь Меттернихъ проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что, поднявъ знамя бунта противъ своего законнаго государя, греки тѣмъ самымъ очевидно утратили всякое право на сочувствіе къ себѣ Европы, которое поэтому слѣдуетъ выказать султану.

Къ счастью въ ту пору на рѣчи австрійскаго канцлера уже мало кто обращалъ вниманіе въ Европѣ, а вѣра въ непреложность его политическихъ принциповъ была навсегда утрачена. Императоръ Александръ, убѣдясь въ его скрытно-

сти и уклончивомъ лицемѣріи, вынужденъ былъ сознать, что всѣ жертвы, принесенныя имъ идеѣ поддержанія въ Европѣ мира, привели единственно къ возбужденію противъ него-же недовѣрія союзниковъ. Справедливо негодуя, что его рыцарская честность была самымъ недостойнымъ образомъ эксплуатирована, онъ отшатнулся отъ прежнихъ друзей и вознамѣрился подать руку помощи своимъ единовѣрцамъ.

Однако императоръ Александръ еще медлилъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; между тѣмъ все благопріятствовало таковымъ, такъ какъ многія высокопоставленныя лица, съ Каннингомъ во главѣ, употребляли всѣ средства, чтобы поддержать народъ, стяжавшій своею геройскою борьбою неоспоримое право быть свободнымъ. Притомъ, внутренніе раздоры, временно возникшіе въ Греціи были прекращены, и порядокъ установился; учредилось новое правительство на вполнѣ законныхъ началахъ: оно было провозглашено національнымъ собраніемъ въ 1824 году и имѣло президентомъ графа Каподистрія, избраннаго въ это званіе на семилѣтній періодъ времени.

Хотя грекамъ было очень отрадно знать, что они уже имѣютъ прочное правительство, — однако средства защиты роднаго ихъ края отъ того не увеличились; напротивъ, они терпѣли нужду во всемъ. Положеніе было безспорно самое критическое; поэтому, возлагая всѣ надежды на Англію, они выразили лорду Каннингу желаніе отдаться подъ покровительство королевы. Премьеръ, конечно, не могъ сдѣлать такого важнаго шага безъ согласія континентальныхъ державъ и невольно затруднился отвѣтомъ; но въ то время, какъ онъ еще раздумывалъ, на что ему рѣшиться, неожиданное событіе вывело его изъ затрудненія, ускоривъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе греческой проблемы. Въ ноябрѣ 1825 года скончался императоръ Александръ I, и на Всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Николай I, твердый, рѣшительный характеръ котораго убѣждалъ, что осторожная политика его въ Бозѣ почившаго брата въ дѣлѣ многострадальныхъ единовѣрцевъ русскаго народа, не будетъ имъ усвоена. Притомъ онъ не давалъ себѣ даже труда скрывать одушевлявшія его чув-

ства: представители державъ въ Петербургѣ не замедлили передать своимъ правительствамъ, что императоръ постоянно выражаетъ твердое намѣреніе прекратить греко-турецкую распрю, и что однажды, бесѣдуя съ ними въ Зимнемъ дворцѣ, онъ сказалъ:

«Если державы не соединятся со мною, я буду дѣйствовать одинъ; надѣюсь, вы хорошо знаете, что это нисколько меня не затруднитъ».

Лордъ Каннингъ тѣмъ охотнѣе поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ для его цѣлей образомъ мыслей императора, что вовсе не желалъ предоставить ему одному порѣшить съ греческимъ вопросомъ. Поэтому герцогу Веллингтону, отправлявшемуся въ Петербургъ для представленія поздравленій императору по случаю его восшествія на престолъ, поручено было вступить въ переговоры о взаимномъ соглашеніи по греко-турецкому дѣлу. Успѣхъ былъ полный, и уже 4 апрѣля 1826 года герцогомъ Веллингтономъ и графомъ Нессельроде былъ подписанъ въ С.-Петербургѣ *„Протоколъ по греческимъ дѣламъ"*, на основаніи котораго предположено, если Порта изъявитъ согласіе на предлагаемое ей посредничество Англіи и Россіи, доставить Греціи слѣдующее положеніе относительно Оттоманской имперіи.

1. Греція будетъ страною, подвластною Турціи, и обязанною платить ей дань, размѣръ которой опредѣлится по общему соглашенію. Правителями ея будутъ исключительно лица, избранныя народомъ; Портѣ-же предоставится оказывать нѣкоторое вліяніе на утвержденіе ихъ.

Греки будутъ пользоваться полною свободою религіи и совѣсти, а торговля ихъ не должна подвергаться стѣсненіямъ или ограниченіямъ; въ ихъ внѣшнія сношенія не допускается чье-либо вмѣшательство.

Чтобы достигнуть полнаго разъединенія двухъ народовъ и предупредить столкновенія, неизбѣжныя послѣ долгой борьбы, греки обязываются купить у турокъ земли, которыми послѣдніе владѣли доселѣ на греческой территоріи и на островахъ.

2. Если вслѣдствіе мѣръ, которыя будутъ указаны англійскому послу въ Константинополѣ, послѣдуетъ согласіе на предложенное посредничество, между турками и греками, то Е. В. Императоръ употребитъ все свое вліяніе, чтобы цѣль таковаго была достигнута. Когда и въ какомъ видѣ послѣдуетъ участіе Е. В. въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою, могущихъ быть послѣдствіемъ посредничества,—будетъ опредѣлено позднѣе, по взаимному соглашенію Лондонскаго и С.-Петербургскаго кабинетовъ.

3. Если Порта отвергнетъ посредничество, которое будетъ ей предложено Великобританіею, то независимо отъ отношеній С.-Петербургскаго и Константинопольскаго кабинетовъ, правительства Россіи и Англіи примутъ въ основаніе своихъ отдѣльныхъ или общихъ переговоровъ о примиреніи турокъ съ греками, точный смыслъ началъ, означенныхъ въ § 1 настоящаго протокола; онѣ будутъ также, пользуясь всякимъ благопріятнымъ случаемъ, вліять на обѣ стороны, въ видахъ скорѣйшаго заключенія между ними мира, на вышеупомянутыхъ основаніяхъ.

4. Правительства императорское и королевское предоставляютъ себѣ право принять впослѣдствіи надлежащія мѣры, какъ для разъясненія подробностей настоящаго соглашенія, такъ и для опредѣленія взаимныхъ границъ между Греціей и Турціей; они укажутъ также, какіе острова Архипелага остаются во власти первой.

5. Оба правительства обязываются при этомъ отнюдь не домогаться распространенія своихъ собственныхъ владѣній и пріобрѣтенія для себя особыхъ льготъ по торговлѣ или исключительнаго вліянія; всѣ подобныя выгоды, если бы пріобрѣтеніе ихъ могло предстоять, должны въ одинаковой степени распространяться на всѣ вообще націи.

6. Договаривающіяся стороны, не желая устранять своихъ союзниковъ отъ участія въ окончательномъ разрѣшеніи предположеній настоящаго протокола, постано-

вили: конфиденціально сообщить его содержаніе Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому кабинетамъ и предложить имъ гарантировать совмѣстно съ Императоромъ Всероссійскимъ трактатъ, въ силу котораго примиреніе турокъ съ греками будетъ окончательно установлено, такъ какъ Англія такой гарантіи дать не можетъ.

Непосредственно по подписаніи этого документа, послы Англіи и Россіи въ Константинополѣ получили приказаніе, возбудить съ Диваномъ переговоры, способные привести къ достиженію предложенныхъ цѣлей.

Представителю Россіи предложено было кромѣ того заняться разъясненіемъ и прекращеніемъ недоразумѣній, возникшихъ въ царствованіе императора Александра I по поводу Дунайскихъ княжествъ, русской торговли въ Черномъ морѣ и проч.

Хотя Порта не выказала вначалѣ готовности удовлетворить требованіямъ С.-Петербургскаго кабинета, но затѣмъ, сознавая свою слабость и внемля совѣтамъ представителей Англіи и Франціи, она уступила, и Аккерманскій договоръ 25 сент. (8 окт.) 1826 г. былъ подписанъ при полномъ согласіи сторонъ.

Заключеніемъ этого договора имѣлось въ виду подтвердить и разъяснить Бухарестскій трактатъ, вотъ что сказано о немъ въ оффиціальномъ возвѣщеніи:

„Императорское Всероссійское Правительство и Блистательная Порта, побуждаемыя искреннимъ желаніемъ прекратить возникшія между ними по заключеніи Бухарестскаго трактата недоразумѣнія и пререкательства и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить отношенія обѣихъ державъ на прочныхъ началахъ совершеннаго согласія и полнаго взаимнаго довѣрія, приступаютъ къ переговорамъ, поручивъ веденіе таковыхъ особо назначеннымъ для того уполномоченнымъ. Лицамъ этимъ будетъ вмѣнено въ обязанность достигнуть соглашенія относительно способовъ устраненія на будущее время всякихъ поводовъ къ несогласіямъ, и обезпеченія точнаго исполненія какъ Бухарестскаго, такъ и предшествовавшихъ ему трактатовъ, потому что только при такимъ условіяхъ можетъ непа-

рушимо сохраниться на вѣчныя времена миръ, столь счастливо установившійся между Россіей и Оттоманскою Портою.

Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало назначеніе обѣими державами уполномоченныхъ. Россія послала графа М. С. Воронцова и А. Рибопьера; Турція—Сеидъ-Мехмета Хади-эффенди и Сеидъ-Ибрагима Иффетъ - эффенди. Послѣ надлежащаго обмѣна полномочій, лица эти составили и подписали документъ, поверхностное изложеніе содержанія котораго представляемъ [1]):

По смыслу I-ой статьи, всѣ условія и обязательства мирнаго тракта заключеннаго въ Бухарестѣ 16 (28) мая 1812 г. безусловно подтверждаются; объясненія, изложенныя въ настоящей конвенціи, должны служить лишь для опредѣленія точнаго ихъ смысла и содѣйствовать ихъ исполненію.

Ст. II. указываетъ мѣры, которыя должны быть приняты въ отношеніи большихъ Дунайскихъ острововъ, находящихся противъ Измаила и Киліи; подтверждается обязательство исполнять и поддерживать установленныя по этому поводу Константинопольскою конференціею 21 августа 1817 года правила.

Ст. III. Порта торжествено обязывается соблюдать привиллегіи, дарованныя жителямъ Дунайскихъ княжествъ предшествовавшими трактатами и въ особенности 5-й статьей Бухарестскаго договора. Эти привиллегіи и права дополнены и точно разъяснены отдѣльнымъ постановленіемъ, у сего приложеннымъ и составляющимъ одно цѣлое съ настоящею конвенціею.

Ст. IV гласитъ, что такъ какъ Россія, по смыслу 6 статьи Бухарестскаго трактата, вслѣдъ за заключеніемъ мира вывела свои войска изъ крѣпостей, которыми завладѣла во время войны, и передала эти послѣднія обратно Портѣ, — то азіятскія границы обѣихъ державъ

---

[1]) Желающіе имѣть о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, найдутъ таковыя въ дипломатическомъ сборникѣ Ghuillony (Manuel diplomatique) Т. II, стр. 143.

измѣнены не будутъ; кромѣ того въ двухлѣтній срокъ должны быть пріисканы наилучшіе способы охраненія спокойствія и безопасности подданныхъ договаривающихся державъ.

Ст. V обязываетъ Порту немедленно выполнить всѣ обязательства, приняться ею по смыслу 8-ой ст. Бухарестскаго мира относительно Сербіи.

Поэтому Порта, совмѣстно съ депутами сербскаго народа, приступитъ къ пріисканію наилучшихъ способовъ упроченія за нимъ дарованныхъ ему привиллегій; особымъ постановленіемъ, у сего приложеннымъ разъяснены подробности отношеній Порты къ Сербіи.

Ст. VI и VII обсуждаютъ способы вознагражденія Портою русскихъ подданныхъ за убытки, причиненные и могущіе быть причиненными имъ варварійскими пиратами.

Ст. VIII. Блистательная Порта обѣщаетъ:

1. Ни въ какомъ случаѣ не препятствовать судоходству торговаго флота подъ русскимъ флагомъ во всѣхъ безъ исключенія водахъ, принадлежащихъ Оттоманской Имперіи.

2. Такъ какъ 31 и 35 статьями торговаго договора русскимъ купеческимъ судамъ дозволено свободное плаваніе по Константинопольскому проливу, то тѣмъ изъ нихъ, которыя, бывъ нагружены хлѣбомъ или бакалеей, войдя въ каналъ, пожелаютъ перегрузить свой товаръ на другія русскія, или иностранныя суда, — никакого препятствія не дѣлать, если только хлѣбъ или бакалея эта предназначались къ вывозу изъ владѣній Блистательной Порты.

3. Блистательная Порта приметъ предложеніе Русскаго правительства, основанное на примѣрахъ прошлаго, и разрѣшитъ свободный входъ въ Черное море судамъ тѣхъ дружественныхъ съ нею державъ, которымъ еще не было предоставлено такого права; такимъ образомъ, какъ ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, такъ и вывозъ

русскихъ произведеній уже не будутъ встрѣчать препятствій.

Ст. IX и послѣдняя опредѣляетъ, что торжественная ратификація этого договора произойдетъ въъ четырехнедѣльный срокъ со дня его подписанія.

Отдѣльныя постановленія о княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Такъ какъ господари Молдавіи и Валахіи избираются изъ среды мѣстныхъ бояръ, то отнынѣ избраніе ихъ будетъ производиться съ согласія и разрѣшенія Блистательной Порты, отдѣльно въ каждомъ княжествѣ общимъ собраніемъ Дивана, какъ то усвоено древними обычаями этихъ странъ.

Срокъ управленія господарей не измѣняется; онъ будетъ по прежнему семилѣтній со дня избранія, и смѣщеніе ихъ до истеченія срока не допускается. Если же во время управленія, кто либо изъ нихъ совершитъ преступленіе, то Порта обязана сообщить о таковомъ русскому послу, пребывающему въ Константинополѣ; только въ случаѣ, когда по взаимной повѣркѣ справедливости обвиненія окажется, что господарь дѣйствительно виновенъ, можетъ послѣдовать его смѣщеніе.

Господари, управлявшіе семь лѣтъ и не подавшіе поводовъ къ справедливымъ жалобамъ, какъ со стороны императорскихъ правительствъ, такъ и ихъ согражданъ, могутъ быть назначаемы и на слѣдующее семилѣтіе, если о томъ послѣдуетъ ходатайство Дивановъ княжествъ, вызванное притомъ общимъ согласіемъ и желаніемъ гражданъ.

Отреченіе господарей отъ управленія до истеченія семилѣтняго срока по болѣзни, старости и проч. можетъ быть принято только по предварительному о томъ соглашенію обоихъ императорскихъ правительствъ.

Такъ какъ Гати-шерифомъ 1802 года уничтожены налоги и подати, взимавшіяся съ 1783 года, то господари и Диваны княжествъ опредѣлятъ и утвердятъ размѣръ

налоговъ, приходящихся на долю Валахіи, руководствуясь при томъ правилами, подробно изложенными въ Гати-шерифѣ 1802 года.

Боярамъ Молдавіи, оставившимъ родину во время послѣднихъ смутъ, разрѣшается безпрепятственно возвратиться и пользоваться тѣми же преимуществами, которыми они пользовались прежде, какъ въ отношеніи гражданскихъ, такъ и имущественныхъ ихъ правъ.

Во вниманіе къ бѣдствіямъ, постигшимъ княжества Молдавію и Валахію, Блистательная Порта освобождаетъ ихъ отъ уплаты всѣхъ налоговъ и дани втеченіи двухъ лѣтъ.

Всѣ права и привиллегіи, дарованныя княжествамъ Молдавіи и Валахіи прежними Гати - шерифами, не отмѣненныя и не измѣненныя настоящимъ постановленіемъ, подтверждаются во всей ихъ силѣ.

III. Отдѣльныя постановленія относительно Сербіи.

Пользуясь разрѣшеніемъ, даннымъ Блистательною Портою, сербскіе депутаты, собравшіеся въ Константинополѣ, представляли на ея разсмотрѣніе согласованный съ желаніями народа проэктъ мѣръ, способныхъ упрочить и утвердить безопасность и благостояніе страны, — но нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства воспрепятствовали ихъ своевременному утвержденію. Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ: предоставленіе свободы богослуженія; права избранія начальствующихъ лицъ; независимость внутренняго управленія; соединеніе отдѣльныхъ сербскихъ округовъ; совокупленіе различныхъ налоговъ въ одну общую дань; предоставленіе сербамъ управленія имѣніями, принадлежавшими мусульманамъ, со включеніемъ получаемыхъ съ нихъ доходовъ въ дань; свобода торговли; разрѣшеніе сербскимъ купцамъ разъѣзжать по оттоманскимъ владѣніямъ съ паспортами ихъ народнаго правительства; учрежденіе госпиталей, школъ и типографій; и наконецъ воспрещеніе мусульманамъ, не

принадлежащимъ къ составу гарнизоновъ крѣпостей, селиться на сербской землѣ.

Блистательная Порта, подтверждая свою твердую рѣшимость даровать сербскому народу привиллегіи, обусловливаемые 8 статьей Бухарестскаго трактата, обсудитъ нынѣ вмѣстѣ съ сербскими депутатами вышеизложенныя желанія вѣрнаго и покорнаго народа сербскаго, равно приметъ во вниманіе всякія новыя заявленія его депутатовъ, если только они не будутъ явно клониться къ ущербу остальныхъ подданныхъ Оттоманской Имперіи.

Блистательная Порта сообщитъ Россійскому Императорскому правительству о приведеніи въ исполненіе принятыхъ ею на себя по смыслу 8 ст. Бухарестскаго трактата обязательствъ, равно и копіи съ фирмана и Гаттишерифа, которыми будутъ утверждены дарованныя ею сербамъ привиллегіи.

Желаніе Порты во что бы то ни стало избѣжать войны съ Россіей, явно выразилось въ безусловномъ ея согласіи скорѣе подписать этотъ договоръ, предоставлявшій Дунайскимъ княжествамъ и Сербіи столь важныя привиллегіи. Высказанное ею безсиліе несомнѣнно убѣждало, что она изъявитъ согласіе и на представленія державъ по Греческимъ дѣламъ.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что Аккерманскимъ договоромъ Россіи дѣлались такія значительныя уступки въ торговомъ отношеніи и по улучшенію участи ея единовѣрцевъ,— какія могли-бы быть достигнуты лишь блистательными побѣдами.

Поэтому державы, подписавшія протоколъ 4 апрѣля, были буквально поражены извѣстіемъ, что Порта на-отрѣзъ отказалась допустить ихъ содѣйствіе къ прекращенію греко-турецкой распри.

На предложенія, сдѣланныя англійскимъ и русскимъ послами, великій визирь отвѣчалъ:

„Его Величество Султанъ, признавая себя такимъ же „самодержавнымъ монархомъ, какъ и прочіе государи, „не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства „во внутреннія дѣла своей Имперіи.“

Такое неожиданное рѣшеніе было очевидно внушено Портѣ увѣренностью, что съ паденіемъ Миссолонги греческое возстаніе неминуемо будетъ вскорѣ подавлено; къ тому же въ средѣ народнаго правительства Греціи вновь стали возникать раздоры и несогласія.

Поэтому неудивительно, что, признавая весьма важнымъ недопустить оказанія грекамъ поддержки извнѣ, султанъ отвергъ всѣ представленія русскаго, англійскаго и французскаго пословъ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего рѣшенія.

Такое упорство вынудило эти три державы подписать 6 іюня *Лондонскій протоколъ*, которымъ опредѣлялось сдѣлать султану коллективное предложеніе дружескаго посредничества; если-же онъ и за тѣмъ не изъявитъ согласія войдти въ соглашеніе съ греками на основаніяхъ, изложенныхъ въ протоколѣ 4 апрѣля 1826 года, — то принудить его къ тому силою оружія.

Вслѣдъ за подписаніемъ договора, представителями трехъ названныхъ правительствъ сдѣланы были султану совмѣстныя предложенія ихъ дружескихъ услугъ; не отвергая вовсе посредничества, онъ подтвердилъ однакоже свою неизмѣнную рѣшимость, не допускать чье-либо вмѣшательство въ его домашнія дѣла.

Отвѣтъ этотъ былъ равносиленъ объявленію войны; поэтому союзный флотъ подъ начальствомъ адмираловъ Кодрингтона и Гейдена, вошелъ въ Наваринскую бухту, гдѣ находилась тогда турецко-египетская эскадра.

20 ноября 1827 года произошло знаменитое Наваринское морское сраженіе, результатомъ котораго было совершенное истребленіе турецко-египетскаго флота. Это важное событіе не имѣло однакоже тѣхъ послѣдствій, на которыя можно было разсчитывать: султанъ не только не сдѣлался уступчивымъ, но прійдя въ неописанную ярость, объявилъ, что уничтожаетъ всѣ трактаты, когда-либо заключенные съ державами побѣдительницами, выслалъ изъ Константинополя ихъ пословъ, воспретилъ свободу судоходства по Босфору и призвалъ къ оружію всѣхъ мусульманъ.

Озлобленіе султана противъ Россіи было особенно сильно;

причины же, побудившія послѣднюю объявить войну Турціи, были тоже вполнѣ основательны.

Декларація русскаго правительства отъ 14 (26) Апрѣля 1828 года взводила на Порту слѣдующія обвиненія:

1) Задержаніе судовъ, пользующихся русскимъ флагомъ, свободное плаваніе которыхъ обезпечено 11 статьей Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата и 1 и 3 статьями торговаго договора 1783 года.

2) Захватъ ихъ грузовъ, нарушающій 30 и 35 статьи того-же трактата.

3) Самовольное требованіе, чтобы капитаны русскихъ судовъ уступили свой грузъ по цѣнамъ, опредѣленнымъ турецкими властями; мѣра эта воспрещена 30 и 33 статьями торговаго и 7 статьей Аккерманскаго трактатовъ.

4) Насильственная высылка русскихъ подданныхъ и купцовъ изъ всѣхъ мѣстностей, подвластныхъ турецкому владычеству, нарушившая 2 статью Кайнарджійскаго трактата, 1 ст. договора 1783 г. и 7-ую Аккерманскаго.

„Такія дѣйствія, — говорится въ деклараціи, составляютъ явное нарушеніе точнаго смысла трактатовъ и главнѣйшихъ условій взаимныхъ отношеній между Россіей и Турціей.

„Лишивъ такимъ образомъ русскихъ подданныхъ и русскую торговлю всѣхъ привилегій, добытыхъ цѣною крови и тяжелыхъ жертвъ, Порта обязалась немедленно уплатить третью часть ею-же самою опредѣленной цѣнности захваченнаго груза, а остальную сумму ликвидировать впослѣдствіи; но въ тоже время она переплавила находившіеся въ обращеніи турецкіе монетные знаки, дѣйствительную стоимость которыхъ понизила на 30 процентовъ“.

Декларація эта была обнародована одновременно съ манифестомъ императора Николая I слѣдующаго содержанія:

„Бухарестскій миръ, заключенный съ Оттоманскою Портою въ 1812 г., подвергаясь втеченіи семи лѣтъ безпрерывнымъ колебаніямъ, нынѣ окончательно нарушенъ, несмотря на всѣ наши усилія поддержать и укрѣпить его. Не довольствуясь отверженіемъ основъ этого

міра, Порта вызываетъ Россію на ожесточенный бой: она поголовно вооружается, обвиняетъ Россію въ непримиримой къ себѣ враждѣ, — отказывается отъ соблюденія условій аккерманскаго договора, а слѣдовательно и всѣхъ предшествовавшихъ; она наконецъ имѣла наглость объявить, что согласилась подписать названный договоръ лишь для того, чтобы лучше скрыть свои настоящія намѣренія и выиграть время для совершенія громадныхъ приготовленій къ новой войнѣ.

„Послѣдствіемъ этого знаменательнаго признанія были: нарушеніе правъ русскаго флага,—захватъ судовъ, плававшихъ подъ этимъ флагомъ, груза, сдѣлавшагося добычею жаднаго, самовластнаго правительства;—принужденіе русскихъ подданныхъ или немедленно оставить турецкія владѣнія, или измѣнить вѣрноподданническому долгу относительно своего отечества; закрытіе Босфора, угрожающее нашимъ южнымъ областямъ неисчислимыми убытками. Кромѣ того въ переговорахъ о мирѣ, начатыхъ нами съ Персіею, обѣщавшихъ самые благопріятные результаты, послѣдовала внезапная остановка, и нынѣ положительно дознано, что въ видахъ побужденія Персіи въ продолженію войны Оттоманская Порта, обѣщавъ ей свою помощь, приступила къ вооруженію пограничныхъ пашалыковъ; подкрѣпляя такимъ образомъ свои угрозы дѣйствіями, она готовилась вторгнуться въ наши предѣлы.

„Таковъ былъ,—по словамъ императорскаго манифеста,—образъ дѣйствій Порты со времени заключенія бухарестскаго мира, имѣвшій единственною цѣлью уничтожить плоды великодушныхъ усилій Россіи, направленныхъ къ поддержанію прочнаго мира съ сосѣднею державою.

„Но есть мѣра для снисходительности: честь русскаго имени, достоинство императорскаго правительства, ненарушимость священныхъ правъ русскаго народа и его вѣковая слава,—опредѣляютъ предѣлы, переступить которые невозможно.

„Основательно обсудивъ законность нашихъ правъ, настоятельно требующихъ возстановленія,—побуждаемые притомъ справедливостью нашего дѣла, мы, призвавъ Бога на помощь, повелѣли нашимъ войскамъ выступить противъ нарушителя самыхъ священныхъ обязательствъ и законовъ международнаго права.

„Мы твердо убѣждены, что вѣрноподданные наши вознесутъ вмѣстѣ съ нами горячія моленія къ Господу силъ о дарованіи побѣды нашимъ храбрымъ войскамъ, ополчившимся на защиту нашей святой вѣры и возлюбленнаго нашего отечества!"

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого манифеста, двѣ русскія арміи выступили въ походъ; одна, подъ начальствомъ князя Витгенштейна, предназначалась для дѣйствій въ Европѣ; другая, ввѣренная графу Паскевичу, долженствовала оперировать въ малой Азіи. Перейдя 7 мая черезъ Прутъ, Витгенштейнъ послѣдовательно овладѣлъ крѣпостями: Браиловомъ, Варной и Тульчей,—но потерпѣлъ неудачи подъ стѣнами Силистріи и Шумлы. Наступленіе зимняго времени заставило его совершить обратную переправу черезъ Дунай и пріостановить военныя дѣйствія.

Тѣмъ временемъ Паскевичъ водрузилъ русское знамя на стѣнахъ Карса, Ахалцыха, Анапы и Поти.

Блестящіе успѣхи русскаго оружія не замедлили сильно встревожить западныя державы, недовѣріе которыхъ къ императору Николаю становилось очевиднымъ; но заявленія ихъ не имѣли никакого вліянія на русскаго царя, рѣшившагося нанести оттоманской имперіи рѣшительный ударъ.

Кампанія 1829 года была обильна славными военными подвигами; графъ Дибичъ, замѣнившій князя Витгенштейна въ командованіи арміей, овладѣлъ Шумлой и Силистріей. Взятіе этихъ крѣпостей, считавшихся несокрушимыми твердынями, отворило русскимъ войскамъ ворота Адріанополя, который и былъ занятъ ими 8 (20) августа 1829 г. Съ этой минуты гибель Турціи представлялась неизбѣжною: дорога въ Константинополь скатертью разстилалась предъ побѣдоносною русскою

арміею, для вступленія которой въ столицу султана, уже не предвидѣлось болѣе преградъ.

Небывалая тревога не замедлила обнаружиться въ средѣ европейскихъ дипломатовъ. Лордъ Веллингтонъ, которому даже Наваринскій погромъ былъ крайне непріятенъ, такъ какъ таковымъ значительно уменьшалась морская сила турокъ сравнительно съ русскою, открыто требовалъ принятія энергическихъ мѣръ, способныхъ остановить побѣдоносное шествіе „сѣвернаго колосса“. Подчиняясь вліянію знаменитаго герцога, правительство королевы приказало адмиралу Гордону войдти въ Босфоръ немедленно по полученіи извѣстія о движеніи русскихъ къ Константинополю.

Подобный разрывъ между двумя правительствами, еще такъ недавно изъявлявшими желаніе дѣйствовать въ полномъ соглашеніи на пользу грековъ,—несомнѣнно угрожалъ дѣлу послѣднихъ самыми гибельными послѣдствіями; поэтому исторгнутое посредничествомъ Пруссіи у султана согласіе исполнить требованія Россіи, совершенно во время отвратило грозу, собиравшуюся на политическомъ горизонтѣ Европы.

Переговоры о мирѣ открылись въ Адріанополѣ и были ведены графами: Орловымъ и Паленомъ со стороны Россіи, и Садыкъ-Еффендіемъ со стороны Порты.

Уговорившись относительно представлявшаго наибольшія затрудненія вопроса объ удовлетвореніи за военныя издержки, уполномоченные подписали 2 (14) сентября 1829 г. въ Адріанополѣ мирный трактатъ слѣдующаго содержанія:

Ст. 1-я возстанавливаетъ на вѣчныя времена миръ и дружественныя отношенія между его величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ императоромъ и падишахомъ оттоманскимъ и ихъ наслѣдниками и между ихъ имперіями.

Ст. 2. Россія возвращаетъ Портѣ княжества Молдавію и Валахію, Краіовскій банатъ, Болгарію и Добруджу, отъ Дуная до моря; равно всѣ мѣстности Румеліи, которыя были заняты русскими войсками.

Ст. 3-я подтверждаетъ, что р. Прутъ остается границею между обѣими имперіями отъ того мѣста, гдѣ она

съ молдавскою территоріею, до сліянія ея съ Дунаемъ. Отъ этого пункта пограничная линія должна слѣдовать по теченію до рукава св. Георгія, причемъ всѣ острова, образуемые многочисленными рукавами этой рѣки, остаются во власти Россіи, правый же ея берегъ будетъ по прежнему принадлежать оттоманской Портѣ.

Россіи однакоже отнюдь не предоставляется права возводить укрѣпленія или иныя постройки на этихъ островахъ; точно также Порта обязывается не заселять праваго берега Дуная, начиная отъ того мѣста, гдѣ рукавъ св. Георгія отдѣляется отъ рукава Сулины.

По смыслу этой статьи, купеческимъ судамъ обѣихъ державъ предоставляется свобода плаванія по Дунаю,— но русскій военный флотъ не долженъ заходить далѣе мѣста соединенія Дуная съ Прутомъ.

Ст. 4-я опредѣляетъ азіятскія границы обѣихъ державъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Принимая во вниманіе, что Грузія, Мингрелія, Гурія и многія другія кавказскія области, составляютъ съ давняго времени неотъемлемую собственность россійской имперіи, которая по туркманчайскому мирному трактату, заключенному 10 февраля 1828 года пріобрѣла кромѣ того эриванское и нахичеванское ханства,—обѣ договаривающіяся державы признали настоятельно необходимымъ установить по всей этой линіи точно опредѣленныя границы, способныя предупредить на будущее время всѣ поводы къ недоразумѣніямъ и спорамъ.

Граница эта образуется линіею, идущею отъ Чернаго моря вдоль гурійскихъ земель до предѣловъ Имеретіи, а оттуда по прямой линіи до мѣста соединенія границъ ахалцыхскаго и карскаго пашалыковъ съ границами Грузіи, оставляя такимъ образомъ въ разстояніи 2-хъ-часовой ходьбы отъ этой линіи, притомъ въ сѣверномъ направленіи, городъ и крѣпость Ахалкалаки. Всѣ земли, находящіяся къ югу и къ востоку отъ этой демаркаціонной линіи, по направленію къ карскому и трапезонтскому пашалыкамъ, остаются на вѣчныя времена подъ властью

блистательной Порты; земли-же, находящіяся въ сѣверномъ и западномъ отъ ея направленіи, т. е. приближающіяся къ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, отъ истока Кубани до порта св. Николая на Черномъ морѣ, пребудутъ навсегда достояніемъ россійской имперіи.

Такимъ образомъ въ силу этой статьи трактата, Россія пріобрѣла весь восточный берегъ Чернаго моря, съ крѣпостями: Ахалцыхомъ, Ахалкалаками и другими.

Ст. 5-я подтверждаетъ права и привиллегіи, дарованныя дунайскимъ княжествамъ, подробно изложенныя въ особомъ постановленіи, приложенномъ къ настоящему трактату.

Ст. 6-я. Порта оффиціально обязывается выполнить въ кратчайшій срокъ всѣ обязательства, принятыя ею на себя по 5-й статьѣ аккерманскаго договора относительно Сербіи.

Ст. 7-я подтверждаетъ данное русскимъ подданнымъ разрѣшеніе свободно заниматься торговлею во всѣхъ безъ исключенія мѣстностяхъ оттоманской имперіи. „Русскіе подданные, ихъ суда и товары,—говорится въ этой статьѣ, — не будутъ подвергаться отнынѣ насиліямъ и стѣсненіямъ; полицейскій надзоръ и судопроизводство будутъ принадлежать неотъемлемо русскому послу и консуламъ. Оттоманскимъ властямъ не будетъ предоставлено право осматривать русскія суда, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и въ турецкихъ портахъ и гаваняхъ; всѣ товары безъ исключенія, принадлежащія русскимъ подданнымъ, по оплатѣ установленною таможенною пошлиною, могутъ быть безпрепятственно продаваемы, сложены въ магазины владѣльцевъ или ихъ агентовъ, или перегружены на суда другихъ націй, не только безъ испрошенія на то позволенія мѣстныхъ властей, но и безъ сообщенія имъ объ этомъ", кромѣ того блистательная Порта обязывается строго наблюдать, чтобы судоходство по Черному морю отнюдь не подвергалось какому-либо стѣсненію. На основаніи такого обязательства, она признаетъ и объявляетъ судоходство по константинопольскому про-

ливу и Дарданелламъ совершенно свободнымъ и открытымъ для купеческихъ кораблей, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ, нагруженныхъ или не имѣющихъ груза, направляющихся какъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, такъ и изъ этого послѣдняго обратно въ Черное".

„Порта торжественно обѣщаетъ,—говорится далѣе,— впредь никогда не останавливать или задерживать какъ нагруженныя, такъ и ненагруженныя суда, принадлежащія подданнымъ Россіи или другихъ націй, не состоящихъ въ открытой съ нею войнѣ, проходящія чрезъ Константинопольскій проливъ и Дарданеллы въ Средиземное море и на оборотъ изъ этаго послѣдняго въ Черное. Въ случаѣ же еслибы по какому либо нарушенію условій этой статьи заявленному Оттоманскому Правительству русскимъ посломъ, не послѣдовало скорое и полное удовлетвореніе, то Блистательная Порта признаетъ заранѣе за русскимъ императорскимъ правительствомъ право считать подобное бездѣйствіе несомнѣннымъ признакомъ враждебности, подвергающей Оттоманскую Имперію вполнѣ заслуженному со стороны Россіи возмездію.

Ст. 8 перечисляетъ способы вознагражденія русскихъ купцовъ за убытки, причиненныя имъ въ разныя времена, на основаніи 6 ст. Аккерманскаго договора.

Опредѣляя сумму такихъ убытковъ въ десять милліоновъ пятьсотъ тысячъ голландскихъ червонцевъ, Порта обязывается безпрекословно уплатить таковую.

Ст. 9 гласитъ, что независимо отъ уступки небольшой территоріи въ Азіи, Порта обязана заплатить Россіи въ видѣ вознагражденія за военныя издержки извѣстную сумму денегъ, размѣръ которой будетъ опредѣленъ особымъ взаимнымъ соглашеніемъ.

Ст. 10. Изъявляя свое согласіе на предложенныя Россіей, Великобританіей и Франціей по смыслу Лондонскаго трактата 6—18 Іюля 1827 года мѣры относительно Греціи, Порта обязывается назначить отъ себя делегатовъ, которые совмѣстно съ делегатами названныхъ державъ

обсудятъ на какихъ основаніяхъ мѣры эти могутъ быть приведены въ исполненіе.

Ст. 11 и 12 относятся къ прекращенію военныхъ дѣйствій и удаленію войскъ изъ занятыхъ ими мѣстностей.

Ст. 13 даруется общая полная амнистія подданнымъ обѣихъ державъ, принимавшихъ какое нибудь участіе въ войнѣ.

Ст. 14 опредѣляетъ условія обмѣна военноплѣнныхъ.

Ст. 15 возобновляетъ силу всѣхъ договоровъ и постановленій, заключенныхъ въ разныя времена между обѣими договаривающимися державами, за исключеніемъ впрочемъ статей отмѣненныхъ или измѣненныхъ настоящимъ трактатомъ.

Наконецъ ст. 16 устанавливаетъ шестинедѣльный срокъ для обмѣна между уполномоченными ратификаціей; не возбраняется впрочемъ произвести таковой обмѣнъ и ранѣе указаннаго срока.

Особымъ договоромъ, относящимся до княжествъ Молдавіи и Валлахіи, подписаннымъ того же числа въ Адріанополѣ, Россія и Оттоманская Порта условились привести въ исполненіе всѣ мѣры, указанныя въ особомъ постановленіи, приложенномъ къ Аккерманскому трактату. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая полезнымъ придать управленію этими областями болѣе твердости и прочности, онѣ постановили: семилѣтній срокъ, назначавшійся для властвованія господарей замѣнить пожизненнымъ, предоставивъ имъ полную свободу управленія внутренними дѣлами княжествъ, совмѣстно съ областными Диванами, но подъ непремѣннымъ условіемъ соблюденія привиллегій, дарованныхъ обѣимъ областямъ прежними Гатти-Шерифами; при этомъ никакія послѣдующія повелѣнія Султана несогласныя со смысломъ таковыхъ; не должны препятствовать законнымъ дѣйствіямъ господарей.

Порта обязывается также строжайшимъ образомъ наблюдать, чтобы привиллегіи, дарованныя Молдавіи и Валахіи, ни подъ какимъ видомъ не подвергались нару-

шенію со стороны пограничныхъ турецкихъ властей; не допускать вмѣшательства таковыхъ во внутреннія дѣла этихъ областей и предупреждать вторженіе на ихъ территорію жителей праваго берега Дуная.

Прилегающіе къ лѣвому берегу Дуная острова признаются принадлежащими княжествамъ, границею между которыми должно служить русло этой рѣки, отъ мѣста, гдѣ она вступаетъ въ Оттоманскія владѣнія, до ея сліянія съ Прутомъ.

Для полнаго обезпеченія ненарушимости Молдаво-Валахской территоріи, Порта не сохранитъ за собою ни одного укрѣпленнаго пункта, на правомъ берегу Дуная и не дозволитъ мусульманскимъ своимъ подданнымъ тамъ селиться.

Турецкіе города и принадлежащія имъ земли, расположенныя на этомъ берегу, будутъ возвращены Молдавіи; а укрѣпленія, прежде тамъ находившіеся, никогда уже не будутъ возобновлены.

Правительствамъ княжествъ дозволяется учреждать санитарные кордоны и карантины; равно содержать вооруженную стражу, численность которой опредѣляется дѣйствительною потребностью охраненія границъ.

Княжества навсегда освобождаются отъ обязанности доставлять для жителей Константинополя хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы.

Отмѣняется также: высылка рабочихъ на крѣпостныя работы и вообще всякія натуральныя повинности, прежде существовавшія. Взамѣнъ сего оба княжества обязываются уплачивать Портѣ ежегодную дань, размѣръ которой будетъ опредѣленъ общимъ соглашеніемъ.

Жителямъ княжествъ предоставляется полная свобода торговли всѣми произведеніями ихъ земли ручной и фабричной производительности. Наконецъ они избавляются на два года отъ взноса въ Оттоманскія казначейства установленной годичной дани.

При сравненіи условій обоихъ приведенныхъ трактатовъ

оказывается, что Аккерманскимъ даровано Молдавіи и Валахіи независимое управленіе подъ главенствомъ господарей, избираемыхъ народомъ на семилѣтній періодъ времени по истеченіи котораго на переизбраніе ихъ опредѣлялось испрашивать согласіе Россіи, безъ котораго и удаленіе ихъ Портою отъ управленія также не могло имѣть мѣста. Такія же точно права были дарованы Сербіи.

Россія пріобрѣла при этомъ многія льготы для своей торговли во всѣхъ мѣстностяхъ Оттоманской Имперіи и правъ свободнаго судоходства по Черному морю. По Адріанопольскому трактату (1829 г.), подтвердившему условія всѣхъ предшествовавшихъ договоровъ, Россія оставила за собой въ Европѣ лишь острова, находящіеся въ Дунайскихъ гирлахъ, при томъ съ обязательствомъ не возводить на нихъ укрѣпленій и постоянныхъ поселеній. Она возвратила Портѣ всѣ завоеванныя ею въ Азіи мѣстности, за исключеніемъ крѣпостей, расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря, а также Анапы, Поти, Ахалцыха и Ахалкалакъ. Всѣ привиллегіи дарованныя Дунайскимъ княжествамъ Аккерманскимъ трактатомъ, подтверждены и дополнены тѣмъ, что господарей разрѣшено избирать уже на семь лѣтъ, а на всю ихъ жизнь, и что всѣ налоги и подати замѣнены одною общею данью; кромѣ того строжайше воспрещено мусульманамъ поселяться въ княжествахъ.

Разрѣшеніемъ свободнаго плаванія по Босфору и Дарданелламъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ судамъ Россія доставила неисчислимыя выгоды своей торговлѣ.

Наконецъ изъявленіемъ согласія подчиниться постановленіямъ Лондонскаго трактата, Порта признала независимость Греціи.

Хотя Каподистрія всячески старался упрочить независимость роднаго края, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную, но смуты и распри, терзавшія Грецію, ставили неопреодолимую преграду его благороднымъ условіямъ. Поэтому, не смотря даже на то, что правительство, котораго онъ былъ главою, было вновь утверждено народнымъ собраніемъ,—дни его были

сочтены, такъ какъ державы-покровительницы рѣшились утвердить въ Греціи Монархическое правленіе, съ назначеніемъ королемъ Принца одного изъ царствующихъ домовъ Европы.

Онѣ первоначально предложили корону Греціи принцу Леопольду Саксенъ—Кобургскому,—но онъ отъ нея отказался; слабое здоровье Англійскаго Короля, предвѣщавшее близкую его кончину, внушало принцу надежду быть Регентомъ Англіи до достиженія племянницею его Викторіей совершеннолѣтія.

Такимъ образомъ Каподистрія продолжалъ временно управлять страною, хотя для всѣхъ было очевидно, что ему не подъ силу сдерживать порывы безпокойнаго греческаго народа.

Онъ былъ умерщвленъ въ 1831 г.; президентство перешло къ брату его Августину, административныя способности котораго далеко не соотвѣтствовали важности, возлагавшихся на него обязанностей.

Греціи угрожала междоусобная война.

Для отвращенія этой новой опасности, Россія, Англія и Франція согласилась водворить въ Греціи прочное, твердое правительство, и 7 Мая 1832 г. заключила въ Лондонѣ трактатъ отъ себя съ одной и отъ Баваріи съ другой стороны, по которому наслѣдственный престолъ Греческаго королевства былъ предложенъ Принцу Фридриху Оттону, второму сыну короля Баварскаго Людовика.

29 Ноября того же года, Оттонъ вступилъ въ Наполи на греческую землю; ему предоставлена была возможность, заключить для Греціи внѣшній заемъ въ 60 милліоновъ франковъ, гарантированный державами покровительницами, — а отрядъ въ 3.500 человѣкъ Баварскихъ войскъ, сопровождавшій молодаго Короля въ его новое отечество, сдѣлался его гвардіей.

ГЛАВА VI.

Восточный вопросъ. Договоръ Ункіаръ-Скелесскій $^{8}{}_{20}$ іюля 1833 г. Лондонскій договоръ $^{16}/_{28}$ іюля 1840 г. Лондонскій договоръ $^{15}/_{27}$ іюля 1841 г. Балта-Лиманскій договоръ 19 апрѣля (1 мая) 1849 г.

Исторіографы всѣхъ временъ придавали весьма важное значеніе изученію восточнаго вопроса. Въ сочиненіяхъ, исключительно посвященныхъ этому предмету, конечно, нѣтъ недостатка; но самое обиліе матеріаловъ, относящихся къ таковому, притомъ крайне своеобразное и съ предвзятыми цѣлями, представляетъ неисчислимыя затрудненія вѣрно и точно опредѣлить истинное значеніе историческаго событія, обращающаго на себя общее вниманіе и составляющаго предметъ нескончаемыхъ, всестороннихъ обсужденій.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно и неопровержимо то, что восточный вопросъ возникъ въ отдаленныя историческія времена и знаменуетъ собою одно изъ тѣхъ міровыхъ событій, на рѣшеніе которыхъ дипломатія безсильна оказать вліяніе.

Историческія причины возбудили восточный вопросъ; историческія событія несомнѣнно и разрѣшатъ его. Важность значенія, придаваемаго общественнымъ мнѣніемъ восточному вопросу, такова, что никому даже не приходила доселѣ мысль, ограничить его тѣсными рамками дипломатическихъ сношеній, или созвать конгрессъ для его разрѣшенія.

И дѣйствительно, развѣ возможно мгновенно прекратить вѣковую борьбу романскихъ и германскихъ народовъ съ славянскими племенами, составляющую въ новѣйшія времена какъ бы продолженіе постояннаго антагонизма, существовавшаго въ древности между римлянами и греками?

Сущность же восточнаго вопроса, въ общемъ, широкомъ его значеніи, заключается именно въ этой неустанной борьбѣ.

Съ другой стороны, при томъ въ смыслѣ одностороннемъ, болѣе соотвѣтствующемъ новѣйшимъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, безошибочно можно опредѣлить его значеніе слѣдующимъ образомъ: „восточный вопросъ съ конца XVIII столѣтія до настоящаго времени, знаменуетъ усиленіе могущества

Россіи съ одной и ослабленіе оттоманской имперіи съ другой стороны.»

При всемъ томъ существенное значеніе вопроса остается неизмѣннымъ, т. е. представляетъ борьбу міра католическаго, или романо-германскаго, съ міромъ православнымъ, или славянскимъ, возбужденную страхомъ, внушаемымъ государствамъ западной Европы, мыслью, что на развалинахъ оттоманской имперіи можетъ возникнуть могущественная, свободная и независимая греко-славянская держава.

Этимъ объясняются постоянныя усилія державъ не допустить раздробленія Турціи и защитить ее отъ нападеній враговъ; онѣ признали такой образъ дѣйствій наиболѣе способнымъ утвердить ихъ вліяніе надъ православными народностями и воспрепятствовать усиленію ихъ могущества на счетъ Порты.

Подобный переворотъ въ политикѣ Европы относительно державы, которую прежде она не только не включала въ свою семью, но и намѣревалась вовсе прогнать въ Азію, колыбель племени Османовъ, — произошла постепенно и была вызвана, вопервыхъ, очевиднымъ безсиліемъ оттоманской имперіи, не внушавшимъ уже болѣе христіянскимъ государствамъ опасеній за нарушеніе ихъ собственнаго спокойствія, а во-вторыхъ, сосѣдствомъ съ государствомъ, грозное могущество котораго, быстро возрастая, предоставляло ему возможность выполнять его историческую задачу, т. е. защищать православіе и покровительствовать братьямъ-славянамъ. Первенствующая роль, которую Россія призвана играть на востокѣ, особенно явственно опредѣлилась въ царствованіе императрицы Екатерины II; блистательныя побѣды, одержанныя ея войсками, вполнѣ доказали превосходство русскихъ силъ надъ турецкими.

Съ того времени восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ; давленіе западныхъ державъ на славянскія племена стало невольно ослабѣвать, такъ какъ эти послѣднія выказали твердую рѣшимость сбросить съ себя ярмо, хотя нравственное, но тѣмъ не менѣе тягостное.

Для достиженія этой цѣли представлялось настоятельно необходимымъ ослабить вліяніе западныхъ державъ на Тур-

цію; поэтому борьба славянскаго міра съ міромъ романо-германскимъ обратилась въ борьбу славянъ съ мусульманами. Въ началѣ она не казалась грозною, потому что Европа, невполнѣ еще отрѣшившаяся въ то время отъ своей ненависти къ мусульманамъ, признавала Россію,—поставившую себѣ задачей сокрушить могущество оттоманской имперіи, — своею вѣрною союзницею, и радовалась ея успѣхамъ. Но, не смотря однакоже на то, что борьба славянъ съ католицизмомъ, одновременно происходившая на западной границѣ Россіи, т. е. въ Польшѣ, велась замѣчательно успѣшно, — политика и побѣды русскихъ на востокѣ далеко не привели къ результатамъ, на которые многое давало право разсчитывать. При другихъ условіяхъ, пять славныхъ войнъ, веденныхъ Россіей противъ Турціи, неминуемо имѣли-бы болѣе благопріятныя для него послѣдствія.

По мнѣнію г. Данилевскаго [1], причина, по которой выгоды, пріобрѣтенныя Россіей, были ничтожны сравнительно съ принесенными ею жертвами, кроется въ томъ, что ея правительство не вполнѣ точно опредѣлило цѣли, которыя намѣревалось достигнуть на востокѣ и не усвоило себѣ началъ національно-либеральной политики; между тѣмъ,—добавляетъ тотъ-же авторъ, — благопріятное для Россіи разрѣшеніе восточнаго вопроса возможно лишь тогда, когда приведенныя выше условія будутъ положены въ основу ея дѣйствій.

Единственнымъ, неуклоннымъ стремленіемъ восточной политики Россіи было возможное облегченіе участи ея единовѣрцевъ, находящихся подъ владычествомъ Турціи. Но даже и въ этомъ случаѣ политика ея не отличалась твердостью и опредѣленностью направленія: то она домогалась права оказывать неограниченное покровительство православнымъ востока, то, безучастно относясь къ ихъ страданіямъ, вынуждала ихъ прибѣгать къ заступничеству западныхъ державъ, какъ это сдѣлали греки, призвавъ на помощь Англію. Такую политику, конечно, нельзя назвать національно-либеральною, такъ какъ Россіи слѣдовало прежде всего заботиться объ удовлетво-

---

[1] La Russie et l'Europe.

ренія своихъ собственныхъ, народныхъ интересовъ, а не увлекаться соображеніями второстепенной важности, какія-бы возвышенныя цѣли не имѣлись при этомъ въ виду.

Если императоръ Александръ I не слѣдовалъ внушеніямъ своего благороднаго сердца, то только потому, что признавалъ необходимымъ жертвовать интересами своего народа соблюденію интересовъ Европы, платившей ему за то полнѣйшимъ недовѣріемъ къ его политикѣ. Идеи сохраненія мира въ Европѣ и подавленія революціонныхъ стремленій, нисколько, впрочемъ, неопасныхъ для Россіи, вынудили императора Александра пренебречь симпатіями славянъ къ русскому народу, гласу котораго онъ настойчиво упорствовалъ внимать. Не смотря, однакоже, на искреннее и безкорыстное участіе, принятое Россіей во всѣхъ переговорахъ, имѣвшихъ цѣлью поддержаніе политическаго равновѣсія Европы, она никого не убѣдила въ искренности своей восточной политики. И дѣйствительно, развѣ можно было увѣровать, что Россія стремится лишь къ освобожденію восточныхъ христіянъ, когда въ ея собственныхъ нѣдрахъ поддерживалось еще постыдное рабство?

Что въ царствованіе императрицы Екатерины II Россія могла воспользоваться благопріятнымъ для нея настроеніемъ Европы, сочувствовавшей успѣхамъ русскаго оружія и ни мало не озабоченной возможными ихъ послѣдствіями,—не подлежитъ сомнѣнію. Вѣдь въ то время Европа еще живо помнила какимъ опасностямъ подвергали ее частыя вторженія мусульманъ, наводившія ужасъ на весь христіянскій міръ. Впослѣдствіи ясно обнаружившееся безсиліе Турціи, уничтожившее обаяніе ея прежняго могущества, внушило Европѣ иныя опасенія и заботы: она пришла къ убѣжденію, что должна всячески препятствовать какъ усиленію Россіи на счетъ Турціи, такъ и пріобрѣтенію ею первенствующаго вліянія на ея единовѣрцевъ. Нельзя при этомъ не сознать, что колебанія, обнаружившіяся въ восточной политикѣ Россіи, во многомъ содѣйствовали возбужденію въ Европѣ серьезныхъ сомнѣній относительно истинныхъ ея намѣреній.

Европа не замедлила приписать Россіи стремленія, кото-

рыхъ она по всей вѣроятности никогда не питала; затѣмъ, когда немощность оттоманской имперіи была окончательно признана, всякому событію, совершившемуся на востокѣ, стали придавать важное, часто вовсе незаслуженное значеніе.

Идеи нарождавшагося панславизма сдѣлались настоящимъ пугаломъ для западныхъ державъ, напрягавшихъ наперерывъ другъ передъ другомъ всевозможныя усилія заглушить ихъ въ самомъ зародышѣ.

Стремясь къ достиженію этой цѣли, онѣ настойчиво устраняли всякое покушеніе на неприкосновенность владѣній султана, способное ослабить его мощь и величіе. Дѣлаясь, такимъ образомъ, вѣрными стражами будущаго «больнаго,» державы, весьма естественно, тревожились малѣйшими успѣхами русскихъ на Босфорѣ.

Но антагонизмъ Европы съ Россіей проявился въ полной силѣ лишь послѣ Наваринской битвы, уничтожившей почти весь турецкій флотъ.

Событіе это, значительно ославивъ турецкія силы, сравнительно съ русскими, привело позднѣе къ подписанію Портою адріанопольскаго трактата. Европа переполошилась не на шутку, а убѣжденіе, что существованіе оттоманской имперіи составляетъ главнѣйшее условіе сохраненія политическаго равновѣсія, еще прочнѣе утвердилось во всѣхъ государственныхъ дѣятеляхъ, управлявшихъ политикою Европы.

Но западныя державы очевидно заблуждались; ненарушимости оттоманской имперіи угрожала опасность вовсе не со стороны Россіи. Адріанопольскій трактатъ, неопровержимо доказавъ Портѣ, что дѣйствія русскаго правительства вполнѣ безпристрастны, а требованія его умѣренны, установилъ между обѣими державами согласіе и взаимное довѣріе, совершенно устранившія прежнюю враждебность ихъ отношеній. Порта, повидимому, поняла наконецъ,—говоритъ Неклюдовъ [1]),—«что точно соблюдая трактаты, справедливо и гуманно относясь къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, защищая ихъ храмы и прекративъ ничѣмъ не оправдываемыя преслѣдованія,—она

[1]) Les relations de la Russie avec la Porte.

пріобрѣтетъ въ императорѣ всероссійскомъ долѣе вѣрнаго и честнаго союзника, чѣмъ всѣ остальные государи Европы.» Убѣжденіе это раздѣлялось также мудрѣйшими совѣтниками султана Махмуда, умѣвшаго уяснить себѣ цѣли, преслѣдуемыя политикою западныхъ державъ и оцѣнить по достоинству выгоды союза Турціи съ Россіей. Поэтому, хотя сильная партія, пользовавшаяся поддержкою европейскихъ дипломатовъ, и ухищрялась не допустить Порту до сближенія съ Россіей, но опасность, неожиданно возникшая, и еще нѣкоторыя другія причины привели къ полному упроченію дружественныхъ отношеній между обѣими имперіями, выразившемуся заключеніемъ особаго договора.

На этотъ разъ опасностью угрожалъ Египетъ, энергичный и даровитый вице-король котораго, Мехметъ-Али, успѣлъ занять относительно Порты почти совершенно независимое положеніе. Имѣя превосходно организованное войско и флотъ, ни въ чемъ не уступавшій флоту сюзерена, Мехметъ-Али могъ считаться вассаломъ Порты только условно; въ дѣйствительности-же онъ былъ государь весьма могущественный, обладавшій большими средствами, дававшими ему полную возможность утвердить на престолѣ Османовъ арабскую династію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мехметъ-Али преслѣдовалъ именно эту цѣль; но, прежде чѣмъ произвести такой грандіозный переворотъ въ мусульманскомъ мірѣ, онъ призналъ необходимымъ, для упроченія въ немъ своего вліянія, присоединить къ Египту Сирію. Возбудивъ по этому поводу переговоры съ Портою, онъ потребовалъ отъ султана уступки Дамасскаго пашалыка, составляющаго часть Сиріи, въ видѣ вознагражденія за помощь, оказанную имъ во время греческаго возстанія.

Султанъ отвергъ дерзкое домогательство вассала, напомнивъ ему притомъ, что въ награду за свою услугу онъ уже получилъ во владѣніе острова Критъ и Кипръ.

Тогда Мехметъ Али вознамѣрился подкрѣпить свое требованіе силою оружія.

Чтобы имѣть хотя какой-либо предлогъ для вступленія египетскихъ войскъ въ Сирію, Мехметъ потребовалъ, чтобы

управлявшій этою областью паша уплатилъ 11 милліоновъ піастровъ какого-то старпннаго долга, дѣйствительность котораго, конечно, ничѣмъ доказана быть не могла. Тотчасъ по полученіи заранѣе предвидѣннаго отказа, сынъ Мехмета-Али, Ибрагимъ, опытный и искусный военачальникъ, вступилъ въ Сирію во главѣ превосходно организованной и дисциплинированной арміи. Не встрѣтивъ серьезныхъ препятствій, онъ овладѣлъ Яффой, Іерусалимомъ, и осадилъ Сенъ-Жанъ-д'Акръ.

Хотя междоусобныя войны вассаловъ были для Порты явленіемъ совершенно обыкновеннымъ, но на этотъ разъ она инстинктивно чувствовала, что опасность угрожаетъ собственно ей; поэтому было рѣшено принять противъ Мехмета-Али самыя энергическія мѣры: онъ былъ объявленъ состоящимъ внѣ закона, и въ то же время многочисленная турецкая армія, подъ главнымъ начальствомъ Гуссейна-паши, была направлена въ Сирію.

Гуссейнъ прибылъ слишкомъ поздно; осажденная крѣпость уже сдалась Ибрагиму, который завладѣлъ всей Сиріей, а 19 іюля 1832 г. турецкія войска были на-голову разбиты египтянами при Хемсэ. Эта побѣда позволила Ибрагиму перенести военныя дѣйствія въ Малую Азію, гдѣ близъ Коніэха онъ разсѣялъ полчища великаго визиря Решида-паши, пытавшагося остановить его побѣдное шествіе. Это новое пораженіе турокъ, ознаменованное плѣненіемъ Решида-паши, открыло Ибрагиму свободный путь къ Константинополю; мѣстныя же населенія, упоенныя славою его громкихъ побѣдъ, повсемѣстно выражали готовность признать надъ собою владычество его отца, вице-короля египетскаго.

Положеніе султана было самое затруднительное; у него даже не было войска, которое онъ могъ бы противупоставить побѣдителю; а Франція и Англія, никогда не отказывавшія ему въ своей помощи, были исключительно заняты событіями, совершавшимися въ Бельгіи, и не обращали вниманія на восточныя дѣла.

Зато Россія напряженно слѣдила за ходомъ борьбы, угрожавшей существованію Порты, и уже по началу смѣлаго предпріятія Мехмета-Али предугадала всю важность послѣдствій,

могущихъ произойти отъ перемѣны царствующей въ Турціи династіи. Озабочиваясь какъ сохраненіемъ своего собственнаго спокойствія, такъ и участью своихъ единовѣрцевъ, Россія сочла себя обязанною предупредить катастрофу, способную мгновенно измѣнить ея отношенія къ Портѣ и уничтожить плоды ея вѣковыхъ усилій и тяжелыхъ жертвъ. Императоръ Николай не задумался предложить свою помощь султану, который принялъ ее лишь тогда, когда окончательно убѣдился, что на содѣйствіе другихъ державъ разсчитывать не можетъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ, 1833 года, русскій флотъ появился въ Босфорѣ. Извѣстіе объ этомъ переполошило западную Европу; опасаясь главнѣе всего, чтобы преобладающее вліяніе Россіи на Турцію не утвердилось окончательно, Англія и Франція напряженно стали изыскивать средства не допустить до этого.

Обѣ эти державы упорно не хотѣли вѣрить, что побужденія Россіи въ этомъ случаѣ совершенно честны и безкорыстны, хотя всѣ ея дѣйствія несомнѣнно свидѣтельствовали о ея желаніи поддержать общеевропейскій миръ, которому угрожала опасность. Даже то, что императоръ Николай, не приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, предложилъ султану и Мехмету-Али избѣгать вооруженнаго столкновенія, не могло поколебать ихъ подозрительности.

Появленіе русскаго флота въ Босфорѣ очевидно имѣло цѣлью заставить пашу быть уступчивымъ.

Франція, въ видахъ устраненія вооруженнаго вмѣшательства Россіи, поспѣшила послать посла въ Константинополь, поручивъ ему помирить султана съ возмутившимся пашею; Англія же, не добившись отъ Мехмета ожидаемой, безусловной покорности, положительно возненавидѣла его. Посолъ королевы открыто старался возбуждать султана противъ его вассала хотя въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ Ибрагимъ наотрѣзъ отказался принять посредничество Франціи и Россіи.

Въ виду такого отказа, 5000-ный русскій отрядъ выступилъ противъ инсургентовъ; Франція, Англія и Австрія не замедлили послать свои эскадры на театръ военныхъ дѣйствій.

Мехметъ-Али уступилъ превосходству силъ, но по мир-

ному трактату, заключенному въ 1833 г. въ Китаэхѣ, обладаніе Сиріей было ему обезпечено.

Немедленно по заключеніи этого мира русскія войска оставили занятыя ими позиціи, а султанъ, желая отблагодарить Русскаго Императора за оказанную имъ помощь и упрочить свои дружественныя съ нимъ отношенія, заключилъ съ Императоромъ Николаемъ Ункіяръ-Скелесскій трактатъ, подписаніе котораго состоялось въ Константинополѣ 8 іюля 1833 г.

Шестью статьями этого трактата обѣ стороны условливались въ слѣдующемъ:

Ст. I. Вѣчный миръ, дружба и союзъ водворяются между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Императоромъ Оттомановъ, между ихъ имперіями и поданными какъ на сушѣ такъ и на морѣ.

Такъ какъ при заключеніи союза имѣлось въ виду единственно обезопасить взаимныя владѣнія отъ всякаго на нихъ посягательства, то Ихъ Императорскія Величества принимаютъ на себя обязательство откровенно совѣщаться относительно всего того, что можетъ упрочить ихъ взаимное спокойствіе и безопасность; въ случаѣ же надобности оказывать другъ другу самую дѣятельную помощь, какъ матеріяльную такъ и нравственную.

Ст. II. Мирный договоръ, подписанный въ Адріанополѣ 2 сентября 1829 г., съ заключающимися въ немъ условіями предшествовавшихъ трактатовъ, равно конвенція, подписанная въ С.-Петербургѣ 14 апрѣля 1830 г. и соглашеніе по греческимъ дѣламъ, утвержденное въ Константинополѣ 9—21 іюля 1832 г., настоящимъ договоромъ оборонительнаго союза подтверждаются во всей ихъ полнотѣ и силѣ, и будутъ считаться дословно включенными въ таковой.

Ст. III. Такъ какъ оказаніе взаимной поддержки и защиты положены въ основаніе настоящаго союзнаго договора, то Е. В. Императоръ Всероссійскій, искренно желая утвердить и упрочить независимость блистательной Порты, обѣщаетъ въ случаѣ, (чего Боже сохрани),

еслибы обстоятельства вынудили ее вновь просить содѣйствія русскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ,—выставить такое число войскъ разнаго рода оружія, какое обѣими договаривающимися сторонами будетъ признано необходимымъ.

Ст. IV Если на основаніи предъидущихъ статей одна изъ сторонъ прибѣгнетъ къ матеріальному содѣйствію своей союзницы, то только расходы по продовольствію выставленныхъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ будутъ отнесены на счетъ державы, по просьбѣ которой они призваны къ дѣйствіямъ.

Ст. V. Хотя обѣ высокія договаривающіяся стороны одушевлены вполнѣ искреннимъ желаніемъ продолжить елико возможно соблюденіе принятыхъ ими на себя, по смыслу настоящаго трактата, обязательствъ,—но такъ какъ нѣкоторыя измѣненія въ немъ могутъ въ послѣдствіи оказаться настоятельно необходимыми, то по взаимному согласію опредѣляютъ восьмилѣтній срокъ, со дня обмѣна ратификацій, для неуклоннаго исполненія его условій. До истеченія назначаемаго срока обѣ стороны, принявъ во вниманіе общее положеніе политическихъ дѣлъ, которое будетъ существовать въ то время, войдутъ въ надлежащее соглашеніе о возобновленіи этого трактата.

Ст. VI. Ратификація настоящаго оборонительнаго союзнаго договора произойдетъ въ Константинополѣ въ двухмѣсячный срокъ; а буде возможно, то и ранѣе.

Секретная дополнительная статья.

Однимъ изъ условій I статьи настоящаго оборонительнаго союзнаго договора, заключеннаго блистательною Портою съ русскимъ Императорскимъ правительствомъ, обѣ высокія договаривавшіяся стороны обязались оказывать другъ другу самую дѣятельную помощь, какъ матеріальную, такъ и нравственную для обезпеченія безопаности ихъ владѣній.

Но такъ какъ Его Величество Императоръ Всероссійскій не желаетъ затруднять блистательную Порту

оказаніемъ Россіи матеріальной помощи, то и требовать таковой не будетъ; если же по обстоятельствамъ будетъ признано, что блистательной Портѣ слѣдуетъ оказать условленную помощь, то взамѣнъ ея, по точному смыслу взаимнодѣйствія, утвержденнаго настоящимъ договоромъ, блистательная Порта обязывается запереть Дарданельскій проливъ, т. е. ни подъ какимъ предлогомъ не допускать входъ въ него иностранныхъ военныхъ судовъ.

Эта отдѣльная секретная статья должна пользоваться такою же силою и такимъ-же значеніемъ, какія имѣла-бы, будучи дословно включена въ оборонительный союзный договоръ сего-же числа подписанный.

Ункіяръ-Скелесскій трактатъ не только въ значительной степени усилилъ опасенія западныхъ державъ, но вполнѣ убѣдилъ ихъ, что восточная политика Россіи стремится къ достиженію эгоистическихъ, честолюбивыхъ цѣлей. Въ обязательствѣ, принятомъ Портою, запереть Дарданеллы для входа военныхъ судовъ другихъ націй въ случаѣ войны ихъ съ Россіей, онѣ видѣли даже чуть ли не передачу Константинополя во власть Русскихъ, и съ той поры напрягали всевозможныя усилія, ослабивъ вліяніе С.-Петербургскаго кабинета на Порту, отвлечь султана отъ союза съ Русскимъ Императоромъ.

Началась подпольная дипломатическая борьба, во время которой пущены были въ ходъ всевозможныя хитрости и интриги, и надо сознаться, что русскіе агенты не съумѣли удержать за собою то несомнѣнно выгодное и преобладающее вліяніе, которое было усвоено за Россіей стеченіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; ихъ слабый гласъ на берегахъ Босфора былъ положительно заглушенъ гордыми, самоувѣренными рѣчами представителей иностранныхъ державъ.

Въ то время, какъ послы Англіи и Франціи помимо дипломатическихъ сношеній тщательно изучали нравы и условія внутренней жизни Оттомановъ, представители Россіи ограничивались лишь чисто оффиціальною стороною своихъ обязанностей и, развѣ еще, разбирательствомъ несогласій, возникавшихъ между ихъ соотечественниками и турками.

Иностранные дипломаты чрезвычайно ловко и умѣло вос-

пользовавшись бездѣйствіемъ своихъ русскихъ собратій, успѣли убѣдить султана, что европейскія державы могутъ оказать ему несравненно болѣе важныя услуги чѣмъ Россія, не смотря даже на выказанныя ею при заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго трактата безпристрастіе и умѣренность. Но болѣе вѣрными, хотя и не столь быстрыми, способами пріобрѣтенія неограниченнаго вліянія на востокѣ западныя державы признали какъ привлеченіе большинства Турецкой молодежи въ учебныя заведенія Европы, такъ и передачу дѣла народнаго образованія мусульманъ въ руки французскихъ и англійскихъ педагоговъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ ихъ посольствъ.

Замѣчательно, что въ виду такихъ, искусно комбинированныхъ замысловъ, Россія даже не пыталась противодѣйствовать явно враждебнымъ ей дѣйствіямъ и упорно не хотѣла сознать, что въ молодомъ поколѣніи османовъ укореняется ненависть ко всему русскому, которою западныя державы съумѣютъ воспользоваться впослѣдствіи.

Поступая такъ, С.-Петербургскій кабинетъ еще разъ пожертвовалъ своими интересами страстному желанію не подавать повода не только къ ссорѣ, но и къ подозрѣнію; но и на этотъ разъ предположенная имъ цѣль не была, да и не могла быть достигнута.

Западныя державы, поддерживаемыя общественнымъ мнѣніемъ Европы, были твердо убѣждены, что всѣ безъ исключенія дѣйствія Россіи направлены лишь къ завоеваніямъ и захватамъ, поэтому, не видя съ ея стороны явныхъ къ тому поползновеній, онѣ заподозрили ее въ подготовленіи тайныхъ козней противъ Турціи. Застращивая султана такими неосновательными предположеніями, послы ихъ добились того, что и онъ, притомъ въ виду полной бездѣятельности русскаго правительства, заподозрилъ, что оно разскаивается въ поспѣшности, съ которою заключило съ нимъ союзъ, столь непріятный для его навязчиво—услужливыхъ покровителей.

Англія торжествовала и имѣла на то неоспоримое право, такъ какъ болѣе другихъ западныхъ державъ способствовала утвержденію общаго недовѣрія къ русской политикѣ и прекращенію русскаго вліянія на востокѣ, пріобрѣтеннаго цѣною

многихъ тяжелыхъ жертвъ. Нельзя впрочемъ не согласиться, что лондонскій кабинетъ дѣйствовалъ вполнѣ раціонально: онъ исключительно имѣлъ въ виду коммерческіе интересы своего народа, которымъ угрожала серьезная опасность по случаю быстраго усиленія русской торговли въ Левантѣ и вообще на востокѣ. Тщательная отдѣлка и доброкачественность русскихъ товаровъ значительно уменьшили сбытъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, пользовавшихся до того времени въ названныхъ мѣстностяхъ безграничною монополіей.

Въ Лондонѣ издавалась даже газета „Portfolio", спеціально посвященная наблюденію за всѣми мѣропріятіями Россіи на востокѣ и констатированію ихъ. Кромѣ того газета усиленно старалась доказать, что русское правительство, стремясь къ распространенію своихъ владѣній на востокѣ, имѣетъ исключительно въ виду: не только ослабить вліяніе Англіи, но и совершенно вытѣснить ее оттуда; такимъ образомъ ничѣмъ не было пренебрежено для утвержденія въ англійскомъ обществѣ убѣжденія, что война съ Россіей необходима и неизбѣжна.

И война навѣрно бы возгорѣлась, еслибы болѣе неотложно—важные интересы не обратили на себя въ то время вниманія какъ Европы, такъ и парламентовъ, и прессы.

Со времени первыхъ столкновеній турціи съ Мехметомъ-Али, всѣ безъ исключенія событія, совершившіяся въ этой имперіи, болѣзненно отзываясь на политическихъ дѣлахъ Европы, вызвали въ ней возникновеніе вопроса несомнѣнной важности, впервые получившаго названіе «восточнаго»; вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненіе цѣлости и неприкосновенности оттоманской имперіи было признано условіемъ sine qua non соблюденія интересовъ всей вообще Европы.

Вотъ почему, не смотря на соперничество Россіи и Велекобританіи, обѣ державы эти одинаково признавали необходимымъ положить предѣлъ честолюбію Мехмета-Али, замышлявшаго, повидимому, новое посягательство противъ верховной власти своего сюзерена.

Хотя приписываемыя египетскому пашѣ намѣренія еще ничѣмъ не могли быть доказаны, но англійское правительство, движимое личными эгоистическими разсчетами, всячески ста-

ралось застращать султана и втянуть его въ войну съ могущественнымъ вассаломъ, обѣщая притомъ оказать падишаху самую дѣятельную помощь.

Причина, побуждавшая Англію къ такимъ дѣйствіямъ, была очевидна: Мехметъ-Али владѣлъ главнѣйшимъ торговымъ путемъ въ Индію черезъ Суэзскій перешеекъ, и ей вовсе не было желательно, чтобы ея сношенія съ богатою колоніею находились въ большей или меньшей зависимости отъ полуварварскаго правительства.

Въ 1833 году англичанамъ удалось завладѣть городомъ Аденомъ; но важность этого захвата обусловливалась лишь присоединеніемъ еще нѣсколькихъ смежныхъ городовъ. Война султана съ Мехметомъ-Али сулила Англіи надежду пріобрѣсти въ ущербъ послѣдняго нѣкоторыя, заранѣе намѣченныя ею мѣстности,—а потому не удивительно, что дипломатическіе агенты Великобританіи въ Константинополѣ не щадили усилій поссорить султана съ его вассаломъ.

Достиженіе этой цѣли не представляло впрочемъ серьезныхъ препятствій, потому что съ самаго заключенія Китаэхскаго мира, всѣ помыслы султана стремились лишь къ тому, чтобы уничтожить дерзновеннаго египетскаго пашу; громадныя приготовленія къ войнѣ съ нимъ безостановочно производились Портою.

Подъ предлогомъ подавленія возстанія курдовъ, султанъ послалъ сильное войско въ Малую Азію, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующему таковымъ, Гафизу-пашѣ, перейдти Евфратъ и вытѣснить Ибрагима изъ Сиріи. Но Ибрагимъ ожидалъ нападенія и, 24 іюня 1839 г., при Неджибѣ, нанесъ туркамъ пораженіе, послѣдствія котораго могли даже угрожать самому существованію Оттоманской имперіи, тѣмъ болѣе что султанъ Махмудъ вскорѣ послѣ того умеръ, и на престолъ вступилъ его юный сынъ Абдулъ-Меджидъ, не обладавшій ни энергіей, ни опытностью своего родителя.

Дѣйствительно, паденіе Оттоманской имперіи представлялось если ужь не неизбѣжнымъ, то по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ; поэтому европейскія державы, побуждаемыя твердою увѣренностью, что существованіе ея необходимо для ихъ

спокойствія и безопасности, поспѣшили подать Турціи руку помощи. Россія и Англія, явно пренебрегая причинами, возбудившими ихъ недавнія взаимныя несогласія и нарушая даже условія трактата 1833 г., дружно сплотились въ виду предстоявшей опасности; открылась конференція въ Лондонѣ, къ участію въ которой приглашены были Австрія, Франція и Пруссія, не замедлившія прислать своихъ уполномоченныхъ.

Россія и Франція заявили на первыхъ же порахъ, что Сирію необходимо присоединить къ Египту и притомъ съ тѣмъ, чтобы управленіе этими странами было утверждено за семействомъ Мехметъ-Али, съ правами законнаго престолонаслѣдія; прочія же державы не изъявили на это согласія, и Россія вскорѣ убѣдилась ихъ доводами; одна только Франція, разсчитывая, что по смыслу дружественнаго своего соглашенія съ Англіей, состоявшагося въ 1830 г., послѣдняя не подпишетъ безъ нея какого-либо договора, упорно настаивала на своемъ предложеніи. Разсчеты Франціи оказались невѣрными, Англія ей измѣнила и только она одна не подписала лондонскаго трактата, носящаго громкое названіе: *„трактатъ объ умиротвореніи востока“*.

По смыслу этого трактата, четыре договаривавшіяся державы, войдя предварительно въ соглашеніе съ султаномъ относительно условій, на основаніи которыхъ онъ согласенъ заключить миръ съ Мехметомъ-Али, (условія эти спеціально выяснены въ отдѣльномъ постановленіи, приложенномъ къ лондонскому трактату), обязались общими соединенными усиліями побудить египетскаго пашу подчиниться состоявшемуся рѣшенію, которое, въ случаѣ надобности, онѣ поддержатъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Отдѣльнымъ постановленіемъ, о которомъ выше упомянуто, султанъ обязался обезпечить за Мехметомъ-Али и его потомствомъ по прямой линіи управленіе египетскимъ пашалыкомъ. Кромѣ того онъ предположилъ даровать Мехмету-Али пожизненное право, сохраняя титулъ Акрскаго паши и главноначальствующаго надъ крѣпостью Сенъ-Жанъ д'Акръ, управлять южною частью Сиріи; но это слѣдуетъ въ такомъ только случаѣ, если онъ въ теченіи десяти дней со времени объяв-

ленія ему такой милости падишаха признательно ее приметъ и въ тоже время безпрекословно удалитъ свои морскія и сухопутныя силы изъ Аравіи, съ острова Кандіи, изъ Аѳенскаго округа и остальной части Сиріи; равно возвратитъ турецкій флотъ, добровольно ему сдавшійся.

Если же противъ всякаго ожиданія, Мехметъ-Али отвергнетъ предлагаемыя ему милости, то султанъ признаетъ себя въ правѣ лишить его таковыхъ и приступить къ такимъ противъ него дѣйствіямъ, которыя согласуясь съ интересами Турецкой имперіи, будутъ указаны вѣрными союзниками Порты.

Въ день подписанія лондонскаго трактата уполномоченные четырехъ договорившихся сторонъ утвердили также своею подписью слѣдующій протоколъ. „Подтвержденное 4 ст. конвенціи 1840 г. древнее право оттоманской имперіи, воспрещать военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входъ въ Дарданеллы и Босфоръ, не должно препятствовать блистательной Портѣ, руководствуясь примѣрами прошлаго, выдавать фирманы на свободное по нимъ плаваніе военнымъ судамъ небольшой вмѣстимости, исключительно предназначеннымъ дружественными державами для почтовой службы [1]).

Франція, какъ мы уже знаемъ не подписала лондонскаго трактата 1840 г.; она не только приняла враждебное положеніе, но и открыто заявила, что не одобряетъ цѣлей преслѣдуемыхъ подписавшими его державами, діаметрально противуположными ея намѣреніямъ.

Она вовсе не имѣла въ виду воспрепятствовать войнѣ султана съ Мехметомъ-Али, но, напротивъ, страстно желала возбудить ее и питала надежду, заключивъ съ послѣднимъ

[1]) 13 іюля 1841 года протоколъ этотъ былъ включенъ въ такъ называемый Лондонскій трактатъ *«о проливахъ»*, подписанный Англіей, Россіей, Франціей, Австріей и Пруссіей съ одной стороны блистательною Портою съ другой, — въ силу котораго пять подписавшихъ его державъ, желая упрочить дружбу, установившуюся между ними и султаномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить неопровержимое доказательство уваженія ихъ къ его правамъ, рѣшили согласно съ желаніемъ Его Величества, подтвердить оффиціальнымъ документомъ свое непреложное намѣреніе уважать древнее право Оттоманской Имперіи, по которому не допускается въ мирное время входъ иностранныхъ, военныхъ судовъ въ Дарданеллы и Босфоръ.

союзъ, воспользоваться его содѣйствіемъ для утвержденія своего владычества на берегахъ Средиземнаго моря.

Она очевидно помѣнялась ролями съ Англіей, находившей болѣе благоразумнымъ не обнаруживать своихъ завѣтныхъ замысловъ и протестовать противъ произвольныхъ и насильственныхъ, по ея мнѣнію, мѣръ, предложенныхъ державами для умиротворенія востока.

Рѣзкій, рѣшительный тонъ возраженій французскаго правительства, приступившаго вмѣстѣ съ тѣмъ къ громаднымъ, военнымъ снаряженіямъ, невольно заставлялъ опасаться возникновенія общеевропейской войны. Мехмедъ-Али, увѣровавъ въ обѣщанную ему Франціей помощь, смѣло пропустилъ назначенный ему лондонскимъ трактатомъ срокъ на принятіе милостей султана, санкціонированныхъ договаривавшимися державами, и ни мало не заботился о приведеніи въ исполненіе требованій, обусловливавшихъ дарованіе ему таковыхъ.

Когда-же неоднократно повторенныя попытки турецкаго правительства, склонить Мехмета къ соглашенію, оказались безуспѣшными,—соединенные флоты Австріи, Англіи и Турціи приступили къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; послѣ бомбардированія, совершенно разрушившаго Бейрутъ, городъ этотъ сдался на капитуляцію.

Въ тоже время во владѣніяхъ Мехметъ-Али вспыхнуло возстаніе, вынудившее его войска углубиться въ Сирію, гдѣ они потерпѣли полное пораженіе.

Хотя въ такомъ критическомъ положеніи помощь Франціи могла принести огромную пользу, но держава эта признала болѣе благоразумнымъ уклониться отъ вооруженнаго столкновенія съ своими союзниками; тогда убѣдясь, что разсчитывать на Францію нечего и сознавая, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, и повлечетъ лишь къ ухудшенію дѣлъ, Мехметъ-Али покорился, призывая на себя великодушіе побѣдителей.

Живѣйшимъ желаніемъ султана было немедленно лишить его власти; — но внимая совѣтамъ Англіи, подкрѣпленнымъ также прочими союзными державами, онъ измѣнилъ свое намѣреніе, согласясь признать Мехмета наслѣдственнымъ владѣтелемъ египетскаго пашалыка.

Неожиданнымъ заступничествомъ за возмутившагося пашу Англія пріобрѣла двоякую пользу: она примирилась съ Франціей, оцѣнившей ея усилія поддержать Мехмета, и пріобрѣла признательность послѣдняго, выразившуюся въ его согласіи не препятствовать правильному сообщенію Англіи съ Индіей черезъ Суэзскій перешеекъ и въ разрѣшеніи учредить тамъ постоянную почту.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ державъ, принявшихъ участіе въ восточныхъ дѣлахъ, наибольшую матеріальную выгоду извлекла для себя Англія; а ея искусныя, хотя далеко не честныя махинаціи, доставили ей то вліяніе на торговыя и политическія дѣла востока, пріобрѣсти которое она такъ горячо и настойчиво домогалась.

Результатъ непродолжительной борьбы съ Мехметомъ-Али убѣждалъ, что онъ уже на всегда утратилъ желаніе и возможность чѣмъ либо угрожать Оттоманской Имперіи; эта увѣренность служила вмѣстѣ съ тѣмъ ручательствомъ, что антагонизмъ Россіи и Англіи на востокѣ, не замедлитъ вновь возбудиться, притомъ въ явный ущербъ первой, такъ какъ всѣ шансы на успѣхъ клонились на сторону ея противницы.

Дѣйствительно юный султанъ, воспитанный чужеземными наставниками, имѣвшими на него большое вліяніе, вполнѣ вѣрилъ въ безсиліе Россіи, которая вслѣдствіе таковаго вынуждена была, по его мнѣнію, довольствоваться въ послѣднюю войну лишь оказаніемъ ему нравственной поддержки. За то Англію онъ безусловно признавалъ спасительницею и покровительницею своей Имперіи, и убѣжденіе это укрѣплялось въ немъ еще болѣе единомысліемъ окружавшей его турецкой молодежи, тоже получившей образованіе подъ наблюденіемъ заграничныхъ педагоговъ. Все это привело къ тому, что нѣкоторые сторонники союза Турціи съ Россіей, засѣдавшіе въ Государственномъ совѣтѣ, были даже удалены отъ службы противъ желанія; остальные сами разбрелись по добру по здорову по домамъ.

Положеніе русскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ было совершенно изолированное; притомъ они не обладали способностями и искуствомъ, необходимымъ для того, чтобы

успѣшно вести борьбу съ такимъ врагомъ, какъ лордъ Страффордъ Редклифъ, представитель Англійской королевы при дворѣ Его Величества султана.

Лордъ Страффордъ лично ненавидѣлъ Россію и все русское. Соединяя въ себѣ всѣ качества ловкаго дипломата и неутомимаго интригана, онъ вскорѣ сдѣлался провидѣніемъ султана и его министровъ,—подчинилъ ихъ своей деспотической власти и—да дозволено будетъ употребить простонародное выраженіе, — заставлялъ ихъ плясать подъ свою дудку.

Французскіе дипломаты равномѣрно не пропускали случая, склонять султана на сторону своего правительства; съ англійскими агентами они ладили только тогда, когда представлялась возможность вредить членамъ русскаго посольства и ставить ихъ въ безвыходное положеніе.

Борьба двухъ правительствъ, наперерывъ другъ передъ другомъ стремившихся управлять судьбами Турціи, ставя султана въ крайне неловкое и затруднительное положеніе, вынуждала его то подчиняться вліянію Франціи, то признавать авторитетъ Англіи; такая измѣнчивая, лихорадочная политика, не имѣвшая ясно опредѣленнаго направленія, неминуемо должна была привести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Гроза, разразившаяся надъ Европой въ 1848 г., поглотила все вниманіе Англіи и Франціи; онѣ отвернулись отъ Турціи, очутившейся такимъ образомъ одинокою, слабою, деморализованною, въ виду возстанія, вспыхнувшаго на берегахъ Дуная.

Быть можетъ Турція справилась бы съ инсургентами и собственными своими средствами; но пріученная съ давнихъ поръ разсчитывать въ трудныя минуты на помощь извнѣ, Порта уже не довѣряла болѣе своей боевой способности. Въ такомъ критическомъ положеніи только одна Россія, какъ и въ 1833 г., могла оказать ей скорую, энергическую помощь, хотя совершенно при иныхъ условіяхъ. Различіе было такъ очевидно, что никому даже не приходила мысль, что держава, въ отношеніяхъ которой къ Портѣ постоянно преобладало стремленіе оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ, неожиданно двинетъ противъ нихъ свои войска совмѣстно съ полчищами Османлисовъ.

Оправданіемъ такому политическому маневру могло служить развѣ только желаніе разомъ возвратить себѣ вліяніе на Порту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ускользавшее изъ рукъ. Къ тому же, дѣйствительно казалось отчасти возможнымъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, ничѣмъ притомъ не рискуя; къ тому же, европейскія правительства были слишкомъ озабочены событіями, воочію совершавшимися передъ ними въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, чтобы удостоить вниманіемъ возстаніе, вовсе не представлявшееся грознымъ; Порта-же, напротивъ, признавая угрожавшую ей опасность истиннымъ для себя бѣдствіемъ, не знала какъ и оцѣнить неожиданно предложенную ей помощь.

Но, во всякомъ случаѣ, заявленная 31 іюля 1848 г. рѣшимость Россіи дѣйствовать въ соглашеніи съ Блистательною Портою для возстановленія спокойствія въ Дунайскихъ княжествахъ ничѣмъ не могла быть оправдана; отнюдь не возвращая утраченнаго вліянія, она неминуемо должна была способствовать усиленію недовѣрія и подозрительности султана въ будущемъ, и возбудить противъ Россіи неудовольствіе народовъ, преданность которыхъ дотолѣ не подвергалась никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ фактъ одновременнаго вступленія русскихъ и турецкихъ войскъ въ княжества былъ на лицо; а 19 апрѣля 1849 г. обѣ державы подписали Балта-Лиманскій договоръ, по которому, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, обнаружившихся въ Дунайскихъ княжествахъ, и искренно желая возстановивъ въ нихъ нарушенный порядокъ, прочно утвердить таковой на будущее время, онѣ постановили:

1) Въ видахъ представленія наиболѣе достойнымъ личностямъ возможности управлять краемъ, господари Молдавіи и Валахіи будутъ впредь избираться и утверждаться султаномъ на семилѣтній срокъ, а не пожизненно, какъ это было установлено трактатомъ 1829 года (Ст. I).

2) Право обыкновеннаго и чрезвычайнаго съѣзда бояръ, дарованное отдѣльнымъ постановленіемъ Адріанопольскаго трактата уничтожается, такъ какъ оно нерѣдко

служило поводомъ къ возбужденію смутъ и явнаго неповиновенія (Ст. II).

3) Двѣ комиссіи, составленныя изъ наиболѣе уважаемыхъ бояръ, имѣютъ собраться: одна въ Яссахъ, другая въ Бухарестѣ, и, обсудивъ настоящее положеніе дѣлъ, опредѣлятъ, какимъ именно измѣненіямъ необходимо должна подвергнуться прежняя конституція, чтобы утвердить въ княжествахъ вполнѣ прочное и правильное управленіе. Предположенія комиссій войдутъ въ законную силу лишь по одобреніи ихъ Россіей и Портой (Ст. III).

4) Русско-турецкая армія, численностью отъ 25 до 30.000 человѣкъ, будетъ занимать княжества для оказанія содѣйствія ихъ правительствамъ и охраненія ихъ отъ всякихъ враждебныхъ происковъ, направленныхъ извнѣ. По водвореніи полнаго спокойствія численность оккупаціонной арміи будетъ уменьшена до 10000 человѣкъ, они остаются въ княжествахъ до окончанія занятій комиссій, на которыя возложено окончательное устройство прочнаго и твердаго правительства. Но хотя войска и будутъ выведены изъ княжествъ въ опредѣленное время, однако могутъ быть возвращены, лишь только присутствіе ихъ тамъ вновь окажется необходимымъ (ст. IV).

Срокъ соблюденія этой конвенціи опредѣляется на 7 лѣтъ, по истеченіи которыхъ Россія и Турція предоставляютъ себѣ право вновь принять соотвѣтствующія мѣры для упроченія въ будущемъ спокойствія и благоденствія княжествъ. Наконецъ обѣ державы постановляютъ, что такъ какъ заключеніе настоящаго договора вызвано исключительными обстоятельствами, и притомъ съ назначеніемъ для соблюденія таковаго опредѣленнаго срока, то условія всѣхъ предшествовавшихъ трактатовъ, относящіяся до Дунайскихъ княжествъ и санкціонированныя въ недавнемъ времени отдѣльнымъ постановленіемъ Адріанопольскаго трактата, сохранятъ свою полную силу и значеніе.

Строгія, отчасти даже насильственныя мѣры, обусловленныя Балта-Лиманскимъ договоромъ, весьма естественно возбудили сильный ропотъ въ княжествахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ порвали послѣднія слабыя узы, соединявшія Мадьярскія племена съ Россіей. Съ тѣхъ поръ племена эти отшатнулись отъ нея, признавъ ее не покровительницею, а врагомъ своей свободы и независимости.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, жертвуя плодами вѣковыхъ усилій и не обращая вниманія на симпатіи русскаго народа, с.-петербургскій кабинетъ, помимо желанія возстановить свое вліяніе на Порту, имѣлъ еще въ виду произвести нравственное давленіе на Венгерское возстаніе, къ прекращенію котораго оказывалъ дѣятельное содѣйствіе.

Но цѣль не была достигнута: не смотря на несомнѣнно важную помощь, поданную Россіей Австріи, отношенія этихъ двухъ державъ замѣтно съ тѣхъ поръ ухудшились, и только въ весьма недавнее время приняли болѣе благопріятное направленіе. Кромѣ того, вмѣшательство это возбудило крайне прискорбный по послѣдствіямъ вопросъ о польскихъ выходцахъ, отдавшихся подъ покровительство Турціи.

Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе того, что большинство поляковъ, начальствовавшихъ бандами венгерскихъ инсургентовъ, потерпѣвшими полное пораженіе, бѣжали въ Турцію, прося султана не отказать имъ въ пристанищѣ. Падишахъ имѣлъ неоспоримое право исполнить ихъ просьбу, — но русское правительство взглянуло на дѣло иначе: признавая оказанное бѣглецамъ гостепріимство доказательствомъ враждебности къ себѣ Порты, оно грознымъ ультиматумомъ потребовало немедленной ихъ высылки изъ турецкихъ владѣній.

Такое требовіе Россіи крайне огорчило и оскорбило султана, тѣмъ болѣе что, какъ государь самодержавный и независимый, онъ видѣлъ въ таковомъ явное нарушеніе своихъ верховныхъ правъ. Къ счастью для него революціонная гроза въ Европѣ длилась недолго; Франція и Англія поспѣшили вновь вмѣшаться въ восточныя дѣла и усердно заняться возстановленіемъ своего поколебленнаго вліянія.

Русскій ультиматумъ о высылкѣ изъ Турціи польскихъ

выходцевъ, составляя явное нарушеніе самыхъ существенныхъ международныхъ правъ, разрѣшающихъ самостоятельнымъ правительствамъ давать пріютъ въ своихъ владѣніяхъ политическимъ преступникамъ, — предоставлялъ Франціи и Англіи вполнѣ благопріятный предлогъ оказать султану поддержку.

Онѣ воспользовались таковымъ и утвердили въ Падишахѣ рѣшимость не подчиняться волѣ Россіи; Англія же ввела даже свой флотъ въ Дарданеллы, свидѣтельствуя тѣмъ о своей готовности энергически воспрепятствовать русскому домогательству.

Державы эти не преминули также увѣрить султана, что содѣйствіемъ къ подавленію возстанія въ Дунайскихъ княжествахъ и занятіемъ ихъ своими войсками, Россія желала лишь приблизиться къ границамъ Турціи, и что ультиматумъ ясно обозначаетъ ея стремленіе расширить свои владѣнія въ ущербъ Оттоманской имперіи. Несмотря на очевидную несостоятельность такого завѣренія, оно пріобрѣтало однакоже въ глазахъ султана значительную долю вѣроятія, потому что русскія войска дѣйствительно не были выведены изъ княжествъ, хотя полное спокойствіе было давно въ нихъ возстановлено.

Увѣренность западныхъ державъ, что Россія и впрямь домогается овладѣть лучшими областями Турціи, усиливалась все болѣе и болѣе а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и недовѣріе ихъ къ ней. Разныя возникавшія усложенія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, убѣждали въ неизбѣжности серьезныхъ столкновеній, послужившихъ впослѣдствіи поводомъ къ Крымской войнѣ и къ заключенію пресловутаго трактата 1856 года.

Съ той поры для всѣхъ стало ясно, что при будущихъ столкновеніяхъ на востокѣ, Россіи придется бороться уже не съ одною Турціею, а съ соединенными боевыми силами Франціи, Англіи и Австріи.

Такъ дѣйствительно и случилось...

ГЛАВА VII.

Крымская война. Парижскій трактатъ 18/30 марта 1856.

Ничтожныя, скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя улучшенія, допущенныя милостью султана въ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ Порты, замѣтно ослабили ихъ ненависть къ мусульманамъ и подали даже надежду, что сближеніе между двумя столь разнородными по характеру и вѣрованіямъ элементами, хотя и въ далекомъ будущемъ, однако же возможно.

Подобный оборотъ дѣлъ не входилъ въ соображенія русскаго правительства, начинавшаго наконецъ сознавать, что его единовѣрцы мало по малу отрѣшаются отъ убѣжденія, что только Россія можетъ оказать имъ содѣйствіе и помощь; вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться и опасенія, что русское вліяніе на восточныхъ христіанъ незамѣдлитъ совершенно утратиться, какъ это уже случилось въ Дунайскихъ княжествахъ.

Такія опасенія русскаго правительства, во всякомъ случаѣ, не были лишены основаній; надежды христіанъ на заступничество и помощь Россіи уже столько разъ не осуществлялись, что даже мысль о ея покровительствѣ устрашала и заставляла предполагать, что она стремится лишь къ распространенію на славянскія племена своего владычества, считавшагося ими гораздо болѣе опаснымъ для ихъ національности чѣмъ безобразное турецкое упрарленіе. «Сдѣлавшись подданными Россіи, славянскія племена неминуемо подверглись бы строгой административной централизаціи, лишенію муниципальныхъ учрежденій, утратѣ вѣками усвоенныхъ обычаевъ и существенному измѣненію родныхъ нарѣчій, — т. е. всѣхъ несомнѣнныхъ доказательствъ ихъ политической индивидуальности, которую они съумѣли сохранить не смотря на гнетъ вѣковаго рабства» [1]).

---

[1]) Annuaire des deux mondes, 1852.

Къ такому явному охлажденію симпатій христіанскихъ народовъ востока Россія конечно не могла относиться безучастно тѣмъ болѣе, что, несмотря на временныя колебанія въ направленіи ея политики, она все таки твердо сознавала, что вѣрнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ средствомъ безусловно подчинять Турцію своему первенствующему вліянію несомнѣнно было постоянно оказывавшееся покровительство единовѣрцамъ русскаго народа. Къ тому-же, все историческое прошлое Россіи свидѣтельствовало, что она постоянно имѣла въ виду и напрягала усилія расширить свои владѣнія на счетъ Турціи, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ утверждаютъ иностранные писатели [2]).

---

[1]) Невозможно подвергнуть даже поверхностному обсужденію всѣ нападки иностранцемъ на восточную политику Россіи, приведемъ нѣкоторые примѣры, взятые на удачу. Лордъ Пальмерстонъ говорилъ 25 марта 1854 года въ палатѣ депутатовъ: «Россія со времени Петра Великаго систематически неуклонно стремится къ осуществленію его проэкта завоеванія Турціи. Встрѣчая препятствія, она отступаетъ, но лишь для того, чтобы при первой возможности снова подвинуться впередъ. Политика ея заключается въ томъ, чтобы отнюдь не ускоряя хода событій зорко слѣдить за дѣйствіями европейскихъ правительствъ и пользоваться всякою, самою ничтожною случайностью, способною хотя сколько нибудь содѣйствовать достиженію предположенныхъ ею цѣлей.» Подобные доводы основывались преимущественно на знаменитомъ завѣщаніи Петра Великаго, существованіе котораго никогда не могло быть неопровержимо и окончательно доказано; тѣмъ не менѣе въ каждомъ сочиненіи о Россіи, появлявшемся въ заграничной печати, неизбѣжно о немъ упоминалось, притомъ со всевозможными толкованіями, измѣненіями и предположеніями. Съ особымъ усердіемъ коментированъ на всѣ лады § 9-й завѣщанія, въ которомъ великій монархъ начерталъ будто-бы слѣдующую программу для будущихъ дѣйствій Россіи: «Постепенно и настойчиво подвигаться къ Константинополю и Индіи; тотъ, кто утвердитъ свое владычество въ послѣдней, будетъ владыкою вселенной; поэтому необходимо постоянно возбуждать военныя столкновенія съ Турцій, Польшей, Австріей и Персіей. Устроить порты и верфи на Черномъ морѣ, стараться мало по малу завладѣть какъ таковымъ, такъ и моремъ Балтійскимъ, потому что такимъ образомъ вдвойнѣ облегчится осуществленіе настоящаго проэкта: ускорить паденіе Персіи, добраться до Персидскаго залива и утвердиться въ Индіи, составляющей центральный пунктъ всего міра.» Г. Р. Ройэ, давъ мѣсто завѣщанію въ изданномъ имъ сочиненіи «Осада Севастополя», говоритъ: «Знаю,

Да и то сказать: поступая такимъ образомъ, Россія только слѣдовала общему закону, присущему всѣмъ народностямъ, неудержимо побуждающему ихъ стремиться къ занятію естественныхъ границъ; законъ этотъ непреложно отмѣченъ на скрижаляхъ исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ государствъ. Нельзя однако же вовсе не ставить въ укоръ Россіи того, что она порой переступала границы, указывавшіяся необходимостью; тѣмъ еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Екатерины II, выраженнымъ въ 1770 г. въ письмѣ ея къ Вольтеру: «Я не считаю возможнымъ завладѣть въ недалекомъ будущемъ Константинополемъ; впрочемъ убѣждена въ справедливости мудраго изрѣченія, что отчаяніе есть смертный грѣхъ».

За то никто изъ преемниковъ великой монархини не сдѣлалъ такихъ огромныхъ пріобрѣтеній на счетъ Турціи, какъ она, хотя всѣ урѣзывали отъ своей сосѣдки по малой толикѣ, а Ункіаръ-Скелесскій трактатъ, по современному выраженію, даже вложилъ ключъ отъ Дарданелловъ въ карманъ императора Николая.

Между тѣмъ это было вовсе несправедливо; можно даже съ увѣренностью сказать, что никогда еще вліяніе Россіи собственно на Турцію и на подвластныя ей христіянскія народности не было такъ ничтожно, какъ по заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго трактата.

Поэтому нисколько неудивительно, что русское правительство, замѣтивъ ложное направленіе принятое ея восточною политикою, поспѣшило прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для возвращенія ускользавшаго изъ ея рукъ вліянія на Порту и снова занять подобающее ей положеніе относительно ея единовѣрцевъ.

что многіе оспариваютъ даже самое существованіе этого документа и признаютъ таковой подложнымъ, измышленнымъ врагами Россіи. Понятно, что русскіе государственные люди и ихъ пособники всѣми средствами стараются утвердить такое убѣжденіе; я же имѣю много основаній не сомнѣваться въ его дѣйствительности». По нашему мнѣнію нетолько правильнѣе, но и честнѣе поступаютъ тѣ, которые сомнѣваются въ существованіи фактически недоказаннаго документа, чѣмъ тѣ, которые безплодно усиливаются убѣдить въ противномъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно такія соображенія побудили с.-петербургскій кабинетъ выказать весьма дѣятельное участіе по вопросамъ: черногорскому и „о святыхъ мѣстахъ“, не обращая вниманія на то, въ какой мѣрѣ они затрогивали ея собственные интересы.

Представимъ нѣкоторыя данныя относительно перваго вопроса, не имѣющаго впрочемъ особенно важнаго значенія.

Въ 1478 г. султанъ Магометъ II осадилъ г. Скорду, завладѣлъ имъ, и, отнявъ его у Венеціанцевъ, присоединилъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ своей имперіи и Черногорію. Хотя позднѣе Карловицкимъ (1690) и Пассаровицкимъ (1718) трактатами присоединеніе это было признано и утверждено державами, но черногорцы, удалясь въ свои неприступныя горы, находящіяся на западной окраинѣ Европейской Турціи, отказались платить Портѣ установленную дань и вообще встать къ ней въ вассальныя отношенія. Они даже неоднократно возмущались противъ насильно навязаннаго имъ сюзерена, который посылалъ войска для ихъ усмиренія, но успѣха не было: трудности горной войны постоянно парализовали усилія турецкихъ полчищъ усмирить непокорныхъ горцевъ, которые такимъ образомъ лишь номинально могли считаться подданными Оттоманской имперіи.

Весьма понятно, что борьба черногорцевъ за независимость не замедлила обратить на себя вниманіе европейскихъ державъ; въ особенности чутко отнеслась къ ней Россія, побуждаемая желаніемъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на мужественныхъ горцевъ въ ущербъ Австріи, втайнѣ помышлявшей о возвращеніи Черногоріи въ свое лоно, изъ котораго она была нѣкогда исторгнута силою оружія.

И политика русскаго правительства успѣла на этотъ разъ весьма ловко и умѣло разстроить планы вѣнскаго кабинета, такъ что съ конца XVIII столѣтія вліяніе Россіи въ Черногоріи сдѣлалось преобладающимъ, а владѣтель этой крошечной страны добровольно подчинился ей во всемъ. Этому немало способствовало также то обстоятельство, что князь Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, наслѣдовавшій дядѣ своему Петру I, по древнему закону и обычаю страны, будучи только въ санѣ

монаха, не могъ вступить на престолъ; для этого необходимо быть рукоположеннымъ въ епископы. А такъ какъ въ самой Черногоріи не находилось духовной власти, облеченной правомъ исполнить такой обрядъ, то ему предстояло или обратиться къ Константинопольскому патріарху, или къ Россійскому Святѣйшему Синоду; онъ предпочелъ прибѣгнуть къ послѣднему.

Умирая онъ обязалъ своего наслѣдника и племянника Даніила Нѣгошъ поступить точно также.

Даніилъ, свято чтя завѣтъ дяди, и не обращая вниманія на происки Австріи, [1]) отправился въ Петербугъ, гдѣ и принялъ посвященіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтвердилъ свою рѣшимость неуклонно поддерживать дружественныя отношенія съ Россіей.

Вполнѣ вѣроятно, что с.-петербургскій кабинетъ одобрилъ его предположенія, потому что тотчасъ-же по возвращеніи на родину, князь смѣло провозгласилъ независимость Черногоріи, утвердилъ право потомственнаго престолонаслѣдія въ своемъ родѣ, а гербъ страны украсилъ русскимъ двуглавымъ орломъ.

Съ того времени Россія, признавая независимость Черногоріи законно совершившимся фактомъ, очевидно выказала тѣмъ свою твердую рѣшимость энергически противиться всякому покушенію Порты предъявлять на нее свои верховныя права.

Австрія тоже выразила намѣреніе поддерживать черногорцевъ, побуждаемая къ тому желаніемъ не отдавать этого дѣла исключительно въ руки Россіи. Притомъ враждебныя дѣйствія Порты противъ Черной-горы несомнѣнно были способны возбудить ропотъ и волненія въ средѣ всѣхъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова.

Хотя такія соображенія очевидно должны были побудить султана соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніяхъ Порты съ Черногоріей, но тѣмъ не менѣе Омеру-пашѣ удалось убѣдить его въ политической и стратегической необхо-

---

[1]) Даніилъ Нѣгошъ воспитывался въ Вѣнѣ; поэтому австрійское правительство надѣялось, что онъ обратится къ нему съ просьбою о рукоположеніи.

димости обладать этою страною; по его мнѣнію, черногорцы, ободренные сдѣланными имъ уступками, во всякое время легко могли спускаться съ горъ и учинять территоріальные захваты.

Жестокости, которыми ознаменовалось присутствіе полчищъ Омера-паши въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Черногоріи, побудили мужественныхъ ея сыновъ взяться за оружіе. Поводомъ къ вторженію турокъ въ ихъ владѣнія послужилъ штурмъ и паденіе крѣпости, защищавшей входъ въ Сенторійское озеро, и съ того времени завязалась ожесточенная, яростная борьба Оттоманской имперіи съ малочисленнымъ славянскимъ племенемъ.

Начало операцій турецкой арміи послужило Австріи поводомъ къ принятію мѣръ военной предосторожности, необходимость которыхъ она объясняла возможностью случайнаго нарушенія ея границъ, тѣмъ болѣе, что между австрійскими и турецкими славянами уже замѣчались признаки грознаго возбужденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскій кабинетъ призналъ, что для него настала благопріятная минута выступить на сцену и тѣмъ предупредить всякія дѣйствія Россіи. Графъ Лининжъ, личность выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ, былъ посланъ въ Константинополь для истребованія отъ Порты категорическихъ объясненій, какъ по черногорскимъ, такъ и по другимъ, не менѣе важнымъ дѣламъ.

Миссія графа Лининжа увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; состоявшееся соглашеніе, не нанося оскорбленія Турціи, удовлетворяло Австрію премущественно тѣмъ, что уничтожало повидимому поводы къ предпринимавшейся Россіей значительной дипломатической демонстраціи. Дѣйствительно, с.-петербургскій кабинетъ имѣлъ въ виду отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посла для изложенія султану причинъ, возбуждавшихъ неудовольствіе императора Николая.

Между тѣмъ необходимость выяснить и точно опредѣлить отношенія Россіи къ Портѣ была очевидна, тѣмъ болѣе что таковыя становились крайне натянутыми. Наконецъ оскорбленіе, нанесенное православію съ цѣлью расширить права ка-

толицизма, вынудило русское правительство придать особую важность и значеніе своимъ требованіямъ.

Представимъ фактическое изложеніе дѣла.

Волненія и раздоры, происходившіе во Франціи, были причиною замѣтнаго ослабленія ея, еще такъ недавно почти исключительнаго, вліянія на Порту.

Мы знаемъ также, что въ іюлѣ 1840 г. она была даже исключена изъ совѣта четырехъ великихъ державъ, собиравшагося въ Лондонѣ для обсужденія положенія дѣлъ на востокѣ.

Наполеонъ III, несомнѣнно обладавшій умѣньемъ пользоваться всякимъ случаемъ, способнымъ утвердить дипломатическій авторитетъ его правительства, и желая притомъ привлечь къ себѣ духовенство, столь могущественное во Франціи, призналъ, что данная минута весьма благопріятна для возвращенія католикамъ преимуществъ, которыми они пользовались въ святыхъ мѣстахъ, насильственно исторгнутыхъ у нихъ въ пользу православныхъ.

Нельзя также умолчать, что со времени утвержденія мусульманскаго господства въ Палестинѣ, почти всѣми святыми мѣстами de facto владѣли католики, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Франціи, право оказывать которое было усвоено за нею съ давнихъ временъ. Трактатомъ, заключеннымъ въ 1535 году Францискомъ I съ султаномъ Солейманомъ, всѣ тѣ отдѣльныя святилища, которыми владѣли католики неоффиціально, признаны законно имъ принадлежащими. Съ тѣхъ поръ короли Франціи постоянно домогались дарованія султанами всевозможныхъ привиллегій ихъ единовѣрцамъ; такъ въ 1635 году исторгнутъ былъ у Амурада IV гаттишерифъ, по которому повелѣвалось отобрать у православныхъ и возвратить католикамъ святилища, которыми первые успѣли завладѣть.

Посредничество и содѣйствіе Франціи при заключеніи Бѣлградскаго трактата до того прочно утвердили ея преобладающее вліяніе на Порту, что послѣдняя во всѣхъ важныхъ случаяхъ прибѣгала къ ея совѣтамъ; поэтому неудивительно, что Франціи не стоило большаго труда испросить у султана под-

твержденіе всѣхъ старинныхъ капитуляцій. Изъ числа ихъ гатти-шерифъ 1635 года предоставлялъ католикамъ много важныхъ привиллегій, гарантировалъ имъ между прочимъ обладаніе тѣми святилищами, которыя во время его изданія находились въ ихъ распоряженіи, не обозначая однакоже съ надлежащею точностью какими именно.

При всемъ томъ никакими капитуляціями, или гатти-шерифами не присвоивалось католикамъ права владѣть всѣми безъ исключенія святилищами, и нѣкоторыя изъ таковыхъ по прежнему признавались принадлежащими православнымъ.

Впослѣдствіи болѣе насущные интересы вынудили Францію отшатнуться отъ своихъ единовѣрцевъ, что и дало возможность православнымъ заручиться у Порты различными привиллегіями, притомъ въ явный ущербъ католикамъ, положеніе которыхъ становилось такимъ образомъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ.

И нельзя не сознаться, что православные превосходно сумѣли воспользоваться безпомощностью католиковъ; они постепенно отняли у нихъ многія святилища.

Именно такое положеніе дѣлъ, усложненное положительною неопредѣленностью началъ, на которыхъ могли бы основываться права христіанъ обоихъ исповѣданій на востокѣ, искони служило поводомъ къ возникновенію между ними безпрерывныхъ распрей.

Впослѣдствіи домогательства протестантовъ значительно усилили прискорбныя несогласія и ссоры, возбудившіяся даже у самаго гроба Господня.

Послѣднія пререкательства православныхъ съ католиками произошли по поводу вопросовъ, кому изъ нихъ принадлежитъ законное обладаніе храмомъ Каны Галилейской, и которому изъ названныхъ исповѣданій слѣдуетъ предоставить право затеплять большее количество лампадокъ у гроба Господня Эти то недоразумѣнія и обратили на себя вниманіе Наполеона III и вызвали его вмѣшательство.

Въ тоже время произошло нѣсколько кровавыхъ схватокъ, между соперничавшими сторонами, послѣдствіемъ которыхъ было то, что православные, превосходившіе численностью ка-

толиковъ, совершенно разогнали послѣднихъ и завладѣли гробомъ Господнимъ. Событіе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало желаніямъ Наполеона III, ему представлялся весьма удобный случай, подъ видомъ оказанія поддержки своимъ единовѣрцамъ, возвратить Франціи ея прежнее вліяніе на Порту.

Въ представленіяхъ, сдѣланныхъ Наполеономъ Дивану въ 1851 году по поводу недавняго угнетенія католиковъ, онъ выяснилъ всѣ перипетіи вопроса съ XVI столѣтія и требовалъ возобновленія всѣхъ старинныхъ капитуляцій, преимущественно же капитуляціи 1740 г.

Для обсужденія дѣла собралась въ Константинополѣ смѣшанная комиссія; совѣщанія ея продолжались не долго и уже въ іюнѣ 1851 года Порта передала послу Франціи ноту, въ которой завѣрила, что правительство его в-ва султана, неуклонно слѣдуя своему древнему обычаю честно и добросовѣстно выполнять обязательства трактатовъ, заключенныхъ съ дружественными державами, нисколько не стѣсняется и въ настоящее время объявить, что всѣ статьи трактата 1740 г., не измѣненныя послѣдующими договорами, подтверждаются отнынѣ во всей ихъ силѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, не взирая даже на настоянія императора Николая, который собственноручнымъ письмомъ совѣтовалъ султану не нарушать statu quo,—послѣдній, въ угоду Франціи, согласился передать католикамъ какъ главный придѣлъ храма гроба Господня такъ и малый придѣлъ съ Гробомъ Спасителя; гробница Пречистой Дѣвы и многія другія святилища, наиболѣе почитаемые христіанами, были также имъ уступлены.

„Всѣ народы, исповѣдующіе православіе",—писалъ русскій канцлеръ барону Бруннову въ Лондонѣ,— „возмущены передачей ключей Виѳлеемскаго храма католикамъ, служащею явнымъ доказательствомъ ихъ первенствующаго вліянія на востокѣ. Это великое несчастіе уже совершилось, г. баронъ, и предотвратить его невозможно".

Между тѣмъ православные, дѣятельно поддерживаемые Россіей, умѣли убѣдить Порту отсрочить приведеніе въ ис-

полненіе обѣщаній, данныхъ Франціи, и даже добились фирмана, значительно ослаблявшаго значеніе привиллегій, дарованныхъ католикамъ. Это произошло въ отсутствіе французскаго посла, который не замедлилъ возвратиться въ Константинополь и потребовать у Дивана объясненій.

Въѣздъ посла въ столицу Турціи послѣдовалъ на французскомъ военномъ кораблѣ; подобное нарушеніе непремѣннаго условія конвенціи 1841 г., не предвѣщая чего либо добраго, убѣждало напротивъ, что требованія его будутъ настоятельны.

Тѣмъ временемъ быстро усиливавшееся могущество и величіе второй французской имперіи, а равно успѣхъ ея политики на востокѣ, замѣтно тревожили императора Николая и внушали ему даже желаніе положить имъ предѣлъ энергическими мѣрами. Хотя онъ былъ убѣжденъ, что Австрія и Пруссія не будутъ препятствовать приведенію въ исполненіе его намѣреній, а вліяніе свое на второстепенныя государства Германіи онъ считалъ несомнѣннымъ, но не скрывалъ отъ себя и того, что пока существовалъ союзъ Франціи съ Англіей, никакая попытка на востокѣ не можетъ считаться осуществимою.

Поэтому всѣ усилія русской дипломатіи были направлены къ тому, чтобы посѣять раздоръ между двумя великими державами запада. Возстановленіе французской имперіи, равно политическое и религіозное значеніе, быстро пріобрѣтенное ею на востокѣ, давали повидимому Россіи надежду привлечь Англію на свою сторону.

Мысль эта возникала впрочемъ не впервые въ Петербургѣ: еще въ 1844 году, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ Лондона, прямо и косвенно заводилась рѣчь о возможности такой комбинаціи.

Существовалъ даже документъ въ формѣ меморандума, въ которомъ графъ Нессельроде объяснялъ необходимость и пользу совокупныхъ дѣйствій обѣихъ державъ на востокѣ: «Россія и Англія»,—говорилъ онъ,—«глубоко убѣждены, что общіе ихъ интересы требуютъ сохраненія независимости и цѣлости Оттоманской имперіи; такая политическая комбинація вполнѣ обес-

печиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержаніе общеевропейскаго мира.»

Въ предвидѣніи же возможности паденія Турціи, Россіи и Англіи необходимо предварительно условиться относительно новаго порядка вещей, долженствующаго замѣнить нынѣ существующій, и совокупными дѣйствіями недопускать, чтобы измѣненія во внутреннемъ управленіи этого государства могли угрожать безопасности ихъ собственныхъ владѣній, нарушенію правъ, предоставленныхъ имъ трактатами, и вообще политическому равновѣсію Европы.

На этомъ дѣло остановилось, убѣждая тѣмъ, что про меморандумъ совершенно забыли; но въ январѣ 1853 года императоръ Николай вновь предложилъ Англіи войдти съ нимъ въ соглашеніе по восточнымъ дѣламъ.

Встрѣтивъ 9 января во дворцѣ великой княгини Елены Павловны англійскаго посланника, императоръ Николай подошелъ къ нему и, сказавъ, что сочувствуетъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ недавнее время въ личномъ составѣ лондонскаго кабинета, считая таковыя гарантіей спокойствія Европы, добавилъ: «Повторяю: полное согласіе и дружба между англійскимъ кабинетомъ и мною,—и наоборотъ,—между мною и англійскимъ кабинетомъ, настоятельно необходимы и въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо. Прошу сообщить мои слова лорду Джону Росселю. При единомысліи съ Англіей событія запада Европы нисколько меня не тревожатъ, такъ какъ они до меня вовсе не касаются. Турція — дѣло иное; положеніе ея самое критическое.»

Пользуясь тѣмъ, что самъ императоръ упомянулъ о Турціи, посолъ сообщилъ ему, что Англію крайне озабочиваетъ мысль, какое положеніе приметъ Россія относительно этой державы. Не желая вполнѣ высказать своихъ предположеній, государь отвѣчалъ:

«Дѣла Турціи крайне плохи, ей угрожаетъ неизбѣжная гибель. Это конечно большое несчастіе,—а потому весьма важно, чтобы Англія и Россія заблаговременно пришли къ полному соглашенію по восточному вопросу; каждая рѣшительная мѣра одной державы должна быть заранѣе извѣстна дру-

гой. Не забывайте, что мы имѣемъ дѣло съ «больнымъ человѣкомъ,» поэтому не скрою, что буду крайне огорченъ, если онъ умретъ прежде, чѣмъ всѣ необходимыя распоряженія будутъ сдѣланы.»

Сэръ Гамильтонъ уклончиво отвѣтилъ, что сильные, великодушные люди всегда относятся снисходительно къ людямъ слабымъ и немощнымъ. Императоръ прервалъ разговоръ, сказавъ, что имѣетъ въ виду возобновить его въ скоромъ времени.

Дѣйствительно англійскій посолъ по приглашенію графа Нессельроде явился черезъ пять дней въ Зимній дворецъ и былъ принятъ императоромъ, который продолжалъ прерванный разговоръ:

«Вамъ извѣстны конечно любимыя мечты и предположенія императрицы Екатерины, которымъ, какъ увѣряютъ, Россія сочувствовала доселѣ, я же хотя и принялъ ея огромное территоріальное наслѣдство, но нисколько не увлекаюсь иллюзіями, или видами моей прародительницы,—если это послѣднее выраженіе вамъ болѣе нравится.

Моя имперія такъ обширна а всѣ условія ея благоденствія тамъ счастливо сгруппированы, что было бы неблагоразумно съ моей стороны желать не только новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, но и усиленія моего могущества и власти. Мало того, я твердо убѣжденъ, что всякое приращеніе моихъ необозримыхъ владѣній было бы пагубно для Россіи [1])».

Убѣждаясь, что вступленіе это достаточно разсѣяло опасенія относительно честолюбивыхъ замысловъ, приписываемыхъ Россіи, императоръ обратился къ турецкимъ дѣламъ:

„Считаю своимъ долгомъ оказывать покровительство милліонамъ христіанъ, живущимъ въ Турціи, тѣмъ болѣе что, по смыслу заключенныхъ съ этою державою трактатовъ, имѣю на то неоспоримое право. Я никогда не злоупотреблялъ таковымъ и откровенно сознаюсь, что крайне тягочусь возложенными на меня обязанностями, отказаться отъ которыхъ

---

[1]) Въ искренности императора не могло быть сомнѣнія; отказавшись въ 1829 году отъ присоединенія къ Россіи Дунайскихъ княжествъ, — на что Порта уже готова была согласиться,—онъ далъ лучшее тому доказательство.

не въ моей, впрочемъ, власти. Колыбель вѣры моего народа— востокъ; нравственныя связи наши съ нимъ не могутъ быть прерваны...

Въ настоящее время Турція хотя постепенно, но неминуемо, близится къ погибели и какъ бы мы ни желали продлить существованіе „больнаго человѣка," (я первый былъ бы не менѣе васъ доволенъ, еслибъ это случилось), онъ можетъ не сегодня—завтра умереть и надѣлать намъ много хлопотъ. Мертваго мы не воскресимъ!.. Поэтому, если турецкая имперія падетъ, то уже никогда не воспрянетъ. Спрашиваю: не лучше-ли заранѣе приготовиться къ такому событію, чѣмъ подвергаться всякимъ случайностямъ, тревогамъ и неизбѣжной въ данномъ случаѣ общеевропейской войнѣ. Что все произойдетъ именно такъ, какъ я говорю, если мы предварительно не условимся относительно совокупнаго образа нашихъ дѣйствій, не подлежитъ сомнѣнію, — и вотъ на что я желаю обратить серьезное вниманіе вашего правительства".

Сэръ Гамильтонъ отвѣчалъ, что хотя положеніе Турціи дѣйствительно весьма прискорбно, но до конечной ея гибели еще далеко... Къ тому-же ему извѣстно, что правительство королевы не имѣетъ вообще обыкновенія принимать на себя какія либо обязательства въ виду могущихъ еще произойти событій. Императоръ, видимо недовольный такимъ отвѣтомъ, продолжалъ:

„Хорошо же, откровенность за откровенность,—предупреждаю, что если Англія имѣетъ въ виду когда либо занять Константинополь, то я этого не допущу. Я вовсе не утверждаю, что именно таково намѣреніе вашего правительства, но полагаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше ничего не утаивать другъ отъ друга. Съ своей стороны я охотно принимаю обязательство не утверждаться въ Константинополѣ полновластнымъ хозяиномъ; временное же его занятіе— дѣло иное, такъ какъ оно весьма возможно, если ничто не будетъ заранѣе предусмотрѣно, а предоставлено на произволъ судьбы."

Разговоръ болѣе не продолжался. Слова императора были подробно переданы лорду Росселю, который депешей отъ 9

февраля 1853 года сообщилъ сэру Гамильтону отвѣтъ Англіи. Въ немъ выражено, что правительство королевы не находитъ возможнымъ принимать на себя какія либо обязательства въ предвидѣніи близкаго паденія Оттоманской имперіи, признавая притомъ, что черезчуръ усердная заботливость о больномъ нерѣдко бываетъ причиною его преждевременной смерти. Въ заключеніе лордъ Россель предлагалъ, не озабочиваясь распредѣленіемъ наслѣдства больнаго, порадѣть о продленіи его жизни.

Вскорѣ послѣ доклада полученнаго отвѣта императоръ встрѣтилъ сэра Гамильтона у наслѣдницы-цесаревны и выразилъ ему сожалѣніе, что англійское правительство не усвоило себѣ его образа мыслей...

„Хотя я горячо желаю знать, что произойдетъ послѣ смерти „больнаго человѣка", но еще болѣе желалъ бы опредѣлить, совмѣстно съ Англіей, чего не произойдетъ въ этомъ случаѣ... Если ваше правительство полагаетъ, что въ организмѣ Турецкой имперіи еще кроются зародыши жизненныхъ силъ,—то позволительно думать, что оно не имѣетъ вѣрныхъ свѣденій объ истинномъ ея положеніи.

Повторяю: больной умираетъ; не слѣдуетъ допускать, чтобы извѣстіе о его смерти застало насъ врасплохъ... Соглашеніе между нами необходимо, и я убѣжденъ, что мы пришли бы къ таковому, еслибъ я хотя десять минутъ поговорилъ съ вашими министрами, — съ лордомъ Абердиномъ напр., онъ меня хорошо знаетъ и довѣріе его ко мнѣ столь-же безгранично, какъ и мое къ нему.

Не забудьте также, что ни трактата, ни протокола я вовсе не желаю; полное взаимное соглашеніе вполнѣ достаточно для людей честныхъ".

Оставляя посланника, императоръ пригласилъ его пріѣхать во дворецъ на слѣдующій день, — а также разрѣшилъ ему пріѣзжать каждый разъ, когда личное объясненіе могло бы, по его мнѣнію, способствовать соглашенію по различнымъ вопросамъ.

Въ послѣдующемъ разговорѣ императоръ вполнѣ выяснилъ свои истинныя воззрѣнія на турецкія дѣла, оказавшіяся діа-

метрально противуположными съ видами англійскаго правительства. Государь озабочивался мыслью о неизбѣжности близкаго распаденія Оттоманской имперіи; Англія же—изысканіемъ средствъ поддержать ея существованіе. „Вашъ канцлеръ то и дѣло толкуетъ мнѣ объ этомъ“, — сказалъ императоръ Гамильтону, — „но я убѣжденъ, что катастрофа застанетъ насъ вовсе къ ней неприготовленными“. Исходя отъ этой точки зрѣнія, онъ положительно заявилъ, что не допуститъ владычества въ Константинополѣ ни Россіи, ни Англіи, ни другой какой либо великой державы; что не согласится на расширеніе границъ Греціи и на образованіе изъ нея могущественнаго государства; а тѣмъ менѣе на возстановленіе византійской имперіи. О раздробленіи же Турціи на мелкія республики онъ и слышать не хотѣлъ, такъ какъ онѣ служили бы притономъ для Кошута и другихъ европейскихъ революціонеровъ.

Наибольшій интересъ этого разговора заключался несомнѣнно въ сообщенныхъ императоромъ сэру Гамильтону предположеніяхъ о томъ, какой порядокъ вещей слѣдовало бы установить по паденіи Оттоманской имперіи:

„Дунайскія княжества и теперь de facto составляютъ независимое государство, находящееся подъ моимъ покровительствомъ, нѣтъ надобности измѣнять ихъ положеніе“.

„Сербіи и Болгаріи слѣдуетъ даровать подобное же управленіе, такъ какъ не представляется достаточныхъ причинъ для образованія изъ нихъ одного, вполнѣ независимаго государства“.

„Я хорошо понимаю, на сколько пріобрѣтеніе Египта важно и необходимо для Англіи, — поэтому откровенно скажу, что, если при раздѣлѣ Оттоманской имперіи онъ достанется вамъ, то конечно не съ моей стороны возникнутъ къ тому препятствія. Если обладаніе Кандіей вамъ пригодно, берите этотъ островъ, и да будетъ онъ собственностью Англіи“.

Предложивъ англійскому послу сообщить правительству королевы эти предложенія, императоръ, отпуская его, добавилъ:

„Я вполнѣ довѣряю англійскому правительству и не требую отъ него конвенціи или договора; свободный обмѣнъ

мыслей, а въ крайнемъ случаѣ слово джентльмэна, совершенно удовлетворяетъ меня".

Послѣ этого разговора о „свободномъ обмѣнѣ мыслей" не было болѣе рѣчи, такъ какъ стало ясно, что таковой не привелъ бы къ окончательному результату. Сдѣлана была впрочемъ еще одна послѣдняя попытка: графу Нессельроде поручено было вручить сэру Гамильтону—Сеймуру меморандумъ, въ которомъ оффиціально подтверждались предположенія словесно сообщенныя императоромъ англійскому послу.

На меморандумъ этотъ, помѣченный 21 февраля, послѣдовалъ 23 марта отвѣтъ сэра Клорендона, замѣнившаго лорда Росселя въ управленіи политикою англійскаго кабинета.

Новый министръ, вполнѣ подтверждая отзывы своего предшественника на первыя заявленія императора Николая, присовокуплялъ, что Англія вовсе не желаетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; — что она устраняетъ себя отъ всякаго участія въ предварительной сдѣлкѣ, направленной къ предоставленію ей подобныхъ выгодъ; и что во всякомъ случаѣ она не считаетъ себя въ правѣ изъявить согласіе на комбинацію, которая была бы тайной для остальныхъ державъ.

Такой категорическій отвѣтъ уничтожилъ послѣднюю надежду с.-петербургскаго кабинета на возможность какого либо соглашенія съ Англіей; переговоры были прерваны, — а для полнаго успокоенія правительства королевы, видимо встревоженнаго откровеннымъ изложеніемъ мыслей императора Николая, графъ Нессельроде вручилъ сэру Гамильтону—Сеймуру 15 апрѣля ноту, кончавшуюся слѣдующими словами: „его величество императоръ изъявляетъ свое согласіе способствовать Англіи въ поддержаніи существованія Оттоманской имперіи и не возбуждать вопроса о ея раздробленіи".

Въ другое время подобная декларація несомнѣнно успокоила бы Англію, но тогда она не произвела желаннаго дѣйствія, такъ какъ почти одновременно послѣдовавшій отъѣздъ князя Меншикова въ Константинополь смущалъ и тревожилъ дипломатическій міръ Европы, не смотря на то, что с.-петербургскій кабинетъ не скупился на увѣренія, что миссія,

возложенная на русскаго морскаго министра ничѣмъ не можетъ угрожать общему спокойствію.

По свидѣтельству русскаго правительства, порученіе данное князю Меншикову имѣло двоякую цѣль: улаженіе вопроса о святыхъ мѣстахъ, рѣшеніе котораго было неблагопріятно, единовѣрцамъ Россіи, и прекращеніе черногорской распри столь опасной для населенія этой страны. Хотя с.-петербургскій кабинетъ положительно завѣрялъ, что имѣлъ лишь въ виду „произвести внушительную демонстрацію, а отнюдь не объявленіе войны и завоевательныя цѣли“, — но не таково было господствовавшее мнѣніе заграницею и преимущественно въ Англіи.

Лордъ Россель говорилъ въ палатѣ общинъ:

„Князю Меншикову очевидно поручено парализовать новыя жизненныя силы, уже нѣсколько лѣтъ возрождающіяся въ разныхъ мѣстностяхъ Турціи. Весьма можетъ быть, что Россія не замышляетъ теперь же завладѣть Турціей,—но достовѣрно, что она стремится окончательно уронить ее въ общественномъ мнѣніи, чтобы удобнѣе и легче поглотить впослѣдствіи“.

Другой ораторъ, Лордъ Пальмерстонъ, выразился тамъ же:

„Россія хочетъ упрочить оказываемое ею турецкимъ христіанамъ покровительство для того чтобы встать между султаномъ и его подданными и тѣмъ принудить послѣднихъ обращаться съ ихъ домогательствами уже не въ Константинополь, а въ С.-Петербургъ, надѣясь на защиту русскаго царя больше, чѣмъ на справедливость султана“.

Франція, лично заинтересованная въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ, не давала себѣ даже труда скрывать свои громадныя вооруженія.

Но обратимся къ событіямъ, они вѣрнѣе опредѣлятъ, насколько были справедливы какъ упомянутыя обвиненія, такъ и многія другія, перечислять которыя не только затруднительно, но и безполезно.

Въѣздъ князя Меньшикова въ столицу имперіи османовъ, былъ обставленъ необычайною торжественностью. Онъ прибылъ въ Константинополь утромъ въ понедѣльникъ $^{16}/_{28}$ февраля 1853 года въ сопровожденіи блестящей, многочисленной

свиты. Константинопольскіе греки, воображая, что князь немедленно провозгласитъ ихъ независимость, толпами спѣшили къ нему на встрѣчу и шумными демонстраціями изъявляли свой восторгъ. Слѣдованіе по улицамъ Стамбула князя, окруженнаго всѣми членами русскаго посольства, лицами его свиты и радостно привѣтствовавшею его толпою—по истинѣ походило на тріумфальное шествіе. Оваціи народа не на шутку встревожили Порту, тѣмъ болѣе, что еще до пріѣзда посла русскаго императора по городу ходили странные слухи; говорили, что сильная русская армія сосредоточивается на границахъ Бессарабіи и что въ Севастополѣ все приготовлено для отправленія флота въ Босфоръ. Слухи эти еще усилились, когда стало извѣстно, что князь Меншиковъ, сдѣлавъ обычный визитъ великому визирю, наотрѣзъ отказался посѣтить министра иностранныхъ дѣлъ Фуада Мехмета-пашу, къ которому былъ издавна нерасположенъ.

Случай этотъ могъ еще до начатія переговоровъ неблагопріятно вліять на отношенія посла къ Портѣ; но обаяніе величія, окружавшаго князя Меншикова, внушило Фуаду-пашѣ благоразумную рѣшимость оставить свой постъ. Султанъ охотно согласился на его увольненіе и назначилъ преемникомъ ему Риффада - пашу, уже занимавшаго прежде эту важную должность. По устраненіи недоразумѣній князь Меншиковъ, сопровождаемый свитою, бывъ принятъ султаномъ въ торжественной аудіенціи, вручилъ его величеству свои вѣрительныя грамоты.

Предупредительная внимательность, оказанная послу императора въ Константинополѣ и отставка министра иностранныхъ дѣлъ сильно обезпокоили западныя державы, въ особенности же Англію и Францію. Такъ какъ черногорскія дѣла были уже улажены графомъ Липанжемъ, а вопросъ о святыхъ мѣстахъ признавался второстепеннымъ, то державы не замедлили приписать русскому правительству честолюбивые и даже завоевательные замыслы, которые она не желала будто бы до времени явно обнаруживать.

Такое, совершенно впрочемъ неосновательное убѣжденіе, побудило Францію къ дѣйствію, оправдать которое едва ли

возможно: 19 марта 1853 года Наполеонъ повелѣлъ французской эскадрѣ, стоявшей въ Тулонскомъ рейдѣ, войти въ греческія воды. 22 числа того же мѣсяца эскадра снялась съ якорей, а г. Друэнь-де-Люисъ отправилъ представителю Франціи въ Константинополѣ инструкцію, какъ поступить, если Россія начнетъ непріязненныя дѣйствія [1]... Хотя Россія имѣла право требовать объясненія причинъ, вызвавшихъ подобную мѣру, версальскій кабинетъ предупредилъ её, пославъ с. петербургскому ноту, переполненную замѣчаніями, въ которой между прочимъ заявлялъ, что сосредоточеніе трехъ русскихъ корпусовъ въ южной Россіи и чрезвычайныя вооруженія, производящіяся въ Севастополѣ, убѣждая, что русское правительство готовится къ войнѣ съ Турціей, послужили поводомъ къ отправленію флота.

Но пререканія эти не поставляли еще непреодолимыхъ преградъ, и многіе исторіографы утверждаютъ, будто неурядица и паника, возникшія въ Константинополѣ по пріѣздѣ князя Меншикова, подавали большую надежду, что русскій дипломатъ восторжествуетъ и добьется отъ Порты всѣхъ желаемыхъ уступокъ. По мнѣнію г. Кинглеака, успѣхъ его переговоровъ былъ даже несомнѣненъ; такая увѣренность почтеннаго исторіографа пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что правительство султана дѣйствительно не стѣснялось выражать сожалѣніе, что согласилось даровать обширныя льготы католикамъ, послужившія поводомъ къ столь серьезному усложненію дѣлъ, а новый министръ Риффадъ-паша отнюдь не принадлежалъ къ числу приверженцевъ представителя Франціи въ Константинополѣ.

Кромѣ того, представитель Великобританіи лордъ Стратфордъ-Редклифъ, постоянно поставлявшій всякія преграды успѣху русской политики, отсутствовалъ въ то время изъ Константинополя. Консервативная партія Англіи, нисколько не сомнѣваясь въ миролюбіи Россіи, признавала, что миссія князя Меншикова имѣетъ исключительною цѣлью улаженіе вопроса

---

[1]) Франція очевидно заблуждалась: въ Россіи, къ сожалѣнію, ничего не было приготовлено даже ко времени объявленія войны.

о святыхъ мѣстахъ, неимѣющаго для Англіи значенія, такъ какъ имъ ни въ какомъ случаѣ незатрогиваются ея интересы. Въ засѣданіи палаты лордовъ, происходившемъ 29 апрѣля 1853 г., лордъ Кларендонъ, отвѣчая на запросъ маркиза Кланрикарда, сказалъ:

„Императоръ Всероссійскій вовсе не скрывалъ своихъ намѣреній, и я на всякій благоразумный вопросъ по восточнымъ дѣламъ, могу представить объясненія. Правительство королевы несомнѣнно питаетъ къ с. петербургскому кабинету такое же довѣріе, какое мой благородный другъ выразилъ въ отношеніи высокой справедливости монарха Россіи.“

„Обѣщая что либо исполнить, или не исполнить, русскій государь былъ всегда вѣренъ своему слову; поэтому, какъ народъ, такъ и правительство Англіи, обязаны безусловно довѣрять ему.“

Подобные отзывы о Россіи едва ли когда слышались въ палатѣ лордовъ; понятно, что въ виду таковыхъ англійское правительство признало неудобнымъ соединить свой флотъ съ французскимъ, а ограничилось лишь предложеніемъ лорду Стратфорду Редклифу безъ замедленія возвратиться къ своему посту.

Такимъ образомъ всѣ шансы успѣха были бы на сторонѣ Россіи, еслибъ князь Меньшиковъ, пріѣхавъ въ Константинополь, дѣйствовалъ энергически.

Хотя по увѣренію г. Ковалевскаго, причиной нерѣшительности князя было его нежеланіе приступить къ переговорамъ безъ участія представителей Англіи и Франціи, но несомнѣнно также, что когда началось обсужденіе вопроса „о святыхъ мѣстахъ,“ то русскому послу замѣтно не нравилось присутствіе французскаго.

Какъ бы однако ни было, вопросъ этотъ былъ весьма дружелюбно и скоро обсужденъ представителями Франціи, Турціи и Россіи. Представитель Англіи довольствовался лишь внимательнымъ наблюденіемъ за ходомъ переговоровъ.

Послѣдствія трехъ нотъ князя Меньшикова отъ 16 и 22 марта и 19 апрѣля были вполнѣ благопріятны: Порта даровала много привиллегій православнымъ, утвердивъ таковыя

особымъ фирманомъ, не нарушивъ притомъ обязательствъ, принятыхъ въ угоду Франціи.

Казалось уже, что вопросъ, такъ переполошившій Европу, окончательно рѣшенъ,—но русское правительство, признавая мѣры, обусловленныя фирманомъ, болѣе или менѣе удовлетворяющими потребностямъ минуты, оспорило ихъ дѣйствительность въ будущемъ.

Вслѣдствіе этого с. петербургскій кабинетъ предписалъ князю Меншикову потребовать отъ Порты торжественное подтвержденіе ея обязательствъ, не только относительно святыхъ мѣстъ, но и всѣхъ привиллегій и льготъ, дарованныхъ православнымъ христіанамъ, „которые впредь будутъ находиться подъ покровительствомъ Россіи."

Тотчасъ по полученіи такого приказанія князь Меншиковъ возбудилъ съ Портою конфиденціальные переговоры, о ходѣ которыхъ до 5 мая 1853 года послы Франціи и Англіи не были поставлены въ извѣстность.

Въ вышеозначенное же число князь передалъ Портѣ ноту, въ которой прежде всего напомнилъ Риффаду-пашѣ, что имъ конфиденціально сообщенъ уже проэктъ документа, способнаго представить правительству его величества императора всероссійскаго прочныя и ненарушимыя гарантіи, что интересы православія на востокѣ не будутъ впредь подвергаться опасностямъ. Затѣмъ посолъ свидѣтельствовалъ, что со времени пріѣзда своего былъ убѣжденъ въ готовности Блистательной Порты возобновить и утвердить ея дружественныя отношенія съ Россіей, — каковое убѣжденіе онъ почерпнулъ въ благосклонномъ пріемѣ, оказанномъ ему его величествомъ султаномъ. Нынѣ, хотя многія причины измѣнили его увѣренность, но руководясь духомъ миролюбія и благости, составляющимъ основу политики его августѣйшаго повелителя, посолъ однако же не отвергаетъ безусловно предварительныя замѣчанія, сообщенныя ему Риффадомъ-пашею, какъ относительно формы сказаннаго документа, такъ и содержанія нѣкоторыхъ его статей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы документъ представлялъ собою торжественное обязательство, равносильное договору, единственно способное пре-

дотвратить возникновеніе взаимнаго охлажденія и недовѣрія между обоими правительствами.

Далѣе князь Меньшиковъ заявлялъ, что достигнувъ соглашенія по спеціальному вопросу о Іерусалимскихъ святилищахъ, онъ не имѣетъ еще отвѣта по третьему и главнѣйшему пункту, т. е. относительно гарантій для будущаго; получивъ же въ недавнее время повелѣніе немедленно настоять на разрѣшеніи и этого вопроса, обращающаго на себя притомъ наибольшую заботливость императора, онъ считаетъ своею обязанностью обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ съ представленіями, ограничивая таковыя крайними предѣлами уступчивости. Основанія же соглашенія, котораго ему поручено достигнуть, остаются въ сущности неизмѣненными.

Россія, продолжалъ посолъ,—не требуетъ отъ Порты уступокъ въ смыслѣ политическомъ; ея единственное желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы успокоить сомнѣнія своихъ единовѣрцевъ и утвердить въ нихъ убѣжденіе, что они не утратятъ въ будущемъ привиллегіи, которыми пользовались доселѣ. Въ интересахъ охраненія преимуществъ православнаго вѣроисповѣданія, Россія желаетъ заключить условіе, которымъ положительно были бы опредѣлены гарантіи, отнюдь впрочемъ не клонящіяся къ ущербу прочихъ исповѣданій и не нарушающія добрыхъ отношеній Порты къ остальнымъ державамъ.

Восточнымъ православнымъ, ихъ духовенству и собственности во всѣхъ ея видахъ должно быть предоставлено ненарушимое право пользоваться подъ покровительствомъ Россіи всѣми привиллегіями и льготами, дарованными имъ „ab antiquo;" равномѣрно не слѣдуетъ лишать ихъ и выгодъ, утвержденныхъ за христіанами прочихъ исповѣданій.

Новому объяснительному фирману о святыхъ мѣстахъ придается такимъ образомъ значеніе оффиціальнаго обязательства относительно Россіи и Іерусалима. Русское духовенство и богомольцы будутъ сравнены въ правахъ съ лицами прочихъ націй.

Вышеупомянутыя статьи войдутъ въ «сенедъ» или обязательство, свидѣтельствуя тѣмъ о взаимномъ довѣріи, существующемъ между обоими правительствами.

Въ заключеніе своей длинной ноты князь Меншиковъ присовокуплялъ:

«Льщу себя надеждою, что ожиданія моего августѣйшаго повелителя оправдаются и что Блистательная Порта, не допуская колебаній и сомнѣній, несовмѣстныхъ съ ея достоинствомъ и одушевляющими ее чувствами великодушія, не замедлитъ передать мнѣ верховное рѣшеніе его величества султана по содержанію настоящей ноты».

«Поэтому увѣренъ, что его превосходительство Риффадъ-паша употребитъ стараніе, чтобы отвѣтъ былъ доставленъ мнѣ не позже вторника 28 марта (9 апрѣля). Дальнѣйшее промедленіе я долженъ буду признать неуваженіемъ, оказаннымъ моему правительству, возлагающимъ на меня тяжелыя обязанности».

Такимъ образомъ, нота сдѣлалась ультиматумомъ, къ которому приложены были: проэктъ сенеда и шести статей, заключавшихъ въ себѣ сущность требованій посла отъ 5 мая.

Удовлетворительнаго отвѣта князь Меншиковъ никакъ ожидать не могъ, тѣмъ болѣе, что посолъ Франціи и лордъ Стратфордъ-Редклифъ, замѣтивъ безпокойство и нерѣшительность Порты, поспѣшили ее ободрить и преподать совѣтъ не ускорять отвѣтомъ. Согласясь между собою относительно мѣръ, способныхъ затянуть дѣло, они тотчасъ же отправили своимъ правительствамъ донесенія о происходившемъ въ Константинополѣ.

Въ Мониторѣ 18 мая уже была помѣщена слѣдующая сенсаціонная замѣтка:

«Въ дополненіе къ прежнимъ требованіямъ, князь Меншиковъ вновь домогается, чтобы Порта подписала трактатъ, которымъ права и привиллегіи православныхъ церквей и духовенства были бы гарантированы покровительствомъ Россіи. Очевидно, что теперь вопросъ о святыхъ мѣстахъ отходитъ на второй планъ и затрогиваются иные интересы, всю важность значенія которыхъ опредѣлитъ по достоинству сама Турція. Если же по этому поводу возникнутъ какія-либо усложненія, то вопросъ перенесется на почву европейской политики и тогда Франція совмѣстно съ державами, подписавшими

трактатъ 13 іюля 1841 г., вынуждена будетъ принять участіе въ его разрѣшеніи».....

Сообщая это извѣстіе въ такомъ угрожающемъ тонѣ, французское правительство повидимому совершенно забывало, что за два года передъ тѣмъ само требовало и добилось многихъ привиллегій для католиковъ, право покровительствовать которымъ ей тоже было предоставлено. Оно забывало еще, что Англія, Австрія и Пруссія испросили въ разное время у султана дарованіе его подданнымъ, принадлежащимъ къ господствующимъ въ ихъ государствахъ вѣроисповѣданіямъ, столь же обширныхъ льготъ и привиллегій, какъ и тѣ, которыхъ домогалась Россія для своихъ единовѣрцевъ.

Поэтому каждому ясно, что Россія, требуя утвержденія за нею права покровительствовать православнымъ востока, основаннаго на общности національностей и вѣры, утвержденнаго старинными договорами, никому не могла внушать опасеній; она стремилась получить лишь то, что уже было предоставлено другимъ державамъ. Графъ Нессельроде, обсуждая это обстоятельство въ дипломатической нотѣ 30 мая (11 іюня), вполнѣ справедливо замѣтилъ: «не мы первые возбудили этотъ вопросъ».

Для чего-же было нарушать спокойствіе Европы? Для чего было препятствовать Россіи внимать гласу своего народа?

Западныя державы ухитрились отвѣтить на эти вопросы крайне замысловато: онѣ весьма серьезно утверждали, что между покровительствомъ, оказываемымъ Франціей и Англіей католикамъ и протестантамъ, и покровительствомъ Россіи православнымъ—разница громадная, потому, изволите видѣть, что численность первыхъ и вторыхъ, въ сравненіи съ численностью послѣднихъ, ничтожна, и не можетъ слѣдовательно внушать турецкому правительству тѣхъ опасеній, которыя оно питаетъ относительно православныхъ.

Явная несостоятельность этой велемудрой аргументаціи, измышленной государственными людьми запада съ цѣлью возстановить противъ Россіи общественное мнѣніе, избавляетъ насъ отъ труда что либо возражать на нее; не остановимъ вниманія и на томъ, что требованія, предъявленныя княземъ

Меншиковымъ, удостоены ими названія «варварскихъ нападокъ».

Скажемъ только, что такая враждебность къ Россіи убѣждала, что послѣдняя нота русскаго чрезвычайнаго посла ни въ какомъ случаѣ не устранитъ несогласій, возникшихъ между Россіей и Портою, почему-то считавшихся Франціей и Англіей опасными для ихъ интересовъ.

Несмотря впрочемъ на подстрекательства пословъ названныхъ двухъ державъ, Порта не признала возможнымъ уклониться отъ дачи въ назначенный срокъ отвѣта на ноту князя Меншикова; не трудно было однако угадать кѣмъ онъ былъ продиктованъ.

Выразивъ искреннее желаніе поддерживать и упрочивать дружественныя свои отношенія съ высокимъ правительствомъ Россіи, Порта заявляла, что отнюдь не намѣрена противиться утвержденію рѣшеній, которыя состоятся по вопросамъ о русскихъ монахахъ и богомольцахъ, равно о храмѣ и больницѣ, построить которые въ Іерусалимѣ желаетъ русское правительство,—но въ томъ только случаѣ, если тѣмъ не будутъ нарушены верховныя права Блистательной Порты.

На главный-же вопросъ относительно привиллегій православной церкви и ея вѣрующихъ, права покровительствовать которымъ домогалась Россія, Порта отвѣтила въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Но какъ бы прочны не были дружественныя отношенія между Портою и Россіей, каждому очевидно, что правительство, рѣшившееся въ такомъ важномъ вопросѣ, угрожающемъ не только потрясти, но и совершенно разрушить основныя начала его независимости,—дать другому правительству подобное обязательство, поступило-бы вопреки законамъ международнаго права и уничтожило-бы принципъ своей самостоятельности. Дѣйствительная невозможность осуществленія требуемаго и неисчислимыя опасности, сопряженныя съ таковымъ, будутъ безъ сомнѣнія единодушно признаны и преимущественно его величествомъ императоромъ, справедливость и безпристрастіе котораго столь высоко цѣнимы всѣми. Блистательная Порта съ незапамятныхъ временъ постоянно умѣла ненару-

шимо соблюдать добровольно дарованныя и утвержденныя ею привиллегіи христіанскихъ своихъ подданныхъ, въ особенности православныхъ и ихъ духовенства, и приложитъ возможное стараніе поддержать и сохранить таковыя своею державною властью на будущее время. Оффиціально заявляя еще разъ передъ цѣлымъ свѣтомъ о твердой рѣшимости и неизмѣнномъ стремленіи упрочить благоденствіе своихъ подданныхъ, Блистательная Порта надѣется вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять всякія сомнѣнія относительно чистоты и искренности одушевляющихъ ее чувствъ».

Въ общемъ смыслѣ справедливость доводовъ Порты была неоспорима: никакое государство не имѣетъ права вмѣшиваться, какъ въ религіозныя дѣла, такъ и въ гражданское управленіе другаго. Но, въ отношеніи Турціи правило это никогда не соблюдалось; мало того: Блистательная Порта сама предоставляла западнымъ державамъ право покровительствовать ихъ единовѣрцамъ.

Такое уклоненіе отъ общаго международнаго правила оправдывалось преслѣдованіями, которымъ въ теченіи многихъ столѣтій подвергались и еще нынѣ подвергаются христіанскіе подданные Турціи.

Притомъ значеніе обѣщаній, на которыя Порта, какъ въ данномъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ случаяхъ ни мало не скупилась, давно уже оцѣнено по достоинству; за то и державы, не довольствуясь таковыми, постоянно домогались заручиться прочными гарантіями ихъ неуклоннаго исполненія.

Вполнѣ позволительно предполагать, что только подстрекательства Франціи и Англіи побудили Порту не исполнить требованій Россіи. Поступая такимъ образомъ, державы эти становились въ явное противорѣчіе съ самими собою; вѣдь онѣ первыя вмѣшались въ дѣла внутренняго управленія Порты, а потому не имѣли уже основаній препятствовать другимъ слѣдовать ихъ примѣру. Россіи-же предоставлялось тѣмъ неоспоримое право требовать гарантіи и считать отказъ Порты тяжкимъ для себя оскорбленіемъ.

Въ виду подобныхъ усложненій, ставить въ укоръ князю Меншикову, будто онъ рѣзкостью настояній ускорилъ ходъ

событій, по истинѣ несправедливо; не получивъ въ назначенный срокъ отвѣта на ультиматумъ 5 мая, онъ не только не прервалъ переговоровъ съ Портою, но даже препроводилъ ей свои замѣчанія на ея котегорическія возраженія. Осудивъ недовѣріе, обнаруженное сообщеніемъ турецкаго правительства къ откровеннымъ и справедливымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ именемъ русскаго царя, посолъ добавлялъ:

„Недовѣріе это обнаруживается въ ухищреніяхъ Блистательной Порты придать намѣреніямъ его в-ва императора значеніе недостойное и противуположное его великодушной и консервативной политикѣ, именно, обнаружить стремленіе пріобрѣсти новое право въ ущербъ независимости и верховной власти Порты. Признавая себя естественнымъ покровителемъ православной вѣры, исповѣдуемой, Богомъ ввѣреннымъ ему, народомъ, императоръ желалъ, чтобы султанъ далъ лишь новое существенное доказательство его отеческой заботливости о нуждахъ и пользахъ православія, отнюдь не ослабляя притомъ своего державнаго могущества.

Тягостное впечатлѣніе, произведенное ошибками нѣкоторыхъ неспособныхъ и неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ его в-ва султана, можетъ быть изглажено только докуметомъ, торжественное значеніе котораго было бы выраженіемъ его свободной державной воли.

Если же и за симъ Порта будетъ настойчиво и упорно отказываться отъ предложеннаго ей дружественнаго соглашенія, то онъ признаетъ свою миссію оконченною и прерветъ всякія сношенія съ правительствомъ его в-ва султана, возложивъ на его министровъ отвѣтственность за всѣ возможныя послѣдствія.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь просилъ Порту отвѣтить на это новое сообщеніе не позже 14 мая.

Министры султана оторопѣли и не знали на что рѣшиться; они признавали это новое замѣшательство чрезвычайно важнымъ и Риффадъ-паша былъ вынужденъ выйти въ отставку: портфель его перешелъ къ Решиду-пашѣ.

Эта перемѣна сдѣлала успѣхъ миссіи князя Меншикова вполнѣ сомнительнымъ; тѣмъ болѣе, что Решидъ-паша, безу-

словно подчиняясь вліянію пословъ Англіи и Франціи, всячески старался поддерживать рѣшимость султана не изъявлять согласія на домогательства Россіи.

Порта не соблаговолила отвѣтить на эту ноту; поэтому князь Меншиковъ оффиціально возвѣстилъ о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ оттоманскимъ правительствомъ.

Нотой 16 мая князь слѣдующимъ образомъ объяснялъ причины, побудившія его рѣшиться на такую мѣру:

„Совокупность сообщеній Блистательной Порты, убѣждая въ безполезности усилій прійти къ удовлетворительному и соотвѣтственному съ достоинствомъ моего августѣйшаго повелителя соглашенію по предметамъ, составляющимъ сущность возложенной на меня миссіи, — я вынужденъ объявить, что признаю таковую оконченною. Императорское правительство безъ ущерба своему достоинству и безъ опасенія подвергнуться новымъ оскорбленіямъ не можетъ долѣе оставлять свое посольство въ Константинополѣ и продолжать по прежнему дипломатическія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ. Поэтому и на основаніи данныхъ мнѣ полномочій, я оставляю Константинополь; всѣ члены императорскаго посольства послѣдуютъ за мною, за исключеніемъ директора торговой канцеляріи и чиновниковъ, по штату въ таковой состоящихъ, такъ какъ на нихъ возложена обязанность завѣдывать дѣлами судоходства и торговли—равно оказывать покровительство русскимъ подданнымъ и содѣйствовать отплытію ихъ судовъ“.

Затѣмъ, выражая глубокое сожалѣніе, что обстоятельства вынудили его принять это рѣшеніе, и возлагая отвѣтственность за таковое на оттоманскихъ министровъ, князь говорилъ въ заключеніе:

„Отказъ Порты представить гарантіи ненарушенія въ будущемъ интересовъ православнаго, греко-россійскаго вѣроисповѣданія, возлагаетъ отнынѣ на императорское правительство обязанность защищать таковыя собственною властью; поэтому всякія попытки измѣнить statu quo восточной церкви и посягнуть на ея цѣлость, будутъ признаны императоромъ нару-

шеніемъ точнаго смысла существующихъ капитуляцій и, какъ дѣйствія враждебныя Россіи, поставятъ его величество въ необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя онъ всегда горячо стремился предотвращать въ виду его постоянной заботливости о благѣ Оттоманской имперіи и о поддержаніи искренней дружбы, связывавшей его какъ съ его величествомъ султаномъ такъ и съ августѣйшимъ его родителемъ".

При всемъ томъ князь Меншиковъ не торопился выѣхать изъ Константинополя, надѣясь, что ему еще удастся достигнуть соглашенія; онъ рѣшился даже измѣнить форму обязательства, и вмѣсто торжественнаго договора принять простую ноту, — но султанъ отвергнулъ и эту уступку. Тогда только князь привелъ въ исполненіе возвѣщенную имъ угрозу и 21 мая выѣхалъ изъ Константинополя.

Даже и послѣ отъѣзда своего посла русское правительство не торопилось приступить къ крайнимъ мѣрамъ; напротивъ, надѣясь отклонить прискорбную необходимость предоставить разрѣшеніе недоразумѣній силѣ оружія, оно вновь пыталось прійдти къ соглашенію дипломатическимъ путемъ.

Послѣ отъѣзда князя Меншикова графъ Нессельроде прислалъ великому визирю ноту, которою убѣждалъ принять послѣдній проэктъ обязательства, предложенный посломъ, заявляя, что въ случаѣ новаго отказа Россія вынуждена будетъ занять Дунайскія княжества.

«Проэктъ обязательства, составленный княземъ Меншиковымъ предъ его отъѣздомъ, — писалъ русскій канцлеръ,—находится у васъ. Прошу ваше превосходительство ускорить испрошеніемъ согласія его величества султана на подписаніе этого документа безъ всякихъ въ немъ измѣненій, и доставить таковой не позднѣе восьмидневнаго срока нашему послу въ Одессу, гдѣ онъ вѣроятно пробудетъ до того времени. Горячо желаю, чтобы совѣтъ, который я преподаю вашему превосходительству въ эту рѣшительную минуту съ полнымъ довѣріемъ къ просвѣщенному патріотизму вашему, — былъ оцѣненъ по достоинству, какъ лично вами, такъ и прочими министрами Порты и чтобы въ интересахъ мира, сохраненіе котораго всѣмъ

намъ дорого, онъ былъ принятъ безъ колебаваній и промедленія».

Новый отказъ великаго визиря послѣдовалъ незамедлительно. Тогда русское правительство нашлось вынужденнымъ исполнить свою угрозу: русскія войска заняли Дунайскія княжества.

Тотчасъ по полученіи извѣстія, что занятіе княжествъ рѣшено, Англія и Франція, тѣсно соединенныя секретнымъ договоромъ, ввели свои флоты въ Дарданеллы и отдали ихъ въ распоряженіе своихъ константинопольскихъ пословъ.

Почти въ тоже время с.-петербугскій кабинетъ обратился къ общественному мнѣнію Европы, напечатавъ 11 іюня въ своемъ оффиціальномъ органѣ циркуляръ, о которомъ мы уже упоминали, и сообщивъ его представителямъ Россіи заграницею.

Разъяснивъ истинную цѣль миссіи князя Меншикова, русскій канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ блистательно доказалъ всю несостоятельность взведенныхъ на Россію обвиненій.

„Утверждаютъ, писалъ графъ Нессельроде, — что самая форма, въ которую облечено требуемое отъ Порты обязательство, оскорбительна для султана, потому что изобличаетъ посягательство на его державныя права, и, подъ видомъ покровительства единовѣрцамъ, допускаетъ постоянное вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла Турціи. Признавая подобные, ни на какихъ данныхъ неоснованные выводы призрачными,—мы не можемъ считать заключеніе нами трактата чрезмѣрнымъ, неисполнимымъ домогательствомъ; не понимаемъ также, почему такой договоръ, заключенный Россіей, способенъ болѣе угрожать самодержавію султана, чѣмъ капитуляціи, дарованныя Турціей Франціи и Австріи? Вѣдь верховная власть и свобода дѣйствій падишаха ни къ какомъ случаѣ не могутъ находиться въ непосредственной зависимости отъ большаго или меньшаго числа его подданныхъ, пользующихся покровительствомъ иностранныхъ державъ. При томъ, обезпеченіе интересовъ иновѣрцевъ договорами во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ было и есть дѣло совершенно обыкновенное.

Во времена реформаціи даже великія католическія державы заключали трактаты и конвенціи, которыми гарантировали въ своихъ владѣніяхъ ненарушимость правъ, привилегій и преимуществъ протестантовъ; достовѣрно также, что хотя общественное положеніе послѣднихъ и теперь обезпечено таковыми, но правительства отнюдь не видятъ въ томъ признаковъ нарушенія своихъ верховныхъ правъ и политической самостоятельности. Не доказывается ли этимъ, что заключеніе подобныхъ договоровъ съ мусульманскимъ правительствомъ еще болѣе необходимо?"

Циркуляръ этотъ подвергся всестороннимъ осужденіямъ; но обращать на таковыя вниманіе читателей считаемъ совершенно безполезнымъ; не остановимся также и на отвѣтѣ г. Друэнъ-де-Льюиса, которымъ онъ старался опровергнуть справедливость приведенныхъ графомъ Нессельроде фактовъ.

Убѣдясь такимъ образомъ, что общественное мнѣніе настойчиво отказывается внимать гласу истины, Россія рѣшилась отвѣтить на вступленіе англо-французскаго флота въ турецкія воды соотвѣтствующею энергическою мѣрою: манифестомъ 14 (26) іюня императоръ Николай возвѣстилъ о данномъ русскимъ войскамъ повелѣніи занять Дунайскія княжества. Приводимъ таковой дословно:

„Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что защита православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ.

Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій нашихъ и онѣ, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви православной.

Но къ крайнему прискорбію въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили на-

конецъ совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который-бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

Не завоеваній ищемъ мы, въ нихъ Россія не нуждается, мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу пойдемъ впередъ— за вѣру православную.“

О повелѣніи занять княжества было немедленно доведено до свѣдѣнія иностранныхъ державъ.

Представителямъ Россіи за границею графъ Нессельроде послалъ 2 іюля второй циркуляръ, въ которомъ заявилъ, что правительства великихъ державъ поставлены уже въ извѣстность, какъ относительно мѣръ, принимаемыхъ Россіей, такъ и ея требованій, обращенныхъ къ Портѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упомянулъ и о томъ, что вниманіе Франціи и Великобританіи обращено на усложненія, являющіяся неизбѣжными послѣдствіями того угрожающаго положенія, которое ими усвоено и что имъ предложено не торопиться принятіемъ мѣръ, могущихъ во первыхъ усилить сопротивленіе Порты, а во вторыхъ побудить ихъ самихъ къ дѣйствіямъ, еще болѣе оскорбительнымъ для чести и достоинства императора.

„Но, къ сажалѣнію,—говорилъ далѣе графъ, обѣ морскія

державы эти не признали нужнымъ серьезно отнестись къ нашимъ заявленіямъ. Мало того: онѣ опередили насъ въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ, равносильныхъ тѣмъ, къ которымъ мы имѣли въ виду прибѣгнуть въ случаѣ, если Порта окончательно откажется отъ исполненія нашихъ справедливыхъ требованій. Достовѣрность сказаннаго вполнѣ подтверждается тѣмъ, что даже въ настоящее время мы еще не приступали къ осуществленію нашихъ угрозъ.

Какъ-же поступили названныя державы? Онѣ не замедлили ввести свой флотъ въ Дарданеллы и занять всѣ принадлежащія Оттоманской имперіи воды и порты вплоть до Константинополя. Этимъ онѣ подвергли насъ тяжелому давленію совокупной демонстраціи, которая, какъ мы уже заявляли имъ, неизбѣжно должна привести къ новымъ усложненіямъ".

Еще далѣе канцлеръ свидѣтельствовалъ, что занятіе русскими войсками княжествъ не можетъ быть признано объявленіемъ войны Портѣ; оно имѣетъ цѣлью лишь временно заручиться матеріальною гарантіей взамѣнъ нравственной, предоставить которую Россіи не соглашается оттоманское правительство.

„Это занятіе перестанетъ служить Россіи обезпеченіемъ лишь тогда, когда министры султана, внявъ болѣе благонамѣреннымъ совѣтамъ, измѣнятъ свои воззрѣнія на сущность настоящаго вопроса".

Парижскій и лондоскій кабинеты, не одобривъ циркуляра русскаго канцлера, категорически выразили въ своихъ отвѣтахъ сожалѣніе, что Россія рѣшилась прибѣгнуть къ дѣйствію, видимо парализурующему успѣхъ начатыхъ ими переговоровъ.

Г. Друэнь-де-Льюисъ увѣрялъ даже, что посылку флота отнюдь не слѣдуетъ признавать мѣрою, враждебною Россіи, такъ какъ она принята единственно въ видахъ предосторожности. Важность совершающихся событій, а главнѣе всего приготовленія къ войнѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ неустанно производящіяся въ Бессарабіи и въ Севастопольскомъ портѣ, достаточно оправдывали по его мнѣнію распоряженія, сдѣланныя французскимъ правительствомъ.

Но говоря такъ онъ очевидно забывалъ, что военныя

приготовленія, дѣлаемыя какою либо державою, доставляютъ по смыслу международныхъ законовъ другимъ государствамъ лишь право приступать къ таковымъ же и требовать объясненій, а отнюдь не разрѣшаютъ посылку военнаго флота, снабженнаго самыми категорическими инструкціями относительно предстоящаго ему образу дѣйствій.

Въ такомъ же точно смыслѣ послѣдовалъ и отвѣтъ англійскаго кабинета; общность взглядовъ Англіи и Франціи не оставляла никакихъ сомнѣній, что и дѣйствія ихъ будутъ тожественны.

Положеніе становилось вполнѣ критическимъ: въ видахъ отвращенія войны, Австрія попыталась предложить свое дружественное посредничество, которое и было принято какъ русскимъ, такъ и турецкимъ правительствомъ.

Справедливость требуетъ признать, что Франція, Англія и Пруссія охотно согласились допустить вмѣшательство Австріи, и что ихъ представители дѣятельно участвовали въ составленіи проэкта ноты, основанія которой были одобрены Россіей.

Императоръ Николай изъявилъ даже готовность принять турецкаго посла, если султанъ, безпрекословно подчинясь выраженнымъ въ нотѣ условіямъ, пришлетъ таковаго для улаженія возникшихъ несогласій.

Никто не сомнѣвался, что такъ называемая „вѣнская нота“, будетъ вполнѣ одобрена султаномъ и что не разразится, слѣдовательно, грозная туча, нависшая надъ Европой; тѣмъ тягостнѣе было для всѣхъ извѣстіе, что падишахъ требуетъ измѣненія нѣкоторыхъ статей ея.....

Въ вѣнскомъ проэктѣ говорилось напримѣръ: „если императоры всероссійскіе во всѣ времена неустанно заботились о сохраненіи привиллегій и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ православною греко-россійскою церковью въ предѣлахъ Оттоманской имперіи,—то и султаны постоянно изъявляли готовность вновь подтверждать таковыя торжественными обязательствами“.

Въ измѣненномъ Портою видѣ значилось: „если императоры всероссійскіе во всѣ времена неустанно заботились о пользахъ православной греко-россійской церкви, то и султаны

всегда охраняли привиллегіи и преимущества ея въ предѣлахъ Оттоманской имперіи и вновь подтверждали таковыя".

Измѣненіе это, извращая первоначальный смыслъ приведенной статьи, очевидно лишало её ея несомнѣнно важнаго значенія. Поэтому слѣдующее возраженіе с.-петербургскаго кабинета представляется вполнѣ умѣстнымъ: „признавъ, что оттоманское правительство всегда охраняло привиллегіи православной церкви, мы вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовали бы, что жалобы наши на противное были неосновательны".

Въ Вѣнѣ однакоже еще надѣялись, что не смотря даже на измѣненія, допущенныя въ нотѣ султаномъ, она будетъ принята Россіей; но депеша графа Нессельроде отъ 7 сентября, адресованная на имя барона Мейендорфа, возвѣстила делегатамъ, съѣхавшимся въ австрійской столицѣ, что императоръ положительно отвергаетъ ея новую редакцію. Не измѣнивъ ни единымъ словомъ проэктъ ноты, составленной помимо всякаго его участія, онъ не можетъ признать за Портою права, которымъ самъ не пользовался, это свидѣтельствовало бы, что Россія занимаетъ относительно Порты положеніе низшее, что несовмѣстно съ достоинствомъ его величества. Согласясь вмѣсто предъявленнаго ультиматума удовольствоваться нотою, Россія достаточно доказала свое миролюбіе; большей уступки она сдѣлать не можетъ.

„Для устраненія препятствій, — говорилъ графъ Нессельроде, — державамъ слѣдуетъ откровенно и энергически объявить Портѣ, что безразсудно устранивъ единственную возможность немедленно возстановить свои сношенія съ нами, она уже не можетъ разсчитывать на чью-либо поддержку; мы убѣждены, что если державы усвоятъ себѣ такой образъ дѣйствій, то Турція поспѣшитъ принять совѣтъ Европы и, утративъ надежду на помощь въ борьбѣ своей съ Россіей, приметъ ноту въ ея первоначальной редакціи. Она конечно признаетъ также, что было бы безумно подвергать себя серьёзнымъ опасностямъ изъ за тщеславнаго желанія измѣнить нѣкоторыя выраженія въ нотѣ, которая уже безусловно одобрена нами. Изъ двухъ одно: или измѣненія, предлагаемыя Портою, имѣютъ весьма важное значеніе, и тогда отрицаніе таковыхъ

нами совершенно понятно; или они ничтожны, и тогда непостижимо, что побуждаетъ Порту ставить принятіе ноты въ зависимость отъ таковыхъ"?

При всемъ томъ русское правительство еще не вовсе отказывалось отъ веденія переговоровъ; во время пребыванія императора Николая въ Ольмюцѣ графъ Нессельроде вошелъ въ сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ, имѣя въ виду добиться соглашенія относительно принятія вѣнской ноты.

Но усилія его не увѣнчались успѣхомъ. По приглашенію великаго визиря 25 и 26 сентября собирался большой совѣтъ высшихъ сановниковъ Оттоманской имперіи, который, обсудивъ настоящее положеніе Турціи, единодушно призналъ, что интересы и достоинство Порты настоятельно повелѣваютъ объявить войну Россіи. Рѣшеніе совѣта было 4 октября торжественно возвѣщено великимъ визиремъ султану, затѣмъ опубликовано и тотчасъ же сообщено Омеру-пашѣ, главнокомандовавшему румелійскою арміей. Послѣдній передалъ объ этомъ князю Горчакову, начальствовавшему русскими оккупаціонными войсками, приглашая его очистить княжества. На другой же день Омеръ-паша получилъ отъ князя Горчакова слѣдующій отвѣтъ: „Не имѣю отъ императора, моего повелителя, уполномочій вступать въ переговоры какъ о заключеніи мира, такъ объ объявленіи войны и о выводѣ ввѣренныхъ мнѣ войскъ изъ княжествъ".

Такимъ образомъ улаженіе несогласій, оказавшееся не подъ силу дипломатіи, было предоставлено военному счастью... Первый пушечный выстрѣлъ былъ сдѣланъ 13 октября турками, стрѣлявшими по восьми русскимъ канонерскимъ шлюпкамъ и двумъ паровымъ судамъ, плывшимъ вверхъ по Дунаю.

Манифестъ императора Николая, служившій отвѣтомъ на объявленіе войны Портою, появился $^{19}/_{31}$ октября.

Упомянувъ о манифестѣ $^{14}/_{26}$ іюня, достаточно выяснившемъ какъ причины, побуждающія обратиться къ силѣ оружія, такъ и надежды на возможное согласіе Порты удовлетворить справедливымъ требованіямъ Россіи, императоръ возвѣщалъ:

„Ожиданія наши не оправдались.

Тщетно даже главныя европейскія державы старались

своими увѣщаніями поколебать закоснѣлое упорство турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на наше долготерпѣніе оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, наполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія, на законную заботливость нашу о защитѣ на востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

Мы твердо убѣждены, что наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплыя мольбы къ Всевышнему, да благословитъ Десница Его оружіе, подъятое нами за святое и правое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ. *На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.*"

Вслѣдъ за манифестомъ послѣдовалъ циркуляръ графа Нессельроде, которымъ заявлялось, что Россія не выйдетъ изъ своего оборонительнаго положенія, пока Турція не начнетъ наступательныхъ дѣйствій.

„Западныя державы, — добавляетъ русскій канцлеръ,—не имѣютъ, слѣдовательно, никакого основанія придавать дѣйствіямъ русскаго правительства произвольное значеніе. Принятое имъ оборонительное положеніе не воспрепятствуетъ даже продолженію переговоровъ, если Порта, сознавъ свои заблужденія, сдѣлаетъ предложеніе о заключеніи мира".

Начало военныхъ дѣйствій какъ въ Азіи такъ и въ Европѣ было неблагопріятно русскимъ. Фортъ св. Николая, находящійся на русско-турецкой границѣ черноморскаго побережья, на первыхъ же порахъ былъ взятъ турками съ боя; русское судно, на которомъ князь Меншиковъ пріѣзжалъ въ Константинополь, было потоплено, а Русскія войска терпѣли значительныя пораженія.

Пока шансы войны клонились на сторону Турціи, Франція

и Англія спокойно относились къ происходившей борьбѣ, надѣясь притомъ, что неудачи заставятъ Россію желать мира.

Но послѣ Синопской битвы ($^{18}/_{30}$ ноября), уничтожившей турецкую эскадру, состоявшую изъ семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ паровыхъ судовъ, англо-французскому флоту приказано было войдти въ Черное море, адмираламъ Гаммелину и Дондасу поручено было заявить одесскимъ властямъ, что повтореніе Синопской катастрофы допущено не будетъ, что русскимъ военнымъ судамъ, замѣченнымъ въ морѣ, немедленно предложится возвратиться въ Севастополь или укрыться въ ближайшемъ русскомъ портѣ, и что всякое нападеніе на оттоманскую территорію или суда будетъ отражено силою.

Французскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ сообщилъ 29 декабря графу Нессельроде о такой мѣрѣ правительствъ Франціи и Великобританіи, присовокупивъ, что она принята единственно въ видахъ успѣшнѣйшаго достиженія сближенія между воюющими сторонами на началахъ, удовлетворяющихъ чести обоихъ.

Это сообщеніе вызвало ноту графа Нессельроде, отъ 4 (16) января 1854 года, адресованную представителямъ Россіи въ Парижѣ и Лондонѣ, которою имъ предложено истребовать отъ правительствъ, при которыхъ они акредитованы, объясненія, относительно значенія инструкцій, данныхъ адмираламъ Гаммелину и Дондасу.

Русскій канцлеръ выражалъ въ нотѣ убѣжденіе, что рѣшаясь принять подобную мѣру, обѣ державы вѣроятно имѣли въ виду установить въ Черномъ морѣ такой перерывъ военныхъ дѣйствій, во время котораго, какъ нападеніе русскихъ на турецкіе порты и суда было бы строго воспрещено, такъ не допускались-бы и непріязненныя дѣйствія турецкаго флота на русскія суда и владѣнія.

„Только подобное объясненіе,—добавлялъ графъ Нессельроде,—способно хотя по наружности ослабить явно враждебное намъ значеніе вступленія флотовъ обѣихъ державъ въ Черное море; разрѣшая туркамъ нападать на насъ и стараясь не дозволить намъ отвѣчать имъ тѣмъ-же, державы свидѣ-

тельствовали бы, что уже приняли дѣятельное участіе въ войнѣ, которую онѣ намъ еще не объявили".

Графъ Киселевъ въ Парижѣ и баронъ Брунновъ въ Лондонѣ оффиціально заявили 14 (26) января обоимъ кабинетамъ содержаніе ноты; но такъ какъ послѣдніе отказались признать „перерывъ морскихъ операцій въ Черномъ морѣ и полную равноправность дѣйствій русскаго и турецкаго флотовъ",—то оба посланника потребовали возврата своихъ документовъ. Ихъ отъѣздъ послужилъ сигналомъ къ отозванію пословъ Англіи и Франціи изъ С.-Петербурга, и такимъ образомъ дипломатическія сношенія этихъ державъ съ Россіей были прерваны.

При всемъ томъ, за нѣсколько дней до отозванія посла, именно 29 января, Наполеонъ III написалъ императору Николаю собственноручное письмо, въ которомъ, объяснивъ предварительно причины, побудившія его принять миролюбиво-покровительственное положеніе относительно Порты, заявлялъ:

„Синопская катастрофа совершенно неожиданно и глубоко поразила насъ, такъ какъ намъ безразлично, намѣревались-ли турки забрать боевые припасы на русской территоріи, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что русскія суда напали на турецкія, не только въ принадлежащихъ Портѣ водахъ, но даже въ ея гавани, гдѣ они спокойно стояли на якорѣ. Турецкая эскадра уничтожена, несмотря на увѣреніе, что наступательныя дѣйствія со стороны Россіи допущены не будутъ, — несмотря на близость нашего флота. Ударъ нанесенъ одновременно и нашей политикѣ, и нашей военной чести.... Всюду, куда могутъ долетать наши ядра, союзникамъ нашимъ не должна угрожать какая либо опасность!.... Вотъ причина, побудившая насъ ввести нашъ флотъ въ Черное море и возложить на него обязанность силою не допускать повторенія подобнаго прискорбнаго событія".

Затѣмъ Наполеонъ предлагалъ императору Николаю заключить перемиріе и возобновить дипломатическіе переговоры.

Императоръ не принялъ этого предложенія, а письмомъ отъ 9 февраля н. с. сообщилъ императору французовъ, что не имъ вызваны причины несогласій, которыя давно уже были-

бы устранены, еслибы Порта была предоставлена самой себѣ. О Синопскомъ погромѣ, признаваемомъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ воинской чести Франціи, императоръ отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я объявлялъ, что не выйду изъ оборонительнаго положенія, но только до начатія войны и притомъ до тѣхъ поръ, пока моя честь и мои интересы это дозволятъ, а также пока война будетъ ведена въ извѣстныхъ предѣлахъ. Развѣ сдѣлано что-либо для того, чтобы удержать ее въ этихъ предѣлахъ? Если роль зрителя, или даже посредника, не удовлетворяла ваше величество и вы рѣшились оказать моему врагу вооруженную помощь, — то было-бы добросовѣстнѣе и достойнѣе откровенно сообщить мнѣ объ этомъ и объявить войну. Каждый изъ насъ зналъ-бы что дѣлать.

Но развѣ добросовѣстно ставить намъ въ укоръ уже совершившееся событіе, не сдѣлавъ притомъ ничего, чтобы предотвратить таковое? Если громъ синопскихъ орудій „болѣзненно поразилъ сердца всѣхъ французовъ и англичанъ, чутко отзывающихся на вопросы, касающіеся ихъ національнаго достоинства“ [1]), то ваше величество конечно согласитесь, что грозное присутствіе въ Босфорѣ трехъ тысячъ орудійныхъ жерлъ,—на что вы сами указываете,—и появленіе ихъ въ Черномъ морѣ не могло не найдти отголоска въ сердцѣ народа, честь котораго я призванъ охранять? Изъ словъ вашихъ я впервые узналъ, (словесныя сообщенія, сдѣланныя мнѣ доселѣ, ничего подобнаго не выяснили), что способствуя снабженію турецкихъ войскъ припасами, добываемыми въ владѣніяхъ Порты, обѣ державы рѣшились воспретить намъ плаваніе по Черному морю, имѣя, вѣроятно, въ виду сдѣлать доставку припасовъ нашимъ береговымъ укрѣпленіямъ невозможною.

Неужели, ваше, величество дѣйствительно признаете, что подобная мѣра способна облегчить заключеніе мира и что положеніе, въ которое я поставленъ, дозволяетъ мнѣ хотя на минуту допустить обсужденіе или даже разсмотрѣніе предложеній о перемиріи, о немедленномъ отозваніи войскъ изъ кня-

---

[1]) Собственныя слова Наполеона III.

жествъ, или о переговорахъ съ Портою относительно условій, окончательное утвержденіе которыхъ предоставится конференціи четырехъ державъ? Поставьте себя на мое мѣсто, государь, и скажите, согласились-ли бы вы быть въ такомъ положеніи? Сознаніе національной чести и достоинства дозволили-бы вамъ это? Смѣло говорю, что нѣтъ. Предоставьте же мнѣ право разсудить такъ, какъ бы сами вы разсудили.

Но каково бы не было рѣшеніе вашего величества, я не отступлю передъ угрозою. Возлагая упованіе на Бога и правоту мою ручаюсь, что въ 1854 г. Россія явится такою-же, какою была въ 1812 году!... Если-же ваше величество, сознавая, что честь моя дѣйствительно затронута, открыто обратитесь къ первоначальной программѣ дѣйствій,—если вы также дружелюбно подадите мнѣ руку, какъ я въ эту рѣшительную минуту предлагаю вамъ мою,—то я охотно предамъ забвенію всѣ оскорбленія прошлаго. Тогда—и только тогда, государь,—мы можемъ приступить къ обсужденію дѣлъ и, быть можетъ, прійдти къ соглашенію. Пусть флотамъ вашимъ вмѣнится въ обязанность препятствовать Портѣ доставлять свѣжія войска на театръ военныхъ дѣйствій, и я обяжусь ничѣмъ не угрожать Турціи. Пусть она пришлетъ ко мнѣ посла для веденія переговоровъ, я приму его съ подобающими почестями. Только на этихъ основаніяхъ я считаю себя вправѣ приступить къ какимъ-либо дипломатическимъ сношеніямъ".

Этотъ отвѣтъ императора вызвалъ одновременное объявленіе войны Россіи Франціей и Англіей въ силу англо-французскаго союза, вновь подтвержденнаго еще 10 апрѣля 1854 года Лондонскимъ договоромъ.

11 апрѣля н. с. 1854 года былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ императора Николая:

„Съ самаго начала несогласій нашихъ съ турецкимъ правительствомъ мы торжественно возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи влія-

нія сверхъ того, которые по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи.

Тогда же встрѣтили мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ, стремившихся превратнымъ толкованіемъ намѣреній нашихъ ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль—обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ ей предназначенной? — Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

Да познаетъ же все христіанство, что, какъ мыслитъ царь русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ нимъ вся русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ.

За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!“

Остальное извѣстно всѣмъ, также какъ и участіе, принятое Австріей, Пруссіей и второстепенными государствами въ этой славной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопріятной для Россіи борьбѣ.

Не считаемъ также нужнымъ подробно говорить о вѣнскихъ конференціяхъ, происходившихъ въ началѣ 1855 года, на которыхъ уполномоченные четырехъ державъ заявили: „принятіе какихъ мѣръ признается необходимымъ для обезпеченія полнаго спокойствія въ будущемъ и для прекращенія порядка вещей, поставившаго Россію въ враждебныя къ большинству державъ отношенія“ [1]).

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

---

[1]) Рѣчь графа Буола, предсѣдательствовавшаго въ засѣданіи конференціи 15 марта.

1) Исключительное покровительство Россіи Дунайскимъ княжествамъ прекращается.

2) Судоходство по Дунаю признается свободнымъ.

3) Пересмотръ трактата 13 іюля 1841 г. относительно закрытія Дарданелловъ и Босфора съ двоякою цѣлью: болѣе прочно связать существованіе Оттоманской имперіи съ поддержаніемъ политическаго равновѣсія Европы и прекратить исключительное господство Россіи на Черномъ морѣ.

4) Отреченіе Россіи отъ всякаго посягательства на право оказывать покровительство ея единовѣрцамъ, подданнымъ Оттоманской имперіи.

Таковъ былъ смыслъ четырехъ статей проэкта, врученнаго союзными уполномоченными 28 декабря 1854 года [1]) русскому послу въ Вѣнѣ, князю Горчакову.

По мнѣнію уполномоченныхъ, только на основаніи этихъ четырехъ статей возстановленіе мира представлялось возможнымъ.

Хотя извѣстно, что с. петербургскій кабинетъ согласился вступить въ переговоры и что таковые начались 15 марта 1855 года, но очевидно, что условія, которыя намѣревались навязать Россіи, заранѣе устраняли всякую возможность достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ.

Кончина императора Николая, послѣдовавшая 18 февраля (2 марта) 1855 года внушила было друзьямъ мира надежду, что конференція, долженствовавшая собраться въ Вѣнѣ, миролюбиво порѣшитъ споры; но они забывали, что новое царствованіе застало въ Россіи враговъ,—что русскія войска были оттѣснены турками отъ Дуная и разбиты союзниками при Альмѣ и Инкерманѣ; — что русскій флотъ въ виду защиты Севастополя былъ почти весь затопленъ въ Черномъ морѣ и изгнанъ изъ всѣхъ морей...

Можно ли же было разсчитывать, что новое правительство рѣшится вступить въ переговоры на началахъ, формированныхъ въ Вѣнѣ, не сдѣлавъ никакихъ усилій, не выждавъ

---

[1]) Во второй половинѣ 1854 года дѣйствительно происходили въ Вѣнѣ дѣятельные переговоры о миролюбивомъ соглашеніи.

благопріятнаго времени? Притомъ, несмотря на ошибки и злоупотребленія, обнаружившіяся въ администраціи, — главная причина всѣхъ неудачъ, испытанныхъ Россіей,—силы страны еще далеко не были истощены и исчерпаны...

Поэтому русское правительство, несмотря на неравенство предстоявшей борьбы, не торопилось безусловно подчиниться требованіямъ союзниковъ. Изъявивъ согласіе на продолженіе вѣнскихъ конференцій, с. петербургскій кабинетъ удостовѣрилъ, что не откажется отъ предложеній, способныхъ установить общій миръ, на продолжительность и прочность котораго только въ такомъ случаѣ можно разсчитывать, если въ основаніе его положены будутъ условія почетныя для обѣихъ сторонъ. Черезъ пять дней по возобновленіи засѣданій конференціи 15 марта, графъ Нессельроде разослалъ правительствамъ, сношенія Россіи съ которыми были прерваны, — циркуляръ, излагавшій намѣренія новаго монарха:

„Принимая бразды правленія императоръ зналъ, что Россія ведетъ ожесточенную борьбу; но хотя въ исторіи еще не было доселѣ примѣра, чтобы новое царствованіе начиналось при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ,—однакоже, уповая на помощь Божественнаго Промысла, твердо вѣруя въ непоколебимую преданность русскаго народа и свято чтя память въ бозѣ почившаго родителя, императоръ самоотверженно и мужественно встрѣтилъ годину испытаній.

Принятое имъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ наслѣдіе возлагаетъ на него выполненіе двухъ одинаково священныхъ обязательствъ: первое заключается въ развитіи могущества, врученнаго ему Богомъ, на защиту цѣлости и чести Россіи; второе обязываетъ его настойчиво посвятить всю свою заботливость дѣлу примиренія, основанія которому уже были предначертаны императоромъ Николаемъ.

Неуклонно руководствуясь послѣдними указаніями своего августѣйшаго родителя, императоръ возобновляетъ полномочія и подтверждаетъ инструкціи, данныя русскимъ деллегатамъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года, передъ открытіемъ вѣнскихъ конференцій. Такимъ образомъ воля императора Николая будетъ въ точности исполнена.

Императоръ искренно желаетъ распространить на Россію и на Европу благодѣянія мира; упрочить свободу богослуженія и благоденствіе христіанскихъ народовъ востока безъ различія ихъ вѣроисповѣданій; предоставить общему покровительству державъ охраненіе правъ и преимуществъ, дарованныхъ княжествамъ; разрѣшить купеческимъ судамъ всѣхъ націй свободное плаваніе по Дунаю; прекратить соперничество великихъ державъ на востокѣ въ видахъ предотвращенія новыхъ усложненій, и наконецъ условиться съ ними относительно пересмотра трактата, которымъ онѣ признали за Портою право закрывать Дарданеллы и Босфоръ, и тѣмъ прійти къ почетному для всѣхъ сторонъ соглашенію.

Примиреніе, основанное на такихъ началахъ, положивъ конецъ бѣдствіямъ, причиняемымъ войною, призоветъ благословеніе всѣхъ народовъ на новое правительство.

Но Россія глубоко сознаетъ, и Европа должна сознать, что надежда на заключеніе мира рушится, если условія предполагаемаго соглашенія переступятъ границы, которыя въ сознаніи достоинства имперіи опредѣлены державною волею Августѣйшаго Монарха Россіи.

„Императоръ будетъ спокойно ожидать сообщенія ему предположеній кабинетовъ, призванныхъ совмѣстно съ Россіей разрѣшить вопросъ, важное значеніе котораго для всего христіанскаго міра несомнѣнно.

Переговоры по этому предмету убѣдятъ въ искреннемъ миролюбіи нашего августѣйшаго монарха.

Россія, очевидно, не скупилась на уступки въ видахъ скорѣйшаго заключенія мира, и ужъ конечно не ее можно обвинить въ недостаткѣ умѣренности.

Нѣтъ,—союзныя державы, упоенныя недавними успѣхами, поставили себѣ задачей, пользуясь представившимся случаемъ, ослабить, а если возможно, то раззорить и унизить Россію.

Пораженія, нанесенныя Россіи во время этой злополучной борьбы, уничтоживъ обаяніе ея силы и непобѣдимости, служили достаточнымъ поводомъ къ ея уничтоженію; лишить её господства на Черномъ морѣ и парализовать свободу дѣйствій

ея флота было признано державами самымъ вѣрнымъ средствомъ достигнуть желаемой цѣли.

Вотъ почему представители ихъ въ вѣнскихъ конференціяхъ такъ настойчиво требовали принятія этихъ двухъ условій.

Но въ первомъ-же засѣданіи конференціи князь Горчаковъ положительно заявилъ, что „если условія мира, навязываемаго Россіи, окажутся несовмѣстными съ ея достоинствомъ и честью, то она отвергнетъ ихъ, не заботясь о томъ, кѣмъ они предложены и какія будутъ послѣдствія отказа“.

Заявленіе это вполнѣ убѣждало, что нескончаемыя конференціи, имѣвшія исключительно въ виду положить конецъ господству Россіи въ Черномъ морѣ, не приведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; такъ и случилось: начатыя 15 марта 1855 года, онѣ закрылись 4 іюня того-же года.

Россія не хотѣла и не могла заключить миръ, прочность котораго представлялась болѣе чѣмъ сомнительною; притомъ въ то время она разсчитывала на возможность улучшить свое положеніе, надѣясь, что громкая слава ея геройской защиты избавитъ её отъ униженія.

Пока Севастополь держался, не все было утрачено, потому что Австрія не рѣшилась объявить войну Россіи; она не безъ основанія увѣровала, что можетъ успѣшно вести её лишь тогда, когда союзники будутъ вполнѣ господствовать въ Черномъ морѣ.

Къ несчастію, катастрофа близилась, не смотря на чудеса храбрости, оказанныя геройскими защитниками Севастополя.

Въ прискорбныхъ признакахъ, что имперія страждетъ отъ бѣдствій войны, тоже не было недостатка.

Громадные налоги отягощали земельную и вообще всякую собственность; главный источникъ народнаго богатства, вывозъ сырья, почти изчезъ вслѣдствіе блокады портовъ; провозъ-же таковаго черезъ границы Германіи былъ крайне стѣснителенъ; рекрутскіе наборы отнимали у населенія лучшихъ работниковъ: вмѣсто 7 человѣкъ съ тысячи требовалось по 12-ти. Народное благосостояніе страдало кромѣ того отъ реквизицій фуражемъ, перевозочными средствами и другими повинностями, неизбѣжными въ военное время.

Наконецъ молодые солдаты, поступавшіе на пополненіе убыли въ войскахъ, не были достаточно пріучены къ военному дѣлу; боевые-же и прочіе припасы нерѣдко вовсе не доставлялись на мѣста назначенія по причинамъ, самое воспоминаніе о которыхъ тягостно и прискорбно. Въ виду подобныхъ условій нельзя не признать, что защитники Севастополя сдѣлали даже болѣе того, что было разумно отъ нихъ требовать; очевидно не ихъ вина, что минута наступленія развязки жестокой, отчаянной борьбы неудержимо приближалась все болѣе и болѣе.

Ключъ севастопольской обороны, Малаховъ Курганъ, палъ 8 сентября 1855 г.; геройское сопротивленіе его защитниковъ вызвало восторженное удивленіе самихъ побѣдителей.....

Удерживаться долѣе въ крѣпости уже не представлялось возможности; русскіе оставили её, и знамёна союзниковъ водрузились на стѣнахъ Севастополя.

Россія была утомлена войной; пораженія, нанесенныя ей, обнаружили Императору Александру, что призракъ воинской славы его имперіи, столь грозный для Европы съ 1815 года, прикрывалъ собою многія зіяющія въ ней язвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что послѣ паденія Севастополя Франція и Англія уже не удовольствуются мирными условіями, предъявленными ими на вѣнскихъ конференціяхъ.

Дѣйствительно, Австрія составила новый проэктъ требованій и передала его 14 ноября 1855 г., на разсмотрѣніе парижскаго и лондонскаго кабинетовъ; въ немъ четыре статьи мартовскихъ предложеній получили значительное развитіе. Такъ третья статья, обусловливавшая лишь простой пересмотръ трактата 1841 г., въ видахъ охраненія политическаго равновѣсія Европы, была измѣнена въ смыслѣ нейтрализаціи Чернаго моря и воспрещенія Россіи имѣть военные арсеналы и порты по всему его побережью.

Первоначально предлагавшійся косвенный надзоръ Европы за свободою судоходства по Дунаю оказался уже недостаточнымъ: признано необходимымъ допуститъ постоянное пребываніе въ устьяхъ этой рѣки извѣстнаго числа судовъ европейскихъ державъ, отнять у Россіи весь лѣвый ея берегъ,—т. е.

почти половину Бессарабской области,—подъ видомъ исправленія границъ.

Не только требовавшееся первою статьею отреченіе Россіи отъ исключительнаго права покровительствовать Дунайскимъ княжествамъ подтверждалось,—но предложены были основанія введенію въ нихъ особой системы серьёзной обороны, для чего земли, отнятыя у Россіи въ Бессарабіи, предположено передать въ ихъ владѣніе.

Относительно четвертой статьи три державы (Франція, Англія и Австрія) условливались войти въ соглашеніе съ Портою, предоставляя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право опредѣлить нѣкоторыя гарантіи выполненія ею особыхъ условій, имѣющихъ общеевропейскій интересъ.

Предложенія вѣнскаго кабинета были восторженно приняты Франціей и Англіей и обращены въ ультиматумъ требованій, обращенныхъ къ Россіи.

Тогда князю Эстергази поручено было отвезти этотъ ультиматумъ въ Петербургъ и заявить, что если таковой не будетъ принятъ въ трехнедѣльный срокъ, притомъ безъ измѣненій и ограниченій,—то австрійское правительство прерветъ всякія сношенія съ Россіей.

Европа томилась въ ожиданіи отвѣта; каково же было ея удивленіе, когда она узнала, что Россія прямо, открыто приняла австрійскій ультиматумъ, хотя впрочемъ пыталась избѣгнуть этой тягостной необходимости заявленіемъ контр-предложеній.

Высоко-честная, благородная рѣшимость Россіи до того поразила всѣхъ, что ей стали приписывать тайныя, недобрыя намѣренія: утверждали между прочимъ, что она приняла ультиматумъ единственно изъ желанія выиграть время и затѣмъ воспользоваться раздорами, могущими возникнуть въ средѣ ея враговъ.

Нелѣпѣе подобнаго обвиненія ничего нельзя было придумать. Императоръ Александръ мужественно рѣшился заключить миръ для того, чтобы имѣть возможность безотлагательно приступить къ тѣмъ великимъ преобразованіямъ, которыя одни могли возвратить Россіи временно оспариваемое у нея Европою обаяніе славы, величія и могущества.

Вслѣдъ за полученіемъ въ Вѣнѣ извѣщенія о согласіи Россіи, состоялся протоколъ 1 февраля 1856 г., извѣщавшій, какъ объ одобреніи австрійскихъ предложеній Франціей и Англіей, такъ и объ открытіи переговоровъ о мирѣ. „Вслѣдствіе принятія представляемыми нами правительствами, — говорилось въ протоколѣ,—пяти статей, заключающихся въ приложенномъ у сего документѣ, именуемомъ „предварительнымъ проэктомъ", нижеподписавшіеся постановили, чтобы договаривающіяся державы не оставили назначить каждая отъ себя особыхъ лицъ, снабженныхъ необходимыми полномочіями какъ для подписанія предварительныхъ мирныхъ условій, такъ заключенія перемирія и окончательнаго трактата о мирѣ".

„Уполномоченные эти съѣдутся въ Парижѣ въ трехнедѣльный отъ сего числа срокъ, а буде возможно то и ранѣе".

Къ опредѣленному времени всѣ безъ исключенія уполномоченные прибыли въ столицу Франціи, представителями которой явились: графъ Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, и баронъ де-Буркенэ, посолъ Франціи при вѣнскомъ дворѣ.

Англія прислала Лорда Кларендана, перваго секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ, и лорда Коулэя, англійскаго посла во Франціи.

Уполномоченными Австріи были: графъ Буоль, министръ иностранныхъ дѣлъ, и баронъ Гюбнеръ, австрійскій посолъ въ Парижѣ.

Охраненіе своихъ интересовъ султанъ возложилъ на великаго визиря Али-пашу и Мехмета-Джемиль-бея.

Графъ Кавуръ и маркизъ-де-Вилламарина были присланы королемъ Сардинскимъ.

Россія снабдила надлежащими инструкціями князя Орлова и графа Брунова.

Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, и прусскій посолъ въ Парижѣ графъ Гацвельдъ, бывъ приглашены конгрессомъ, приняли участіе въ его засѣданіяхъ лишь $^{6}/_{18}$ марта, тогда какъ таковыя начались $^{13}/_{25}$ февраля 1856 г. По предложенію графа Буоля предсѣдательство было возложено на Валевскаго.

Состоялась повѣрка полномочій; затѣмъ, по предложенію

предсѣдателя, уполномоченные признали за вѣнскимъ протоколомъ 1 февраля значеніе предварительныхъ мирныхъ условій и предложили главноначальствующимъ воюющими арміями заключить перемиріе по 31-е марта съ правомъ возобновить военныя дѣйствія, если по истеченіи опредѣленнаго срока перемиріе не будетъ съ общаго согласія продолжено.

Блокада портовъ не должна была прекращаться.

Послѣдующія засѣданія посвящены были пересмотру основныхъ началъ мира и обсужденію гарантій, указанныхъ вѣнскимъ протоколомъ. Соглашеніе, послѣдовавшее по третьей и главнѣйшей гарантіи, т. е. по нейтрализаціи Чернаго моря, представлявшей наибольшія затрудненія, ручалось, что труды уполномоченныхъ увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

Благодаря благоразумной уступчивости делегатовъ Россіи, ничто не задержало успѣшнаго хода переговоровъ, и мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный въ лѣтописяхъ дипломатіи. Порядокъ вещей, усвоенный многими годами, былъ совершенно измѣненъ въ теченіи одного мѣсяца парижскимъ трактатомъ ($^{18}/_{30}$ марта) 1856 года!...

Вотъ статьи его:

Ст. 1. Со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата быть на вѣчныя времена миру и дружеству между Его Величествомъ императоромъ Всероссійскимъ съ одной, и Его Величествомъ императоромъ Французовъ, Ея Величествомъ королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Его Величествомъ королемъ Сардинскимъ и Его импероторскимъ величествомъ Султаномъ—съ другой стороны, между ихъ наслѣдниками и преемниками, государствами и подданными.

Ст. 2. Вслѣдствіе счастливаго возстановленія мира между Ихъ Величествами, земли во время войны завоеванныя и занятыя ихъ войсками, будутъ ими очищены.

О порядкѣ выступленія войскъ, которое должно быть учинено въ скорѣйшее по возможности время, постановлены будутъ особыя условія.

Ст. 3. Его Величество императоръ Всероссійскій обязуется возвратить Его Величеству Султану городъ Карсъ съ цита-

делью онаго, а равно и прочія части оттоманскихъ владѣній, занимаемыя россійскими войсками.

Ст. 4. Ихъ Величество императоръ Французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, король Сардинскій и Султанъ обязуются возвратить Его Величеству императору Всероссійскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камышъ, Евпаторію, Керчъ-Еникале, Кинбурнъ, а равно и всѣ прочія мѣста, занимаемыя союзными войсками.

Ст. 5. Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, король Сардинскій и Султанъ даруютъ полное прощеніе тѣмъ изъ ихъ подданныхъ, которые оказались виновными въ какомъ либо въ продолженіи военныхъ дѣйствій соучастіи съ непріятелемъ.

При семъ постановляется именно, что сіе общее прощеніе будетъ распространено и на тѣхъ подданныхъ каждой изъ воевавшихъ державъ, которые во время войны оставались въ службѣ другой изъ воевавшихъ державъ.

Ст. 6. Военноплѣнные будутъ немедленно возвращены съ той и другой стороны.

Ст. 7. Его Величество императоръ Всероссійскій, Его Величество императоръ Австрійскій, Его Величество императоръ Французовъ, Ея Величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, Его Величество король Прусскій и Его Величество король Сардинскій объявляютъ, что Блистательная Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ; Ихъ Величества обязуются каждый со своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніи онаго дѣйствіе вопросомъ касающимся общихъ правъ и пользы.

Ст. 8. Если между Блистательною Портою и одною, или нѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей трактатъ державъ возникнетъ какое нибудь несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между оными сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ

употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ договаривающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе чрезъ свое посредничество.

Ст. 9. Его императорское Величество Султанъ въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ, даровавъ фирманъ, коимъ улучшается участь ихъ безъ различія по вѣроисповѣданіямъ, или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его имперіи, и желая дать новое доказательство своихъ въ семъ отношеніи чувствъ, рѣшился сообщить договаривающимся державамъ означенный, изданный по собственному его побужденію, фирманъ.

Договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя при томъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться совокупно, или отдѣльно, въ отношенія его величества султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе имперіи его.

Ст. 10. Конвенція 13 іюля 1841 года, коего постановлено соблюденіе древняго правила Оттоманской имперіи относительно закрытія входа въ Босфоръ и Дарданеллы, подвергнута новому съ общаго согласія разсмотрѣнію:

Заключенный высокими договаривающимися сторонами сообразный съ вышеозначеннымъ правиломъ актъ прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ онъ составлялъ неотдѣльную онаго часть.

Ст. 11. Черное море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго, формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми токмо исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора.

Ст. 12. Свободная отъ всякихъ препятствій торговля въ портахъ и на водахъ Чернаго моря будетъ подчинена однимъ лишь карантиннымъ таможеннымъ полицейскимъ постановленіямъ, составленнымъ въ духѣ, благопріятствующемъ развитію сношеній торговыхъ.

Дабы пользамъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ даровать все желаемое обезпеченіе, Россія и Блистательная Порта будетъ допускать консуловъ въ порты свои на берегахъ Чернаго моря, согласно съ правилами международнаго права.

Ст. 13. Вслѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ на основаніи ст. 11-й, не можетъ быть нужно содержаніе, или учрежденіе военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ неимѣющихъ уже цѣли, а посему Его Величество императоръ Всероссійскій и Его императорское Величество Султанъ обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военноморскаго арсенала.

Ст. 14. Ихъ Величествами императоромъ Всероссійскимъ и Султаномъ заключена особая конвенція, опредѣляющая число и силы легкихъ судовъ, которыя они предоставляютъ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежью распоряженій. Сія конвенція прилагается къ настоящему трактату и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключавшихъ настоящій трактатъ.

Ст. 15. Договаривающіяся стороны, съ взаимнаго согласія, постановляютъ, что правила опредѣленныя актомъ конгресса Вѣнскаго для судоходства по рѣкамъ, раздѣляющимъ разныя владѣнія, или протекающимъ чрезъ оныя, будутъ впредь примѣняемы вполнѣ къ Дунаю и устьямъ его. Онѣ объявляютъ, что сіе постановленіе отнынѣ признается принадлежащимъ къ общему народному европейскому праву и утверждается ихъ взаимнымъ ручательствомъ.

Судоходство по Дунаю не будетъ подлежать никакимъ затрудненіямъ и пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя именно опредѣлятся нижеслѣдующими статьями. Вслѣдствіе сего не будетъ взимаемо никакой платы собственно за самое судоходство по рѣкѣ, и никакой пошлины съ товаровъ, составляющихъ грузъ судовъ. Правила полицейскія и карантинныя, нужныя для безопасности государствъ, прибрежныхъ сей рѣкѣ, должны быть составлены такимъ образомъ, чтобъ оныя сколь можно

болѣе благопріятствовали движенію судовъ. Кромѣ сихъ правилъ, свободному судоходству не будетъ постановляемо никакого рода препятствій.

Ст. 16. Для приведенія въ дѣйствіе постановленій предыдущей статьи учредится коммисія, въ коей Россія, Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія, Сардинія и Турція будутъ имѣть каждая своего депутата. Сей коммисіи будетъ поручено предназначить и привести въ исполненіе работы, нужныя для очистки дунайскихъ гирлъ, начиная отъ Исакчи и прилегающихъ къ онымъ частей моря, отъ песка и другихъ заграждающихъ оныя препятствій, дабы сія часть рѣки и упомянутая часть моря сдѣлались вполнѣ удобными для судоходства.

Для покрытія расходовъ, нужныхъ, какъ для сихъ работъ, такъ и на заведенія, имѣющія цѣлью облегчить и обезпечить судоходство по дунайскимъ гирламъ, будутъ постановлены постоянныя съ судовъ, соразмѣрныя съ надобностью, пошлины, которыя должны быть опредѣлены коммисіею по большинству голосовъ и съ непремѣннымъ условіемъ, что въ семъ отношеніи и во всѣхъ другихъ соблюдаемо будетъ совершенное равенство относительно флаговъ всѣхъ націй.

Ст. 17. Будетъ также учреждена коммисія изъ членовъ Австріи, Баваріи, Блистательной Порты и Виртемберга (по одному отъ каждой изъ сихъ державъ). Къ нимъ будутъ присоединены и коммисары трехъ Придунайскихъ княжествъ, назначаемые съ утвержденія Порты. Сія коммисія, которая должна быть постоянною, имѣетъ: 1-ое составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2-ое устранить всѣ какого либо рода препятствія, которыя встрѣчаетъ еще примѣненіе постановленій Вѣнскаго трактата къ Дунаю; 3-е предположить и привести въ исполненіе нужныя по всему теченію Дуная работы; 4-е по упраздненіи общей предназначаемой.

Ст. 17. Европейской коммисіи наблюдать за содержаніемъ въ надлежащемъ для судоходства состояніи Дунайскихъ гирлъ и частей моря, къ нимъ прилегающихъ.

Ст. 18. Общая европейская коммисія должна исполнить

все сіе поручаемое, а коммисія прибрежная, привести къ окончанію всѣ работы, означенныя въ прошедшей статьѣ подъ №№ 1 и 2, въ теченіи двухъ лѣтъ. По полученіи о томъ извѣстія, державы, заключившія сей трактатъ, постановятъ опредѣленіе объ упраздненіи общей европейской коммисіи и съ сего времени постоянной прибрежной коммисіи передана будетъ власть, которою дотолѣ имѣетъ быть облечена общая европейская.

Ст. 19. Дабы обезпечить исполненіе правилъ, кои съ общаго согласія будутъ постановлены на основаніи изложенныхъ выше сего началъ, каждая изъ договаривающихся державъ будетъ имѣть право содержать во всякое время по два легкихъ морскихъ судна у дунайскихъ устьевъ.

Ст. 20. Въ замѣнъ городовъ, портовъ и земель, означенныхъ въ ст. 4-й настоящаго трактата, и для вящаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю, Его Величество императоръ Всероссійскій соглашается на проведеніе новой граничной черты въ Бессарабіи.

Ст. 21. Началомъ сей граничной черты постановляется пунктъ на берегу Чернаго моря въ разстояніи на одинъ километръ къ востоку отъ соленаго озера Бурнаса, она примкнетъ перпендикулярно къ Акерманской дорогѣ, по коей будетъ слѣдовать до Трояна вала, пойдетъ южнѣе Бѣлграда, и потомъ вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Прутѣ. Отъ сего пункта вверхъ по рѣкѣ прежняя между обѣими имперіями граница остается безъ измѣненія. Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными коммисарами договаривающихся державъ.

Ст. 22. Пространство земли, уступленное Россіею, будетъ присоединено къ княжеству Молдавскому подъ верховною властью Блистательной Порты. Живущіе на семъ пространствѣ земли будутъ подъ верховною властью Порты, и при ручательствѣ договаривающихся державъ пользоваться преимуществами и льготами, коими пользуются нынѣ. Ни которой изъ ручающихся державъ не предоставляется исключительнаго надъ оными покровительства. Не допускается никакого особаго права вмѣшательства во внутреніи дѣла ихъ.

Ст. 23. Блистательная Порта обязуется оставить въ сихъ княжествахъ независимое и національное управленіе, а равно и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Дѣйствующіе нынѣ въ оныхъ законы и уставы будутъ пересмотрѣны особенною коммисіею, о составѣ коей высокія договаривающіяся державы имѣютъ условиться. Сія коммисія должна безъ отлагательства собраться въ Бухарестѣ, при оной будетъ находиться коммисаръ Блистательной Порты.

Сія коммисія имѣетъ изслѣдовать настоящее положеніе княжествъ и предложить основанія ихъ будущаго устройства.

Ст. 24. Его Величество Султанъ обѣщаетъ немедленно созвать въ каждой изъ двухъ областей нарочный для того Диванъ который долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ служить вѣрнымъ представителемъ пользъ всѣхъ сословій общества. Симъ Диванамъ будетъ поручено выразить желанія народонаселенія касательно окончательнаго устройства княжествъ.

Отношенія коммисіи къ симъ Диванамъ опредѣляются особою отъ конгресса инструкціею.

Ст. 25. Принявъ мнѣніе, которое будетъ представлено обоими Диванами, въ надлежащее соображеніе, коммисія немедленно сообщитъ въ настоящее мѣсто засѣданія Конференціи результаты своего собственнаго труда.

Окончательное соглашеніе съ верховною надъ княжествами державою должно быть утверждено конвенціею, которая будетъ заключена высокими договаривающимися сторонами въ Парижѣ и хати—шерифомъ, согласнымъ съ постановленіями конвенціи, дано будетъ окончательное устройство симъ областямъ при общемъ ручательствѣ всѣхъ подписавшихся державъ.

Ст. 26. Въ княжествахъ будетъ національная вооруженная сила для охраненія внутренней безопасности и обезпеченія безопасности границъ. Никакія препятствія не будутъ допускаемы въ случаѣ чрезвычайныхъ мѣръ обороны, которыя съ согласія Блистательной Порты могутъ быть приняты въ княжествахъ для отраженія нашествія извнѣ.

Ст. 27. Если внутреннее спокойствіе княжествъ подвергнется опасности или будетъ нарушено, то Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ прочими договаривающимися державами о мѣрахъ, нужныхъ для сохраненія или возстановленія законнаго порядка. Безъ предварительнаго соглашенія между сими державами не можетъ быть никакого вооруженнаго вмѣшательства.

Ст. 28. Княжество Сербское остается какъ прежде подъ верховною властью Блистательной Порты, согласно съ императорскими хати-шерифами, утверждающими и опредѣляющими права и преимущества онаго, при общемъ совокупномъ ручательствѣ договаривающихся державъ.

Въ слѣдствіе сего означенное княжество сохранитъ свое національное управленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства.

Ст. 29. Блистательная Порта сохраняетъ опредѣленное прежними постановленіями право содержанія гарнизона. Безъ предварительнаго соглашенія между высокими договаривающимися державами не можетъ быть допущено никакое вооруженное въ Сербіи вмѣшательство.

Ст. 30. Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Султанъ сохраняютъ въ цѣлости владѣнія свои въ Азіи въ томъ составѣ, въ коемъ они законно находились до разрыва.

Во избѣжаніе всякихъ мѣстныхъ споровъ, линіи границы будутъ повѣрены и, въ случаѣ надобности, исправлены, но такимъ образомъ, чтобы отъ сего не могло произойти никакого въ поземельномъ владѣніи ущерба, ни для той, ни для другой стороны.

На сей конецъ, немедленно по возстановленіи дипломатическихъ сношеній между Россійскимъ дворомъ и Блистательною Портою, послана будетъ на мѣсто составленная изъ двухъ коммисаровъ россійскихъ, двухъ коммисаровъ оттоманскихъ одного коммисара французскаго и одного коммисара англійскаго, коммисія. Она должна исполнить возлагаемое на нее дѣло въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, считая со дня размѣна ратификацій настоящаго трактата.

Ст. 31. Земли, занятыя во время войны войсками Ихъ Величествъ императора Австрійскаго, императора Французовъ, королевы соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи и короля Сардинскаго, на основаніи конвенцій, подписанныхъ въ Константинополѣ 12-го марта 1854 года между Франціею, Великобританіею и блистательною Портою, 14-го іюня того же года между Блистательною Портою и Австріею, а 15-го марта 1855 г. между Сардиніею и Блистательною Портой, будутъ очищены послѣ размѣна ратификацій настоящаго трактата, въ скорѣйшее по возможности время. Для опредѣленія сроковъ и средствъ исполненія сего, имѣетъ послѣдовать соглашеніе между Блистательною Портою и державами, коихъ войска занимали земли ея владѣній.

Ст. 32. Доколѣ трактаты или конвенціи, существовавшіе до войны между воевавшими державами не будутъ возобновлены или замѣнены новыми актами, взаимная торговля, какъ привозная такъ и отпускная, должна производиться на основаніи постановленій, имѣвшихъ силу и дѣйствіе до войны, и съ подданными сихъ державъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поступаемо будетъ наравнѣ съ націями наиболѣе благопріятствуемыми.

Ст. 33. Конвенція, заключенная сего числа между Его Величествомъ императоромъ Всероссійскимъ съ одной и Ихъ Величествами императоромъ Французовъ и королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи съ другой стороны, относительно островов Аландскихъ прилагается и остается приложенною къ настоящему трактату и будетъ имѣть таковую же силу и дѣйствіе, какъ если бы она составляла неотдѣльную часть его.

Ст. 34. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи онаго будутъ размѣнены въ Парижѣ въ теченіи четырехъ недѣль, а ежели можно и прежде.

Статья дополнительная и временная.

Постановленія подписанной сего числа конвенціи о проливахъ не будутъ примѣняемы къ военнымъ судамъ, кои вое-

вавшими державами употреблены будутъ для вывода морскимъ путемъ войскъ ихъ изъ земель ими занимаемыхъ. Сіи постановленія войдутъ въ полную силу, какъ только сей выводъ войскъ будетъ приведенъ къ окончанію.

Первое прибавленіе.

Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Австрійскій, императоръ Французовъ, королева соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, король Прусскій, подписавшіе конвенцію 13 іюля 1841 года и Его Величество король Сардинскій, желая ознаменовать совокупно единодушную свою рѣшимость сообразоваться съ древнимъ правиломъ Оттоманской имперіи, по коему проливы Дарданеллы и Босфоръ закрыты для иностранныхъ военныхъ судовъ доколѣ Порта находится въ мирѣ. Ихъ Величества съ одной стороны и Его Величество Султанъ съ другой, положили возобновить конвенцію, заключенную въ Лондонѣ 13 іюля 1841 года, съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, ни мало не нарушающими основныхъ началъ ея. Поэтому ихъ представители, по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1. Его Величество Султанъ съ одной стороны объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе соблюдать на будущее время постановленіе, неизмѣнно принимавшееся какъ древнее правило его имперіи, въ силу коего всегда было воспрещаемо военнымъ судамъ державъ иностранныхъ входить въ проливы Дарданеллы и Босфоръ, и что доколѣ Порта будетъ находиться въ мирѣ, Его Величество не допуститъ никакого иностраннаго военнаго судна въ означенные проливы.

А Ихъ Величества императоръ Всероссійскій, императоръ Австрійскій, императоръ Французовъ, королева соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, король Прусскій, король Сардинскій съ другой стороны обязуются уважать сіе рѣшеніе Султана и сообразоваться съ выше означеннымъ правиломъ.

Ст. 2. Султанъ предоставляетъ себѣ, какъ и прежде, выдавать фирманы для прохода легкихъ подъ военнымъ флагомъ судовъ, которыя будутъ употребляемы по существующему обыкновенію при миссіяхъ дружественныхъ съ Портою державъ.

Ст. 3. Тоже самое изъятіе допускается въ отношеніи къ легкимъ подъ военнымъ флагомъ судамъ, которыя каждая изъ договаривающихся державъ имѣетъ право содержать при устьяхъ Дуная, для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по сей рѣкѣ, и коихъ число не должно превышать двухъ для каждой державы.

Ст. 4. Настоящая конвенція приложится къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, а ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіе четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Приложеніе второе.

Его Величество императоръ Всероссійскій и Его императорское Величество Султанъ, принявъ въ соображеніе правило о нейтральности Чернаго моря, постановленное въ предварительныхъ условіяхъ, внесенныхъ въ протоколъ за № 1, подписанный въ Парижѣ 25 февраля сего года, и желая вслѣдствіе сего опредѣлить съ общаго согласія число и силу легкихъ судовъ, которые они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежію распоряженій, положили заключить особую на сей конецъ конвенцію и назначили для того уполномоченныхъ, кои, по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1-ая. Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются не имѣть въ Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ, коихъ число, сила и размѣры опредѣлены, какъ ниже слѣдуетъ.

Ст. 2. Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ содержать каждая по шести въ означенномъ морѣ па-

ровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстительностью не свыше 800 тоннъ, и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Ст. 3. Настоящая конвенція приложенная къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Приложеніе третье.

Его Величество императоръ Всероссійскій, Его Величество императоръ Французовъ и Ея Величество королева соединеннаго королества Великобританіи и Ирландіи, желая распространить на Балтійское море то согласіе, которое столь счастливо возстановлено между ими на востокѣ, и симъ упрочить блага общаго мира, положили заключить конвенцію и назначили для сего уполномоченныхъ, кои по размѣнѣ полномочій своихъ, найденныхъ ими въ надлежащемъ порядкѣ, постановили слѣдующія статьи:

Ст. 1-ая. Его Величество императоръ Всероссійскій согласно съ желаніемъ изъявленнымъ ему Ихъ Величествами императоромъ Французовъ и королевою соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, объявляетъ что Аландскіе острова не будутъ укрѣпляемы и что на оныхъ не будетъ содержимо ни вновь сооружено никакого военнаго или морскаго заведенія.

Ст. 2-ая. Настоящая конвенція, приложенная къ общему трактату, подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно и прежде.

Декларація 16-го апрѣля 1856 года, опредѣляющая различныя условія морскаго права. [1])

Уполномоченные, подписавшіе парижскій трактатъ, собравшись на совѣщаніе и принимая во вниманіе:

Что въ военное время морское право, было всегда предметомъ прискорбныхъ разногласій;

Что неопредѣленность самаго права и налагаемыхъ имъ обязательствъ нерѣдко возбуждаютъ между воюющими и нейтральными сторонами недоразумѣнія, способныя привести къ серьезнымъ затрудненіямъ и столкновеніямъ;

Что, слѣдовательно, желательно установить по столь важному вопросу общія правила;

Что уполномоченные, собравшіеся на парижскій конгрессъ, поступятъ вполнѣ соотвѣтственно съ видами ихъ правительствъ, если опредѣлятъ для такихъ международныхъ отношеній постоянныя неизмѣнныя начала;

Поэтому, и въ силу данныхъ имъ довѣренностей, уполномоченные рѣшились достигнуть этой цѣли; а по обсужденіи вопроса, придя къ соглашенію, составили слѣдующую торжественную декларацію:

1. Непріязненныя дѣйствія по прежнему не допускаются.

---

[1]) 15-го апрѣля 1856 года былъ кромѣ того заключенъ въ Парижѣ между Англіей, Австріей и Франціей договоръ, имѣвшій цѣлью оффиціально гарантировать существованіе Оттоманской имперіи. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ трехъ статей:

Ст. 1. Высокія договаривающіяся стороны, какъ отдѣльно каждая, такъ и всѣ въ совокупности, гарантируютъ независимость и цѣлость Оттоманской имперіи въ границахъ, опредѣленныхъ трактатомъ, заключеннымъ въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 г.

Ст. 2. Всякое нарушеніе постановленій вышесказаннаго трактата будетъ признано державами, подписавшими настоящій договоръ, за „casus belli“. Онѣ условятся съ Блистательною Портою относительно необходимыхъ мѣръ и безотлагательно опредѣлятъ между собою, въ какихъ случаяхъ ихъ морскія и сухопутныя силы должны приступать къ дѣйствіямъ.

Ст. 3. Обмѣнъ ратификацій настоящаго договора послѣдуетъ въ двухнедѣльный срокъ, а буде возможно, то и ранѣе.

2. Нейтральный флагъ обезпечиваетъ неприкосновенность товаровъ непріятеля, за исключеніемъ предметовъ, признаваемыхъ военною контрабандою.

3. Товары, принадлежащіе лицамъ нейтральныхъ націй, (за исключеніемъ военной контрабанды), перевозимые на судахъ, плавающихъ подъ непріятельскимъ флагомъ, не должны подлежать захвату.

4. Блокада только тогда признается обязательною, когда она дѣйствительна, т. е. настолько сильна, чтобы могла преграждать подступъ къ непріятельскимъ берегамъ.

Правительства подписавшихъ эту декларацію уполномоченныхъ обязываются сообщить содержаніе ея государствамъ, не принимавшимъ участія въ парижскомъ конгрессѣ, и предложить имъ принять таковую.

Убѣждаясь, что установленныя правила будутъ признательно одобрены цѣлымъ свѣтомъ, уполномоченные подписавшіе декларацію, надѣются, что старанія ихъ правительствъ относительно общаго принятія таковой увѣнчаются несомнѣннымъ успѣхомъ.

Настоящая декларація обязательна и будетъ таковою только для тѣхъ державъ, которыя ее приняли или примутъ.

Нужно-ли припоминать, сколько тяжелыхъ жертвъ принесла Россія, принимая условія этого трактата? Не говоря уже объ уступкѣ части территоріи, ей былъ нанесенъ другой, болѣе роковой ударъ: нейтрализація Чернаго моря не только оскорбляла ея достоинство, но и пагубно отзывалась на ея благосостояніи. По заключеніи Ясскаго трактата 1792 года, утвердившаго за императрицею Екатериною обладаніе Крымомъ, островомъ Табанью, частью Кубанскихъ земель и Бессарабіей,— русское правительство, имѣя превосходный флотъ и первостепенный портъ, пользовалось до исхода послѣдней войны исключительнымъ, господствующимъ вліяніемъ на православную райю, проживающую во всѣхъ областяхъ Оттоманской имперіи. Покровительство, которое она оказывала Дунайскимъ княжествамъ, имѣло даже болѣе значенія, чѣмъ верховное владычество надъ ними султана.

Властвуя на Черномъ морѣ и охраняя Константинополь, Россія была дѣйствительною владычицею востока. [1])

Вліяніе ея на Персію было безпредѣльно; вполнѣ возвратить себѣ таковое ей не удалось и до настоящаго времени. Оно распространялось также на Европу и за предѣлами Оттоманской имперіи, такъ какъ положеніе, занимаемое Россіей въ Черномъ морѣ, предоставляло ей послѣднее слово во всѣхъ вопросахъ, относившихся до восточныхъ дѣлъ.

Парижскій трактатъ мгновенно лишилъ ее всего: гордость и слава Россіи, ея черноморскій флотъ, погибъ подъ Севастополемъ, и соорудить его вновь было невозможно; русская торговля въ Черномъ морѣ и его побережья не были уже охраняемы.

При всемъ томъ Россія отнеслась къ парижскому трактату какъ къ неизбѣжной жертвѣ и какъ къ истинному благодѣянію. Война 1856 года сорвала повязку съ глазъ русскаго народа и обнаружила гнойныя язвы, подтачивавшія внутренній организмъ имперіи.

Императоръ Александръ II возвѣстилъ Россіи, что всецѣло посвятилъ себя проведенію внутреннихъ преобразованій,— и народъ восторженно послѣдовалъ за нимъ. Этотъ новый путь, указанный Россіи великодушіемъ и мудростью ея монарха, миролюбиво привелъ ее черезъ 14 лѣтъ къ занятію вновь того положенія на Черномъ морѣ, которое несомнѣнно принадлежитъ ей по праву.

«Россія не злобствуетъ»,—сказалъ всѣми глубоко почитаемый русскій канцлеръ,—«она крѣпнетъ». И это вполнѣ справедливо. Россія дѣйствительно окрѣпла!

ГЛАВА VIII.

Пересмотръ трактата 1856 г. Лондонскія конференціи. Лондонскій трактатъ 13 марта 1871 г.

Съ того времени, какъ впервые раздался въ Европѣ голосъ Россіи, положеніе ея и предназначенная ей роль были

[1]) Annuaire des deux mondes, 1855—1856.

самыя блестящія. Вліяніе ея росло соразмѣрно съ расширеніемъ границъ и воинскою славой, и ни одно важное европейское событіе не совершилось безъ ея рѣшающаго участія. Въ теченіи полутораста лѣтъ русскія войска побѣдоносно исходили всю Европу, не испытавъ до послѣдней войны ни одного серьезнаго пораженія. За то и распространеніе ея владѣній въ такой короткій періодъ времени представляется единственнымъ примѣромъ въ исторіи: съ 1772 года она успѣла почти вдвое увеличить свою территорію.

Въ теченіи 80 лѣтъ, Россія на 350 миль приблизила свои границы къ Вѣнѣ, Берлину, Мюнхену, Дрездену и Парижу. Ея двуглавый орелъ красовался на варшавской цитадели, и ея инженеры укрѣпляли Аландскіе острова, угрожая тѣмъ Стокгольму.

Земли, отнятыя Россіей у Швеціи, составляютъ болѣе половины этого королевства; пространство присоединенной къ ней Польши равняется всей Австрійской имперіи; области же, завоеванныя у Персіи, почти не уступаютъ величиною Англіи.

Но самыми блестящими успѣхами ознаменовались дѣйствія Россіи на Востокѣ, гдѣ она поэтому и сдѣлала наибольшія пріобрѣтенія. По силѣ трактатовъ: кучукъ-кайнарджійскаго, ясскаго, бухарестскаго, адріанопольскаго и другихъ, къ Россіи отошли отъ европейской Турціи земли, равныя пространствомъ владѣніямъ Пруссіи до 1871 г., за исключеніемъ Рейнскихъ провинцій; въ Азіатской же Турціи она пріобрѣла территорію, на которой могли-бы свободно умѣститься соединенныя владѣнія Голландіи, Бельгіи, Рейнскихъ провинцій и второстепенныхъ государствъ Германіи.

Такое быстрое и громадное распространеніе русскаго владычества не могло не обратить вниманія Европы; она увѣровала въ величіе, могущество и несокрушимую силу оружія Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались опасенія, что преобладающее вліяніе Россіи утвердится повсемѣстно. Западныя державы, трепетно взирая на грозное развитіе могущества юной сѣверной державы, неоднократно пытались ставить таковому преграды, но далеко не достигали своихъ цѣлей; напротивъ, Рос-

сія постоянно выходила торжествующею изъ борьбы, умножая лишь тѣмъ обаяніе своей славы.

Апоѳеозомъ величія Россіи былъ 1815 годъ; взоры всѣхъ были тогда обращены къ ней. И эта дань уваженія и признательности принадлежала Россіи по праву: она избавила Европу отъ деспота и возвратила ей независимость.

Съ тѣхъ поръ вліяніе русскихъ монарховъ на дѣла континента не прекращалось, а для того, чтобы поставить таковому преграду, потребовалась коалиція могущественнѣйшихъ державъ. Трактатъ 1856 г. „повидимому“ сулилъ, что такъ настойчиво и долго преслѣдуемая цѣль, наконецъ, достигнута.

Нельзя не признать, что дѣйствительно съ той поры Россія уже не помышляла болѣе ни о распространеніи своихъ владѣній, ни о новыхъ побѣдахъ;—за то внутренними преобразованіями, совершавшимися во всѣхъ отрасляхъ ея государственнаго строя, она одерживала, такъ сказать, «мирныя побѣды», по послѣдствіямъ своимъ болѣе важныя и благотворныя, чѣмъ тѣ, которыя доставались ей цѣною дорогой крови ея сыновъ!

Пораженіе, нанесенное Россіи, наглядно убѣдило ея враговъ, что могущество этой державы вовсе не такъ грозно, какъ полагали; поэтому они не сочли даже нужнымъ заручиться гарантіями, что трактатъ 1856 года не будетъ ею нарушенъ. Паденіе Севастополя мгновенно измѣнило воззрѣнія общественнаго мнѣнія Европы, а западныя державы, донельзя преувеличивавшія прежде опасности, которыми, будто бы, угрожала имъ Россія, не задумались признать ее неспособною чѣмъ-либо ихъ тревожить. Съ того времени всѣ ихъ усилія направлялись лишь къ тому, чтобы оскорблять и унижать Россію: ей воспрещалась даже свобода дѣйствій на ея собственной территоріи и водахъ, омывающихъ таковую! Въ ослѣпленіи своемъ державы упорствовали сознать, что трактатъ, основанный на началахъ, унизительныхъ для одной изъ договорившихся сторонъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться прочнымъ; это тѣмъ болѣе было примѣнимо къ трактату 1856 года, что онъ представлялся скорѣе послѣдствіемъ

совокупленія случайныхъ обстоятельствъ, чѣмъ нарушеніемъ международныхъ интересовъ.

Приступимъ къ уясненію фактовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ войнѣ 1854 года на долю Франціи выпали наибольшія жертвы, и что только боевыя ея силы способствовали достиженію желаемыхъ результатовъ; но достовѣрно также и то, что французскій народъ былъ тутъ ни причемъ. Не гласъ его, не неумолимая необходимость вызвали восточную войну; тотъ, кому французы беззаботно дозволили захватить надъ собою власть, побуждаемый желаніемъ осуществить эгоистическія цѣли и угодить Англіи, вовлекъ ихъ въ эту борьбу, поглотившую около сотни тысячъ человѣческихъ жизней и милліарды франковъ денегъ. Франція не извлекла изъ нея никакой пользы; она не имѣла даже утѣшенія долго восхищаться новыми побѣдными лаврами, которыми увѣнчались ея войска...

Поэтому, какъ французы, такъ и англичане были совершенно правы, повторяя всѣмъ извѣстную фразу: «агентъ Пальмерстона въ Версали—Наполеонъ III».

Участіе Сардиніи, какъ въ войнѣ, такъ и въ подписаніи трактата было совершенно случайное, и не имѣло ничего общаго съ цѣлями, преслѣдуемыми другими державами. Оказывая матеріяльное содѣйствіе союзникамъ, она вовсе не озабочивалась мыслью объ усиленіи или ослабленіи могущества Россіи, а имѣла лишь въ виду пріобрѣсти право послать своихъ уполномоченныхъ на предстоявшій конгрессъ, притомъ съ увѣренностью, что заявленія ихъ о нуждахъ Италіи будутъ приняты сочувственно.

Турція тоже не признавала себя заинтересованною поставлять на Черномъ морѣ преграды могуществу своей сосѣдки; притомъ она не была въ то время еще достаточно сильна, чтобы впутаться въ войну, не обѣщавшую ей особыхъ выгодъ. Никакія усилія союзниковъ привлечь Пруссію на свою сторону не побудили ея отказаться отъ соблюденія нейтралитета; они даже едва могли уговорить ее прислать въ Парижъ уполномоченныхъ.

Единственная держава, непосредственно заинтересованная

въ войнѣ 1854 г., была безспорно Англія, признававшая быстрое развитіе русской торговли на востокѣ крайне для себя опаснымъ. Чтобы только воспрепятствовать успѣхамъ своей соперницы, Англія не задумываясь была готова на всякія жертвы.

Но самое пораженіе, нанесенное Россіи, послужившее исключительнымъ поводомъ къ заключенію во всѣхъ отношеніяхъ стѣснительнаго трактата 1856 г., развѣ не было такою же случайностью, какъ и большая часть началъ, положенныхъ въ его основаніе?

Хотя многіе вполнѣ убѣждены, что императоръ Николай желалъ и вызвалъ войну,—но безпорядки, обнаружившіеся въ гражданскомъ управленіи Россіи, и то неудовлетворительное состояніе войскъ, въ которомъ застало ихъ объявленіе войны Портою, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что ничего не было предусмотрѣно на случай возникновенія общеевропейскаго столкновенія.

Что же этимъ доказывается? Или что Россія убаюкивала себя непростительнымъ самообольщеніемъ относительно боевой своей способности,—или,—и это гораздо вѣрнѣе,—что императоръ Николай вовсе не желалъ ни начинать, ни вызывать войны.

На чемъ-же основано убѣжденіе недруговъ Россіи? Единственно на пресловутыхъ переговорахъ съ Англіей!... Но мы уже знаемъ, что императоръ возбудилъ эти переговоры лишь въ предвидѣніи неизбѣжнаго паденія Оттоманской имперіи и могущихъ возникнуть въ такомъ случаѣ усложненій. Для чего же придавать имъ иное, произвольное значеніе?

Нѣтъ,—Россія не могла желать войны, потому что правительство ея хорошо знало, что арсеналы и магазины его пусты, и что войска вооружены ружьями старой системы, негодными для борьбы съ врагомъ, имѣющимъ скорострѣльное оружіе; притомъ не были заранѣе припасены капиталы, необходимые для удовлетворенія военныхъ потребностей, а Севастопольскія укрѣпленія не были приспособлены для защиты отъ нападенія съ сухаго пути... Неужели-же все это возможно приписать случайности или безпечности? Однако союзники,

упоенные успѣхомъ, весьма скоро отрѣшились отъ страха, который внушала имъ еще такъ недавно мысль о могуществѣ Россіи! Неудивительно-ли, что временное, во всякомъ случаѣ не сулившее долго продлиться, ослабленіе Россіи могло убѣдить ихъ, что она никогда болѣе не оправится, и привести къ заключенію Парижскаго трактата.

Отъ Россіи, какъ мы уже знаемъ, вовсе не требовалось серьезныхъ гарантій ненарушимости трактата; довольствуясь лишь отторженіемъ отъ нея клочка земли, признали, что она уже навсегда лишилась возможности оправиться и благоденствовать.

Ограничивъ свободу дѣйствій Россіи на ея собственной территоріи, Европа жестоко оскорбила ее; поэтому съ трудомъ вѣрится, чтобы кабинеты могли предположить, что великая сѣверная держава постоянно будетъ подчиняться унизительнымъ требованіямъ и условіямъ, несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ, какъ государства самоуправнаго и независимаго?

Но, и кромѣ этого, положенныя въ основанія Парижскаго трактата начала не предвѣщали ему долгаго существованія. Едва прошло 14 лѣтъ, и уже причины, вызвавшія его заключеніе, не существовали болѣе! Россія 1856 г., не имѣвшая ни денежныхъ средствъ, ни желѣзныхъ дорогъ, — не пользовавшаяся у себя дома правомъ гласно обсуждать положеніе дѣлъ и изыскивать средства къ ихъ улучшенію,—Россія, такъ устрашавшая нѣкогда Европу,—въ 1870 году уже не существовала болѣе!

Что-же сталось тогда съ статьями Парижскаго трактата, вполнѣ неосновательно возлагавшими на прежнюю Россію обязательство соблюдать нейтралитетъ Чернаго моря и ограничить число содержимыхъ ею тамъ военныхъ судовъ? Европу уже не озабочивала болѣе основная идея Парижскаго трактата, заключеннаго съ цѣлью положить предѣлъ грозному могуществу Россіи: важныя внутреннія реформы, мирно совершившіяся въ этой странѣ въ теченіи 12 лѣтъ, обратили пресловутый документъ въ мертвую букву, убѣдивъ притомъ, что только онѣ властны представить прочныя гарантіи противъ завоевательныхъ стремленій Россіи, а не 11 и 12 статьи трактата.

Всѣмъ и каждому сдѣлалось ясно, что питать воинственные, завоевательные замыслы одновременно съ проведеніемъ реформъ и крупныхъ преобразованій во всемъ государственномъ строѣ,—невозможно. Россія вполнѣ сознала, что расширеніе ея границъ не доставитъ ей никакихъ выгодъ и помирилась съ мыслью о своемъ недавнемъ погромѣ. Она прозрѣла, убѣдясь, что многое у нея не въ порядкѣ, и благоразумно рѣшилась никого ни въ чемъ не обвинять и ни на кого не злобствовать за свои неудачи, а исправивъ ошибки прошлаго, окрѣпнуть силами. Съ того времени всѣ опасенія Европы должны были прекратиться, такъ какъ Россія всецѣло посвятила себя дѣлу умиротворенія и громаднаго труда.

Но безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра прогрессивное движеніе, совершившееся и еще нынѣ продолжающееся въ ней съ 1856 г., выдвинуло на цѣлое столѣтіе впередъ ту слабую, потрясенную пораженіемъ Россію, которая не могла отстоять Севастополя и скрѣпила своею подписью Парижскій трактатъ.

Сознаніе собственнаго достоинства не дозволяло долѣе Россіи стѣснять свободу своихъ дѣйствій у себя дома и соблюдать силу устарѣвшихъ обязательствъ, несогласныхъ притомъ съ занимаемымъ ею положеніемъ.

Она не могла также выносить долѣе униженія, которому подвергла ее неумолимая сила обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что державы, подписавшія 11 и 12 статьи трактата, сами сознавали, что документъ, наиболѣе существенную часть котораго онѣ составляли, уже не соотвѣтствовалъ предполагавшимся цѣлямъ.

Пересмотръ его представлялся настоятельно необходимымъ, чтобы прійдти къ дружественному соглашенію; въ противномъ случаѣ кто могъ бы имѣть право осудить Россію за отказъ выполнять оскорбительныя для ея самолюбія статьи трактата, нарушеніе котораго неоднократно уже допускалось другими, участвовавшими въ подписаніи его державами?

Въ виду перемѣнъ, совершившихся въ Россіи, Европа не могла усматривать въ ея отказѣ посягательства на нарушеніе своего спокойствія; она не имѣла также надобности настаивать на соблюденіи условій, оскорбительныхъ для дружествен-

ной державы, которая еще недавно, въ самый разгаръ франко-прусской распри, несомнѣнно обнаружила свое миролюбіе. Въ то время Россія имѣла полную возможность заставить уважать свои требованія,—но признавая, что такая мѣра имѣла-бы видъ насилія, она отвергла ее и предпочла откровенно и дружелюбно обратиться къ справедливости державъ участницъ.

Въ 1870 году всѣ шансы успѣха были видимо на сторонѣ Россіи: положеніе всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, за исключеніемъ Англіи, совершенно измѣнилось, а интересы ихъ затрогивались иными соображеніями.

Что же касается Англіи, то при всемъ ея желаніи поддержать ненарушимость Парижскаго трактата, это бы ей не удалось. Наполеоновская Франція, такъ усердно и мощно помогавшая ей,—не существовала болѣе!

Просвѣщенная мудрость государственнаго дѣятеля, стоящаго во главѣ внѣшней политики Россіи, опредѣлила минуту, благопріятную для начатія дѣйствій; новыя побѣды Пруссіи могли чрезмѣрно возбудить ея гордость, и тѣмъ затруднить хотя весьма сложное, но все же возможное разрѣшеніе возбуждаемаго вопроса.

Такимъ образомъ $^{19}/_{31}$ октября князь Горчаковъ препроводилъ барону Бруннову циркуляръ, приводимый нами у сего цѣликомъ, такъ какъ онъ составляетъ наиболѣе замѣчательный документъ въ исторіи русской дипломатіи:

„Неоднократныя нарушенія, которымъ въ послѣдніе годы подверглись договоры, почитаемые основаніемъ европейскаго равновѣсія, поставили императорскій кабинетъ въ необходимость вникнуть въ ихъ значеніе по отношенію къ политическому положенію Россіи. Въ числѣ этихъ договоровъ къ Россіи наиболѣе непосредственно относится трактатъ 18-го (30) марта 1856 года.

Въ отдѣльной конвенціи между обѣими прибрежными державами Чернаго моря, составляющей приложеніе къ трактату, заключается обязательство Россіи ограничить свои морскія силы до самыхъ малыхъ размѣровъ.

Съ другой стороны трактатъ установилъ основное начало нейтрализаціи Чернаго моря.

Державы, подписавшія трактатъ, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновеній какъ между прибрежными государствами, такъ равно и между послѣдними и морскими державами. Оно долженствовало умножить число странъ, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благодѣяніями нейтрализаціи, и такимъ образомъ ограждать и Россію отъ всякой опасности нападенія.

Пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ, что это начало, отъ котораго зависитъ безопасность границы Россійской имперіи съ этой стороны, во всемъ ея протяженіи, имѣетъ лишь теоретическое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ Россія разоружалась въ Черномъ морѣ и даже, посредствомъ деклараціи включенной въ протоколы конференцій, прямодушно воспрещала самой себѣ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ морской обороны въ прилежащихъ моряхъ и портахъ, Турція сохраняла право содержать въ Архипелагѣ и въ проливахъ морскія силы въ неограниченномъ размѣрѣ; Франція и Англія могли по прежнему сосредоточивать свои эскадры въ Средиземномъ морѣ.

Сверхъ того по выраженію трактата, входъ въ Черное море формально и навсегда воспрещенъ военному флагу какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ другихъ державъ; но, въ силу такъ называемой конвенціи о проливахъ, проходъ черезъ эти проливы воспрещенъ военнымъ флагамъ лишь во время мира. Изъ этого противорѣчія проистекаетъ то, что берега Россійской имперіи открыты для всякаго нападенія, даже со стороны державъ менѣе могущественныхъ, если только онѣ располагаютъ морскими силами, противъ которыхъ Россія могла бы выставить лишь нѣсколько судовъ слабыхъ размѣровъ.

Впрочемъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 г. не избѣжалъ нарушеній, которымъ подверглась большая часть европейскихъ договоровъ; въ виду этихъ нарушеній трудно было бы утверждать, что опирающееся на уваженіи къ трактатамъ (этимъ основамъ права международнаго и отношеній между

государствами), писанное право сохранило ту же нравственную силу, которую оно могло имѣть въ прежнія времена.

Всѣ видѣли, какъ княжества Молдавія и Валахія, судьба которыхъ, подъ ручательствомъ великихъ державъ, была опредѣлена трактатомъ и послѣдующими протоколами, прошли черезъ цѣлый рядъ переворотовъ, которые, будучи противны духу и буквѣ договоровъ, привели ихъ сперва къ соединенію, а потомъ къ призванію иностраннаго принца. Эти событія произошли свѣдома Порты и были допущены великими державами, которыя по крайней мѣрѣ не сочли нужнымъ заставить уважать свои приговоры.

Только одинъ представитель Россіи возвысилъ голосъ, чтобы указать кабинетамъ, что подобною терпимостью онѣ становятся въ противорѣчіе съ положительными постановленіями трактата.

Разумѣется, что еслибы уступки, дарованныя одной изъ христіанскихъ народностей востока, были послѣдствіемъ всеобщаго соглашенія между кабинетами и Портою, основаннаго на началѣ, которое могло бы быть примѣнено ко всему христіанскому населенію Турціи, то императорскій кабинетъ отнесся бы къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ. Но эти уступки были лишь исключеніемъ.

Императорскій кабинетъ не могъ не быть пораженъ тѣмъ, что такимъ образомъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 года, лишь нѣсколько лѣтъ по заключеніи, могъ быть безнаказанно нарушенъ въ одной изъ своихъ существенныхъ частей передъ лицомъ великихъ державъ, собранныхъ на парижской конференціи и представлявшихъ, въ своей совокупности, сонмъ высшей власти, на которой опирался миръ востока.

Это нарушеніе не было единственнымъ.

Неоднократно и подъ разными предлогами проходъ чрезъ проливы былъ открываемъ для иностранныхъ военныхъ судовъ, и въ Черное море были впускаемы цѣлыя эскадры, присутствіе которыхъ было посягательствомъ противъ присвоеннаго этимъ водамъ полнаго нейтралитета.

При постепенномъ, такимъ образомъ, ослабленіи предоставленныхъ трактатомъ ручательствъ, въ особенности же залога

дѣйствительной нейтрализаціи Чернаго моря, — изобрѣтеніе броненосныхъ судовъ, неизвѣстныхъ и неимѣвшихся въ виду при заключеніи трактата 1856 г., увеличивало для Россіи опасности въ случаѣ войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительныхъ морскихъ силъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ Государь Императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и какія обязанности проистекаютъ для Россіи изъ этихъ перемѣнъ въ общемъ политическомъ положеніи, и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ, которыя Россія не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духомъ недовѣрія къ ней?

По зрѣломъ разсмотрѣніи этого вопроса, Его Императорское Величество соизволилъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя поручается вамъ довести до свѣденія правительства, при которомъ вы уполномочены.

По отношенію къ праву нашъ августѣйшій Государь не можетъ допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многихъ существенныхъ и общихъ статьяхъ своихъ, оставались обязательными по тѣмъ статьямъ, которыя касаются прямыхъ интересовъ его имперіи.

По отношенію-же къ примѣненію, Его Императорское Величество не можетъ допустить, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергаться нарушенію, вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости.

Государь Императоръ, въ довѣріи къ чувству справедливости державъ, подписавшихъ трактатъ 18-го (30-го) марта 1856 года, и къ ихъ сознанію собственнаго достоинства, повелѣваетъ вамъ объявить:

что Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года, — на сколько онѣ ограничиваютъ его верховныя права въ Черномъ морѣ;

что Его Императорское Величество считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить его величеству Султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помяну-

тому трактату конвенціи, опредѣляющей количество и размѣры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ;

что Государь Императоръ прямодушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и гарантировавшія общій трактатъ, существенную часть котораго составляетъ эта отдѣльная конвенція;

что Его Императорское Величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя.

При исполненіи этого порученія, вы употребите стараніе точно опредѣлить, что нашъ Августѣйшій Монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей имперіи.—Въ мысли Его Императорскаго Величества вовсе не входитъ возбужденіе восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе востока и европейское равновѣсіе.

Его Императорское Величество убѣжденъ въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе пріобрѣтутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основаніяхъ, болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ при томъ положеніи, котораго не можетъ принять за естественное условіе своего существованія ни одна великая держава."

Кончая, князь Горчаковъ поручилъ барону Бруннову сообщить циркуляръ и передать копію съ него министру иностранныхъ дѣлъ правительства ея величества королевы.

Перчатка была брошена! Основываясь на недѣйствительность трактата, и не давая себѣ труда перечислять оскорбительныя для нея статьи таковаго, Россія очевидно сама воз-

вращала себѣ право сооруженія въ Черномъ морѣ флота въ количествѣ, какое признаетъ необходимымъ, и возведеніе, по прежнему, по черноморскому побережью арсеналовъ и портовъ.

Отказываясь отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій трактата 1856 года, русское правительство отнюдь не настаивало на ненарушимости остальныхъ; оно заявляло лишь желаніе, чтобы основное начало трактата, т. е. принятіе Турціи въ семью европейскихъ государствъ, не подверглось измѣненію и предлагало державамъ, участвовавшимъ въ его подписаніи, пересмотрѣвъ все касающееся этого предмета, прійдти къ дружелюбному соглашенію.

Циркуляръ князя Горчакова до того взволновалъ общественное мнѣніе Европы, что даже кровавыя событія франко-прусской войны временно отошли на второй планъ.

Что отвѣтятъ иностранные кабинеты, непосредственно заинтересованные ненарушимостью трактата 1856 года?

А между тѣмъ заявленіе, сдѣланное Россіей, никого не могло поразить неожиданностью, потому что вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата уже не впервые былъ возбуждаемъ, хотя, конечно, не столь категорически.

Въ объяснительной депешѣ 20 октября (1 ноября) 1870 г. на имя барона Бруннова, преимущественно имѣвшей въ виду убѣдить Англію, что рѣшеніе, принятое Россіей, отнюдь не измѣнитъ восточной политики Его Величества Императора, — князь Горчаковъ говорилъ:

„Когда въ началѣ 1866 года предполагалось созвать конференцію трехъ державъ для предупрежденія предстоявшей войны въ Германіи, и вы, обсуждая съ графомъ Росселемъ основанія таковой, имѣли случай указать, чѣмъ могла-бы Россія считать себя вознагражденною и обезопасенною, еслибъ допущены были нѣкоторыя измѣненія, способныя нарушить «statu quo» востока,—то благородный лордъ вполнѣ добросовѣстно призналъ справедливость вашихъ заявленій, а равно и то, что всякое извращеніе какъ текста, такъ и точнаго смысла трактата 1856 года, неминуемо должно привести къ пересмотру его.

А хотя тогда никакихъ перемѣнъ на востокѣ не послѣдовало, но лордъ Гренвилль, безъ сомнѣнія, не откажется признать, что въ настоящее время трактатъ несомнѣнно уже подвергся важнымъ измѣненіямъ, и притомъ въ самой существенной его части».

Въ депешѣ русскаго канцлера отъ того-же числа на имя г. Новикова, посла въ Вѣнѣ, предназначенной для предъявленія графу Бейсту, указывалось, что вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата былъ поднятъ еще въ 1859 году самою Австріею.

„Считаю излишнимъ,—писалъ князь Горчаковъ, подробно излагать причины, побудившія нашего августѣйшаго Монарха отказаться отъ исполненій условій трактата 1856 года, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи; онѣ каждому очевидны. Состоя во время его заключенія посломъ въ Вѣнѣ, я открыто выражалъ убѣжденіе, что политическая комбинація эта, отнюдь не ослабляя могущества Россіи, способна лишь постояно возбуждать въ ней неудовольствіе и раздраженіе, а потому вовсе не соотвѣтствуетъ какъ общимъ интересамъ Европы, такъ, въ особенности, пользамъ Австріи“ [1]).

Въ 1859 году, вѣнскій кабинетъ вполнѣ сознавалъ это.

Присланный имъ въ Варшаву баронъ Вернеръ заявилъ намъ убѣжденіе австрійскаго правительства, что созданное трактатомъ 1856 года положеніе Россіи пагубно отзывается на всей Европѣ, такъ какъ устраняетъ императорское правительство отъ той доли участія въ общихъ дѣлахъ, которое принадлежитъ ему по праву въ интересахъ мира и консервативной политики. Въ тоже время вѣнскій кабинетъ добровольно предложилъ намъ свой починъ въ сношеніяхъ съ правительствами, подписавшими трактатъ, относительно его пе-

---

*) Въ засѣданія Вѣнской конференціи 17 апрѣля 1855 года, князь Горчаковъ открыто заявилъ, что никакіе трактаты не заставятъ Россію принять обязательство, ограничивающее ея права на собственной территоріи, и сократить численность своего флота. Графъ Буоль посовѣтовалъ князю согласиться на это условіе, такъ какъ ничто не могло обязать его Государя дѣйствовать по усмотрѣнію въ будущемъ. Это «будущее» наступило въ 1870 году.

ресмотра и уничтоженія статей, признаваемыхъ Россіей особенно оскорбительными.

Затѣмъ князь Горчаковъ указалъ на переписку, возникшую по этому поводу между с.-петербургскимъ, вѣнскимъ, парижскимъ и берлинскимъ кабинетами, и приложилъ съ нея копію, дабы г. Новиковъ „могъ удобнѣе напомнить это обстоятельство графу Бейсту“.

„Впрочемъ, — продолжалъ князь, — г. австро-венгерскій канцлеръ раздѣлялъ эти убѣжденія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за вступленіемъ его въ управленіе политикою Австріи; онъ по собственному побужденію предложилъ намъ тогда созвать европейскій конгрессъ для пересмотра оскорбительныхъ для Россіи постановленій Парижскаго трактата 1856 г., находя мѣру эту весьма полезною, способною упрочить общій миръ сближеніемъ кабинетовъ, устраненіемъ причинъ къ постоянной раздражительности Россіи, и наконецъ возвращеніемъ неотъемлемо принадлежащаго ей права свободно оказывать въ европейскомъ концертѣ свое консервативно-миролюбивое вліяніе.

Въ минувшемъ году, при личномъ свиданіи нашемъ въ Уши, графъ Бейстъ высказался въ такомъ-же смыслѣ.

Искренно поблагодаривъ его, я вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что хотя трактатъ 1856 года и, по нашему убѣжденію, утратилъ свое первоначальное значеніе,—но мы не признаемъ, чтобы настало уже время выяснить по этому поводу окончательныя рѣшенія нашего августѣйшаго Государя.

Вѣнскому кабинету не предстоитъ слѣдовательно теперь надобности принимать на себя инпціативу въ этомъ дѣлѣ. По непреложному ходу событій Россія пріобрѣла неоспоримыя права“....

Затѣмъ, объяснивъ рѣшенія, принятыя русскимъ правительствомъ на основаніи этихъ правъ, канцлеръ предлагалъ г. Новикову сообщить о таковыхъ австрійскому правительству. Наконецъ, оканчивая ноту, князь Горчаковъ выражалъ надежду, что настоящія сообщенія будутъ дружественно приняты вѣнскимъ кабинетомъ, неоднократно предлагавшимъ свое содѣйствіе къ достиженію предположенныхъ цѣлей. «Графъ

Бейстъ конечно убѣдится, что вопросъ этотъ, имѣющій для Россіи несомнѣнно важное значеніе, послужитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и пробнымъ камнемъ для уясненія какъ истинныхъ отношеній къ ней державъ, такъ и тѣхъ, которыми она должна руководиться въ своихъ сношеніяхъ съ ними».

Въ тоже время представители Россіи: во Флоренціи—г. Икскуль, въ Константинополѣ, за отсутствіемъ генерала Игнатьева,—г. Сталь и въ Турѣ—г. Окуневъ—получили циркуляръ 19 октября съ предложеніемъ сообщить его содержаніе правительствамъ, при которыхъ они акредитованы.

Въ «частномъ» письмѣ г. Сталю, приложенномъ къ циркуляру, князь Горчаковъ добавлялъ:

„Не щадите усилій убѣдить великаго визиря, что рѣшенія Его Императорскаго Величества, внушенныя обязанностями, налагаемыми на него достоинствомъ и безопасностью Его имперіи, отнюдь не заключаютъ въ себѣ враждебныхъ или неріязненныхъ Портѣ намѣреній...

„Натянутость отношеній между Россіей и Турціей, представляясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ трактата 1856 г., служитъ также постояннымъ предлогомъ къ возбужденію взаимной ихъ раздражительности всѣмъ тѣмъ, которые изъ эгоистическихъ побужденій жаждутъ разрыва между обѣими державами. Настоящее положеніе и вредъ отъ таковаго проистекающій убѣждаютъ, что великая держава не можетъ допустить его продолженія на неопредѣленное время; возможность борьбы, признаваемой даже многими неизбѣжною, тяготѣетъ надъ всѣми; одни призываютъ ее и готовятся къ ней, другіе не щадятъ усилій ускорить и возбудить ее. Очевидно, что именно въ этомъ и заключается причина возникновенія безпрерывныхъ смутъ на востокѣ, парализующихъ всѣ усилія, употребленныя съ 1856 года императорскимъ правительствомъ для его умиротворенія“.

Поручая г. Окуневу сообщить правительству Франціи содержаніе депеши 19 октября, князь Горчаковъ говорилъ:

«Хотя вся заботливость правительства, руководящаго нынѣ судьбами Франціи, исключительно обращена на защиту страны, но имѣя въ виду, что держава эта занимаетъ слишкомъ вид-

ное мѣсто въ сонмѣ европейскихъ государствъ, императорскій кабинетъ не считаетъ себя въ правѣ уклониться отъ своевременнаго сообщенія ей сущности измѣненій, признанныхъ имъ необходимыми въ трактатѣ, ею подписанномъ.

Война 1854 и трактатъ 1856 годовъ были первыми шагами по пути политическихъ переворотовъ, которые потрясли Европу и привели къ столь пагубнымъ послѣдствіямъ. Но какая-бы форма правленія не была окончательно усвоена Франціей, лицамъ, которыя станутъ во главѣ ея правительства, выпадетъ на долю уврачевать раны, нанесенныя ей ложною политическою системою.

Поэтому намъ отрадно надѣяться, что высокая мысль, руководившая дѣйствіями нашего Августѣйшаго Государя, будетъ вполнѣ усвоена правительствомъ Франціи; она стремится лишь къ возвращенію Россіи ничѣмъ несокрушимаго права охранять свою собственную безопасность. Кромѣ того, она служитъ сугубою гарантіей поддержанія спокойствія на востокѣ, которое, по свидѣтельству опыта, не можетъ быть прочно, если продолжатся ненормальныя отношенія между двумя державами, наиболѣе заинтересованными въ сохраненіи таковаго".

Князь Горчаковъ не выражалъ сомнѣнія относительно того, какъ будетъ принято итальянскимъ кабинетомъ дѣлаемое имъ сообщеніе; „оно слишкомъ проникнуто сознаніемъ своего достоинства,—писалъ онъ г. Икскулю,—чтобы не сочувствовать мѣрамъ, внушаемымъ намъ нашимъ собственнымъ. Притомъ, никакіе интересы не вынуждаютъ Италію желать, чтобы ненормальное положеніе, созданное трактатомъ 1856 г., продолжалось долѣе.

Баронъ Бруновъ сообщилъ циркуляръ русскаго правительства лорду Гренвилю 9 ноября. Министръ королевы былъ пораженъ какъ откровеннымъ изложеніемъ сущности намѣреній Россіи, такъ и извѣщеніемъ, что они уже перешли въ область непреложно совершившихся фактовъ, а потому подъ предлогомъ необходимости узнать мнѣнія своихъ товарищей уклонился отъ немедленной дачи русскому послу отвѣта. Однако на слѣдующій же день имъ была отправлена англій-

скому послу при с.-петербургскомъ дворѣ, сэру Буканану, длинная депеша, содержаніе которой предлагалось сообщить князю Горчакову. Въ ней весьма подробно развивалась теорія ненарушимости международныхъ трактатовъ и ставился вопросъ: „предоставлено-ли кому-либо право и власть освобождать одну или нѣсколько договаривавшихся сторонъ отъ соблюденія нѣкоторыхъ частей или всего договора?"

Выражалось также, что образъ дѣйствій, усвоенный Россіей въ такомъ важномъ дѣлѣ, послужитъ поводомъ къ полному ослабленію силы трактатовъ, и заявлялось, что правительство королевы относилось съ сообщенія, сдѣланному Россіей, „съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, такъ какъ оно способно возбудить пререкательства, могущія нарушить дружественныя отношенія, которыя оно постоянно старалось поддерживать съ Россійскою имперіею. Въ силу вышеприведенныхъ соображеній, правительство ея величества не считаетъ для себя возможнымъ одобрить приведеніе въ исполненіе мѣръ, возвѣщенныхъ княземъ Горчаковымъ.

Подобная-же депеша была послана лордомъ Гренвилемъ 11 ноября сэру Генри Эллиоту въ Константинополь, съ приказаніемъ передать съ нея копію турецкому правительству, дабы оно увѣровало, „что лондонскій кабинетъ не раздѣляетъ убѣжденія Россіи относительно того, будто-бы условія международнаго европейскаго трактата могутъ быть произвольно измѣнены одною какою либо державою, безъ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ подписаніи его сторонъ".

Въ тотъ-же день предложено было г. Одо Росселю отправиться въ Версаль и вступить съ графомъ Бисмаркомъ въ переговоры по поводу циркуляра князя Горчакова. Лордъ Гренвиль одновременно обратился съ запросомъ и къ прусскому послу въ Лондонѣ, графу Бернсторфу; хотя послѣдній не получалъ еще инструкцій отъ своего правительства, но, соглашаясь съ воззрѣніями англійскаго министра, отвѣчалъ, что Пруссія „вовсе не желаетъ усиленія Россіи на счетъ Турціи и не окажетъ первой содѣйствія въ этомъ смыслѣ". Оба государственные дѣятеля признали также, что «русскимъ цир-

куляромъ нанесено оскорбленіе не только Турціи, но и каждой державѣ, подписавшей Парижскій трактатъ».

Турецкому послу въ Лондонѣ, Мусурусу-пашѣ, одновременно была передана лордомъ Гренвилемъ копія его отвѣта Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ преподанъ совѣтъ предупредить Порту, чтобы „она не поступала опрометчиво, а вошла въ предварительныя соглашенія съ державами, подписавшими трактатъ 1856 г.“. Такая заботливость была отчасти излишнею, такъ какъ Аали-паша еще ранѣе увѣдомилъ сэра Элліота, что отвѣтитъ на сообщеніе русскаго правительства только по пріѣздѣ генерала Игнатьева, и притомъ въ томъ смыслѣ, что Россія и Турція не имѣютъ права входить въ отдѣльное соглашеніе по вопросу, утвержденному Европейскимъ конгрессомъ.

Между тѣмъ, во время усиленныхъ стараній англійскаго министра не допустить до мирнаго соглашенія Россіи съ державами, участвовавшими въ подписаніи трактата, въ С.-Петербургѣ нетерпѣливо ожидался отвѣтъ лондонскаго кабинета на циркуляръ 19 октября.

Наконецъ 16 ноября 1870 г. сэръ Буканапъ, пріѣхавъ въ Царское Село, сообщилъ князю Горчакову содержаніе депеши лорда Гренвиля. Считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ отчетомъ о разговорѣ англійскаго посла съ русскимъ канцлеромъ, представленнымъ первымъ его правительству.

Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, что отвѣтитъ на замѣчанія ваши (лорда Гренвиля) по зрѣломъ и спокойномъ ихъ обсужденіи; теперь-же проситъ меня завѣрить васъ, что императорское правительство, сдѣлавъ такой шагъ, имѣло въ виду лишь смыть съ чести своей омрачавшее ее пятно и, по возможности, упрочить дружественныя отношенія свои съ Турціей. Затѣмъ князь развивалъ и объяснялъ мнѣ доводы, приведенные уже въ циркулярѣ, на которыхъ Россія основываетъ свое право отказаться отъ исполненія нѣкоторыхъ статей трактата 1856 года. Я возразилъ князю, что объясненія его вовсе не относятся къ дѣлу, такъ какъ возраженіями вашими, г. министръ, оспаривается лишь право самовластно нарушить трактатъ, не получивъ на то согласія остальныхъ державъ-участницъ. По-

этому-то правительство королевы, не устраняя вовсе необходимость пересмотра трактата, находитъ, что предложеніе о томъ послѣдовало не въ строго приличествующей формѣ. По моему убѣжденію,—добавилъ я, — нежеланіе императора подчиняться долѣе оскорбительнымъ для его достоинства условіямъ могло-бы быть столь-же энергически заявлено и безъ перечисленія послужившихъ къ тому поводовъ, непреложность которыхъ отнюдь не доказана русскимъ циркуляромъ.

Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ тогда, что не можетъ входить въ пререкательства по этому предмету, такъ какъ принятое Императоромъ рѣшеніе непреложно; что Турція поступитъ вполнѣ сообразно съ своими интересами, если одобритъ дѣйствія Россіи, которая съумѣетъ отблагодарить ее въ послѣдствіи. Если же она предпочтетъ поступить иначе, по собственному-ли побужденію, или по внушенію другой какой-либо державы,—то неминуемо подвергнетъ себя серьезной опасности. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что хотя миролюбивая политика Россіи не подлежитъ сомнѣнію, потому что возбудивъ, такой важный вопросъ, она ни однимъ солдатомъ не увеличила численность своей арміи,—но несомнѣнно также и то, что христіанскія народности Оттоманской имперіи, спокойствіе которыхъ всегда обусловливалось вліяніемъ Россіи, не преминутъ, при возникновеніи несогласій между обоими правительствами, открыто возмутиться противъ власти султана.

Я отвѣтилъ князю, что не считаю возможнымъ продолжать пренія объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что депешею вашею, г. министръ, вполнѣ выяснены виды британскаго правительства, и выразилъ надежду, что по ближайшемъ ознакомленіи съ таковою, онъ конечно ничего не упуститъ изъ вида, чтобы устранить причины, затрудняющія въ настоящее время самое обсужденіе поднятаго вопроса.

Затѣмъ, передъ концемъ разговора, князь сказалъ мнѣ, что «его крайне удивляетъ, почему правительство королевы именно теперь возбуждаетъ вопросъ о ненарушимости трактатовъ, тогда какъ безъ всякихъ возраженій признало законность перемѣнъ, совершившихся въ 1866 году въ Германіи,

вслѣдствіе упраздненія Германскаго Союза и королевства ганноверскаго?»

Князь Горчаковъ не замедлилъ отвѣтить на депешу лорда Гренвиля, пославъ 20 ноября барону Бруннову ноту, написанную въ умѣренномъ примирительномъ духѣ. Выражая въ ней сожалѣніе, что англійское правительство не одобряетъ независѣвшую отъ выбора Россіи форму, въ которую облечено циркулярное сообщеніе 19 октября, князь вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подтвердилъ увѣреніе, что Императоръ отнюдь не отрѣшается отъ соблюденіи основныхъ началъ трактата 1856 г., и готовъ во всякое время войдти въ соглашеніе съ державами, участвовавшими въ его подписаніи, относительно пересмотра таковаго.

Затѣмъ, констатируя пользу и необходимость сохраненія дружественныхъ отношеній между обоими правительствами, русскій канцлеръ приглашалъ лондонскій кабинетъ возбудить переговоры съ державами, подписавшими трактатъ 1856 года, и заканчивалъ увѣреніемъ, что Россія охотно приметъ участіе въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью обсужденіе мѣръ, клонящихся къ утвержденію мира и спокойствія на востокѣ.

Эти вполнѣ добросовѣстныя и откровенныя разъясненія были сочувственно привѣтствованы въ Лондонѣ, и большинство англійскихъ газетъ поспѣшило выразить надежду, что вопросъ первостепенной важности, обращающій на себя вниманіе всей Европы, несомнѣнно будетъ разрѣшенъ путемъ дипломатическихъ сношеній.

Газета «Daily News» напечатала по этому поводу слѣдующее: «хотя отвѣтъ русскаго канцлера не вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаетъ дѣло, — но въ немъ не звучитъ и безповоротный «non possumus,» преградившій бы русскому правительству путь къ соглашенію при будущихъ преніяхъ и совѣщаніяхъ».

Къ сожалѣнію, успокоительныя предположенія и заключенія англійской газеты оказались преждевременными: отвѣты державъ на русскій циркуляръ 19 октября далеко не внушали надежду на скорое и желаемое разрѣшеніе щекотливаго вопроса.

Графъ Бейстъ адресовалъ австрійскому послу въ С.-Петербургѣ, графу Хотеку, депешу отъ 16 ноября для сообщенія князю Горчакову; упомянувъ въ ней о XIV статьѣ Парижскаго трактата, относящейся къ конвенціи, опредѣлившей число легкихъ военныхъ судовъ, содержимыхъ Россіей и Турціей въ Черномъ морѣ, онъ говорилъ: «мы не можемъ, какъ сами имѣть, такъ и допустить сомнѣнія относительно дѣйствительности взаимныхъ обязательствъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы которая либо изъ договорившихся сторонъ сочла себя въ правѣ заявить самыя вѣскія возраженія противъ ненарушимости той или другой статьи трактата, уничтоженіе или измѣненіе котораго безъ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ его заключеніи державъ было заранѣе условлено и утверждено.»

Усиливаясь убѣдить, что измѣненія, которыя по указанію циркуляра 19 октября уже нарушили трактатъ и ослабили его значеніе и силу, далеко не такъ важны, какъ утверждаетъ с.-петербургскій кабинетъ, австрійскій канцлеръ говорилъ въ заключеніе: «императорско-королевское правительство съ глубокимъ сожалѣніемъ узнало о принятіи русскимъ правительствомъ рѣшенія, возвѣщеннаго депешею князя Горчакова, такъ какъ таковое возлагаетъ на него громадную отвѣтственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскій кабинетъ не можетъ не выразить по этому поводу своего глубокаго изумленія, и не обратить вниманія с.-петербургскаго императорскаго кабинета на серьезныя послѣдствія его рѣшенія, угрожающаго не только ненарушимости международнаго договора, заключеннаго всѣми великими державами, но и принятаго именно въ ту минуту, когда, въ виду совершающихся грозныхъ событій, Европа для своего спокойствія и упроченія своей будущности наиболѣе нуждается въ неуклонномъ соблюденіи святости трактатовъ.»

Этотъ неопредѣленный отвѣтъ, нисколько не выяснявшій истинныхъ намѣреній Австріи, рѣзко противорѣчилъ секретнымъ инструкціямъ, преподаннымъ графомъ Бейстомъ австровенгерскому послу въ Лондонѣ, графу Аппони, депешею отъ 23 ноября. Вотъ что онъ писалъ:

«Пользуюсь отъѣздомъ англійскаго курьера, чтобы сообщить

вамъ нѣкоторыя конфиденціальныя указанія относительно взглядовъ, которые вы не оставите сообщить лорду Гренвилю по вопросу, возбужденному русскимъ циркуляромъ 19 (31) октября.

Вашему превосходительству главнѣе всего слѣдуетъ прійдти къ убѣжденію, что хотя мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены ни усложнять дѣло, ни возбуждать какія либо затрудненія, но не менѣе того рѣшились выказать надлежащую твердость и не допускать попытокъ застращиванья. Мы не желаемъ войны,—мы будемъ всячески стараться избѣжать ея, и не посовѣтуемъ Англіи или Турціи прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; ваше превосходительство уполномочиваетесь заявлять объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ и опровергать ложныя сообщенія нѣкоторыхъ органовъ прессы относительно моего образа дѣйствій въ данномъ обстоятельствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ крайне желательно, чтобы англійскій кабинетъ положительно увѣровалъ, что если онъ вознамѣрится дѣйствовать энергически, то можетъ на насъ разсчитывать, такъ какъ въ содѣйствіи нашемъ онъ „ни въ какомъ случаѣ“ сомнѣваться не долженъ.

Ожидаю извѣщенія, какое дѣйствіе произвели наши отвѣты въ С.-Петербургѣ, и убѣжденъ, что въ настоящее время ничего иного предпринимать не слѣдуетъ.

Пока русское правительство ограничивается словами и заявленіями, намъ нѣтъ надобности пускать въ ходъ какія-либо другія средства; мы будемъ вынуждены къ этому лишь тогда, когда оно вздумаетъ подкрѣплять слова свои дѣйствіями. На нихъ мы отвѣтимъ тѣмъ-же;—повторяю, принятіе нами въ такомъ случаѣ угрожающаго положенія будетъ всѣми признано мѣрою вполнѣ справедливою, и мы заранѣе усвоиваемъ себѣ всѣ комбинаціи, которыми будетъ руководиться англійская политика.

Произведеніе нравственнаго впечатлѣнія удовлетворяетъ пока потребностямъ минуты; отказываясь признать основательность заявленія Россіи, мы парализуемъ ея усилія добиться желаемой цѣли. Если же взгляды остальныхъ державъ, согласованные съ нашими, будутъ торжественно высказаны, — то

намъ останется лишь радоваться достиженію такого счастливаго результата".

Въ тотъ же день дипломатическимъ агентамъ Австріи въ Бухарестѣ и Бѣлградѣ дано было приказаніе внушить правительствамъ этихъ земель, что австрійское правительство неуклонно рѣшилось „не допускать какихъ либо измѣненій въ ихъ учрежденіяхъ, утвержденныхъ какъ европейскими соглашеніями 1856 — 1858 годовъ, такъ и позднѣйшими постановленіями о политической автономіи дунайскихъ княжествъ".

Князь Горчаковъ конечно не могъ ожидать ничего подобнаго отъ руководителя внѣшнею политикою Австріи, который за годъ передъ тѣмъ самъ предлагалъ свое содѣйствіе русскому правительству въ случаѣ, если оно вознамѣрится уклониться отъ исполненія извѣстныхъ обязательствъ, наложенныхъ на него Парижскимъ трактатомъ.

На сообщенія графа Бейста русскій канцлеръ отвѣтилъ двумя депешами отъ 10 (22) ноября, адресованными на имя г. Новикова. Искренно соболѣзнуя, что пререкательства, возбужденныя графомъ Бейстомъ, по всей вѣроятности, не приведутъ къ дружественному соглашенію съ вѣнскимъ кабинетомъ, столь желательному для русскаго правительства, — князь выяснилъ истинныя намѣренія Россіи въ самомъ миролюбивомъ духѣ, надѣясь притомъ, что таковыя, будучи усвоены съ полнымъ безпристрастіемъ, оцѣнятся по достоинству.

Усложненія возникали со всѣхъ сторонъ; отвѣтъ же, данный итальянскимъ правительствомъ, еще болѣе ослаблялъ надежду на скорое рѣшеніе вопроса.

Г. Висконти-Веноста открыто выразилъ свое удивленіе г-ну Икскулю, сообщившему ему содержаніе циркуляра 19 октября, присовокупивъ, что единственно возможный отвѣтъ его въ данную минуту заключается въ томъ, что итальянское правительство, вѣрное своей традиціонной политикѣ въ восточныхъ дѣлахъ, обратится за разрѣшеніемъ этого неожиданнаго замѣшательства къ другимъ державамъ, участвовавшимъ въ подписаніи Парижскаго трактата. Черезъ три дня баронъ Икскуль вновь посѣтилъ итальянскаго министра, полагая, что имъ уже получены отзывы державъ, и что слѣдовательно онъ не

затруднится категорически выяснить намѣренія итальянскаго правительства. Ожиданія его не оправдались: г. Висконти-Веносте отвѣтилъ тоже, что и въ первый разъ.

Было очевидно, что итальянское правительство желало согласоваться съ политикою Англіи и Австріи.

Франція высказалась въ томъ же смыслѣ.

Таково было положеніе дѣла, когда графъ Бисмаркъ сообщилъ г. Одо-Росселю, прибывшему въ Версаль 22 Ноября, взгляды и намѣренія Пруссіи въ слѣдующемъ видѣ:

1) Русскій циркуляръ 19 октября поразилъ его неожиданностью.

2) Хотя онъ всегда находилъ, что трактатъ 1856 г. налагалъ на Россію непомѣрно тягостныя обязательства, но тѣмъ не менѣе какъ форма, въ которую облечено ея отреченіе отъ ихъ исполненія, такъ и время, для того избранное, нисколько имъ не одобряются.

3) Онъ искренно сожалѣетъ, что вслѣдствіе военныхъ дѣйствій лишенъ въ настоящее время возможности не только принять участіе въ предстоящихъ переговорахъ, но даже оффиціально отвѣтить на русскій циркуляръ.

4) Желая однакоже предотвратить возникновеніе новой войны, онъ горячо совѣтуетъ открыть конференцію въ Константинополѣ прежде, чѣмъ довести дѣло до вооруженнаго столкновенія.

Въ десять часовъ вечера того же дня г. Одо-Россель, по особому приглашенію, вновь посѣтилъ графа Бисмарка, который поручилъ ему спросить по телеграфу лорда Гренвиля, не желаетъ ли онъ, чтобы графъ принялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ созванія конференціи для обсужденія способовъ мирнаго разрѣшенія вопроса, могущаго, по откровенному сознанію англійскаго посла, „послужить въ настоящемъ его видѣ поводомъ къ объявленію Англіей войны Россіи, несмотря даже на то, пріобрѣтетъ ли она союзниковъ или нѣтъ“.

Графъ Бисмаркъ, заручившись предварительно согласіемъ князя Горчакова на пріемъ представителей державъ, участвовавшихъ въ подписаніи Парижскаго трактата, предложилъ избрать мѣстомъ ихъ засѣданій С.-Петербургъ, имѣя притомъ

въ виду, что личное присутствіе тамъ императора, на воззрѣнія котораго могли бы поступать заключенія делегатовъ, тотчасъ по согласованіи таковыхъ, и быть въ тоже время санкціонированы его величествомъ, значительно облегчили и ускорили бы работы конференціи. Съѣздъ же уполномоченныхъ въ Константинополѣ призналъ неудобнымъ, такъ какъ въ переговорахъ съ С.-Петербургомъ проходило бы много времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій канцлеръ поручилъ г. Одо-Росселю просить лорда Гренвиля, чтобы онъ, въ случаѣ согласія на дѣлаемое предложеніе, сообщилъ о томъ французскому правительству и пригласилъ принять участіе въ конференціи.

Одновременно съ этимъ миролюбивымъ предложеніемъ, генералъ Швейницъ конфиденціально сообщилъ о таковомъ графу Бейсту, а также о желаніи его правительства, чтобы Австро-Венгрія согласилась избрать С.-Петербургъ мѣстомъ для съѣзда конференціи, имѣющей обсудить вопросъ, поднятый Россіей.

„Я весьма осторожно отнесся къ этому сообщенію, находя, что собраться делегатамъ въ С.-Петербургѣ положительно немыслимо“, писалъ графъ Бейстъ графу Аппони.

Предложеніе Пруссіи не встрѣтило большаго сочувствія и въ средѣ лондонскаго кабинета, который обратился къ вѣнскому съ вопросомъ: „не находитъ ли императорское и королевское правительство какихъ либо препятствій къ созванію конференціи въ другомъ городѣ и при болѣе соотвѣтствующихъ условіяхъ“.

При всемъ томъ оба правительства видимо отрѣшались отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній и уже обнаруживали въ извѣстной степени желаніе приступить къ совѣщаніямъ; оставалось лишь избрать мѣсто для съѣзда уполномоченныхъ.

Лордъ Гренвиль находилъ, что засѣданія конференціи отнюдь не могутъ происходить въ С.-Петербургѣ, такъ какъ именно оттуда исходитъ циркуляръ, столь тягостно повліявшій на Европу; графъ Бернсторфъ, которому онъ сообщилъ свои сомнѣнія, увѣрилъ его однако, что графъ Бисмаркъ не лично избралъ русскую столицу мѣстомъ для съѣзда конференціи, а предложилъ ее по желанію князя Горчакова; но что

во всякомъ случаѣ правительство, котораго онъ имѣетъ честь быть представителемъ, искренно желаетъ достигнуть скораго и благопріятнаго разрѣшенія вопроса. Поблагодаривъ посла за дружественныя сообщенія, англійскій министръ добавилъ, что если даже созваніе конференціи будетъ единогласно утверждено, то о съѣздѣ ея въ С.-Петербургѣ все таки не можетъ быть рѣчи, что „необходимо узнать мнѣніе другихъ державъ-участницъ, и что конференція отнюдь не можетъ принимать рѣшеній, результаты которыхъ были бы заранѣе предусмотрѣны.“

Взгляды вѣнскаго кабинета были тождественны, такъ какъ онъ заявилъ, что русскій циркуляръ 19 октября ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ влiять на рѣшенія конференціи. Подобныя-же оговорки были сдѣланы и остальными державами.

Предложеніе германскаго правительства было внесено 24 ноября лордомъ Гренвилемъ въ совѣтъ британскихъ министровъ, который постановилъ, что правительство королевы согласно принять участіе въ конференціи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обсужденіе вопроса не было стѣснено какими либо предварительными обязательствами относительно его разрѣшенія. Онъ изъявилъ также готовность, совмѣстно съ другими державами, добросовѣстно и безъ предвзятыхъ цѣлей обсудить какъ заявленія, такъ и предложенія Россіи.

Рѣшеніе это было сообщено графу Бисмарку; ему предложено было также избрать мѣстомъ съѣзда конференціи Вѣну, Флоренцію, Лондонъ, или столицу государства, не участвовавшаго въ заключеніи трактата. Англійское правительство предпочло бы въ такомъ случаѣ Гагу, Брюссель или Бернъ.

Подобное же сообщеніе было сдѣлано и вѣнскому кабинету.

Одобряя начала англійскихъ предложеній, графъ Бисмаркъ выразилъ желаніе, чтобы засѣданія конфереціи происходили въ Лондонѣ, тѣмъ болѣе что князь Горчаковъ на это согласился и заявилъ прусскому послу въ С.-Петербургѣ о своемъ желаніи доказать тѣмъ искренность и честность своей политики, давъ одновременно полное удовлетвореніе національ-

ному чувству англичанъ. Телеграммы, возвѣщавшія принятое рѣшеніе, были немедленно отправленны въ С.-Петербургъ, Туръ, Берлинъ, Константинополь и Флоренцію.

Султанъ, заручиться согласіемъ котораго было для Россіи почти столь же важно, какъ и устранить препятствія, поставлявшіяся Англіей, — выразилъ генералу Игнатьеву по поводу русскаго циркуляра самыя дружественныя и миролюбивыя намѣренія.

Англійскій посолъ, сообщая правительству королевы о разговорѣ своемъ съ Аали-пашею, присовокуплялъ, что „всякая надежда на продолженіе нейтрализаціи утрачена".

Казалось, все было улажено, и графъ Бернсторфъ по порученію своего правительства уже приглашалъ сентъ-джемскій кабинетъ назначить уполномоченныхъ на конференцію, имѣющую собраться въ Лондонѣ. Непредвидимыя затрудненія возникли совершенно неожиданно.

Графъ Шадорди поручилъ г. Тиссо (депеша 29 ноября) поставить лондонскій кабинетъ въ извѣстность, что французское правительство охотно соглашалось на предложеніе участвовать въ конференціи, предполагая, что она созывается по почину Англіи; узнавъ же, что это „прусское предложеніе, и сдѣлано великимъ державамъ Пруссіей", оно предпочло-бы получить отъ одной изъ нейтральныхъ державъ приглашеніе принять участіе въ обсужденіи возникшаго недоразумѣнія.

Графъ Шадорди не скрылъ также своего удивленія, (депеша 30 ноября), что „Европа предоставила Пруссіи первенствующую роль въ этомъ вопросѣ, и упустила изъ вида, что она подписала трактатъ 1856 г. только тогда, когда всѣ основанія его были уже утверждены остальными державами"... „Это заранѣе убѣждаетъ", — добавлялъ пылкій французскій дипломатъ, — „что Пруссія пріобрѣтетъ на конференціи рѣшающее вліяніе, — а потому, не желая чѣмъ-либо предрѣшать или вовсе уклоняться отъ основательнаго обсужденія вопроса, мы не считаемъ себя однакоже въ правѣ отрѣшиться отъ мысли, что легко можемъ занять на конференціи положеніе, далеко не одинаковое съ положеніемъ нашего врага".

Исключительное и несомнѣнно тяжелое положеніе, въ ко-

торомъ находилось тогда французское правительство, боровшееся „съ такимъ непреклоннымъ и умѣлымъ врагомъ, какъ Пруссія“, оправдывало его „недовѣріе“ ко всему исходившему отъ прусскаго правительства, тѣмъ болѣе, что изъ уваженія Англіи, делегація оставляла за собою право опредѣлить окончательный образъ дѣйствій Франціи, по тщательномъ разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла.

Кромѣ того существовало еще другое болѣе важное препятствіе скорому съѣзду членовъ конференціи.

Лондонскій кабинетъ, какъ мы уже знаемъ, согласился принять участіе въ конференціи подъ условіемъ, чтобы обсужденіе вопроса не было стѣснено какими-либо предварительными обязательствами относительно его разрѣшенія; прочія заинтересованныя державы отозвались въ томъ же смыслѣ.

Австрія же требовала кромѣ того, въ видѣ предварительнаго условія, чтобы циркуляръ 19 октября ни въ какомъ случаѣ не служилъ основаніемъ для рѣшеній конференціи. Графъ Бейстъ въ депешѣ отъ 2 декабря 1870 г. изъ Буда-Пешта, адресованной въ Константинополь на имя барона Прокеша, писалъ: „очевидно, что согласіе Россіи на такое ограниченіе было бы равносильно безмолвному ея отреченію отъ циркуляра князя Горчакова“.

С.-Петербургскій кабинетъ отнесся однакоже къ этому вопросу совершенно иначе и генералъ Игнатьевъ, отвѣчая на вопросъ сэра Генри Элліота, извѣстны ли ему основанія предстоявшихъ совѣщаній, выразилъ увѣренность, что таковыми послужитъ циркуляръ его правительства, т. е. что нейтрализація Чернаго моря прекращается. „Императорское правительство“ — добавилъ генералъ, — „признаетъ впрочемъ, что нейтрализація эта кончилась уже шесть лѣтъ тому назадъ, именно съ того дня какъ корветъ его величества „Гонецъ“ вошелъ въ Черное море“.

Участіе Франціи въ совѣщаніяхъ становилось между тѣмъ все болѣе и болѣе сомнительнымъ; Жюль Фавръ писалъ графу Шадорди отъ 2-го декабря: „вниманіе Франціи вполнѣ поглощается въ настоящее время ея собственными дѣлами; единственное средство измѣнить невольно принятое ею положеніе,

могло бы заключаться въ предложеніи державъ составить предварительный протоколъ, которымъ въ основаніе переговоровъ положена была ненарушимость французской территоріи; въ противномъ случаѣ Франціи не остается ничего болѣе, какъ всецѣло предаться созерцанію постигшихъ ее бѣдствій".

Позднѣе, именно 14 декабря, — Жюль Фавръ, не желая вовсе отрѣшиться отъ идеи конгресса, соглашался допустить къ участію въ немъ Францію, но съ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право обсуждать всякіе вопросы, и чтобы открытію засѣданій предшествовало заключеніе перемирія, „maximum продолжительности котораго былъ бы опредѣленъ въ 30, a minimum въ 15 дней, съ разрѣшеніемъ соотвѣтственнаго снабженія продовольственными припасами." Это было условіе „sine qua non" Франціи; но развѣ Пруссія приняла бы таковое?

Такимъ образомъ всѣ державы за исключеніемъ Франціи, согласились прислать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ.

Князь Горчаковъ телеграфировалъ даже барону Брунову отъ 7 декабря, что с.-петербургскій кабинетъ соглашается, по примѣру лондонскаго, чтобы конференція собралась „without assomption of ony foregone conclusion".

По смыслу этого заявленія, каждому уполномоченному должно быть предоставлено право свободной оцѣнки фактовъ, равно всякому мнѣнію, признанному конференціей уважительнымъ, должно быть дано мѣсто въ протоколахъ засѣданій.

Князь Горчаковъ не остановился на этомъ и сдѣлалъ еще болѣе важный шагъ къ соглашенію, объявивъ лорду Буканану, что баронъ Бруновъ заявитъ конференціи мнѣнія Россіи, вовсе не упоминая о циркулярѣ 19 октября, и что, слѣдовательно, рѣчь о немъ можетъ зайдти лишь по почину другаго лица.

Наконецъ и послѣднее препятствіе было устранено; правительство, пребывавшее въ Парижѣ въ согласіи съ Турскою делегаціей, убѣждаясь настоятельными приглашеніями заинтересованныхъ державъ, рѣшилось прислать своего представителя въ Лондонъ. Эта была вполнѣ мудрая рѣшимость, свидѣтельствовавшая, что не смотря на тяжелый, хотя временный,

гнетъ страшныхъ бѣдствій, ни одинъ важный общеевропейскій вопросъ не могъ быть рѣшенъ безъ участія Франціи!..

Открытіе засѣданій конференціи было назначено на 3-е января 1871 года, и уполномоченные на участіе въ нихъ представители державъ получили приглашеніе графа Гренвиля собраться въ Foreign-Office того числа въ часъ пополудни.

Однакоже засѣданіе было отложено до 17-го января, чтобы дать время уполномоченнымъ Франціи пріѣхать въ Лондонъ.

Жюль Фавръ, избранный правительствомъ національной обороны представителемъ Франціи на конференціи, не только лично не желалъ уѣхать изъ Парижа въ такую критическую минуту, но и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ графъ Бисмаркъ отказалъ въ выдачѣ необходимаго для проѣзда его въ Лондонъ пропускнаго вида.

Поэтому первыя засѣданія конференціи состоялись безъ участія представителя Франціи, и только въ засѣданіи 13-го марта 1871 года уполномоченные другихъ державъ имѣли удовольствіе привѣтствовать присоединившагося къ нимъ герцога де-Брольи.

17 января собрались въ Foreign-Office уполномоченные въ слѣдующемъ составѣ: отъ Сѣверной Германіи — графъ Бернсторфъ; отъ Австро-Венгріи—графъ Аппони; отъ Великобританіи—графъ Гренвиль; отъ Италіи—кавалеръ Кадорна; отъ Россіи—баронъ Бруновъ; отъ Турціи—Мусурусъ-паша.

Его п-во Муссурусъ-паша открылъ засѣданіе предложеніемъ, возложить предсѣдательство на графа Гренвиля.

Предложеніе его было единогласно принято,—а г. Стюарту поручили редакцію протоколовъ засѣданій; затѣмъ представители державъ приступили къ взаимной повѣркѣ своихъ уполномочій, которыя найдены составленными въ надлежащемъ видѣ.

Графу Гренвилю предоставлено было слово.

Поблагодаривъ за оказанную ему честь, графъ выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи уполномоченныхъ Франціи, и предложилъ константировать единодушно желаніе, чтобы представитель ея правительства заочно одобрилъ всѣ рѣшенія, ко-

торыя будутъ приняты въ засѣданіи 17 января; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испрашивалъ согласіе на конфиденціальное сообщеніе г. Тиссо, французскому повѣренному въ дѣлахъ, подробностей занятій этого перваго засѣданія.

Послѣдовало полное одобреніе уполномоченныхъ; затѣмъ графъ Гренвиль продолжалъ:

„Конференція принята всѣми державами, участвовавшими въ подписаніи трактата 1856 г., съ цѣлью, безпристрастно разсмотрѣть и свободно обсудить предложенія, которыя намѣрена сдѣлать намъ Россія относительно желаемаго ею пересмотра статей сказаннаго трактата, касающихся нейтрализаціи Чернаго моря.

Такое единодушіе державъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что онѣ признаютъ наиболѣе существенное международное право, заключающееся въ томъ, что ни одна изъ нихъ не только не властна произвольно отказаться отъ обязательствъ, наложенныхъ на нее силою трактатовъ, но и измѣнять точный смыслъ таковыхъ иначе, какъ по общему дружественному соглашенію всѣхъ договаривавшихся сторонъ.

Признавая фактъ этотъ несомнѣнно важнымъ, имѣю честь предложить вамъ, гг. уполномоченные, подписать констатирующій его протоколъ „ad hoc“.

Протоколъ былъ немедленно составленъ и подписанъ всѣми уполномоченными, пожелавшими при томъ, чтобы онъ былъ пріобщенъ къ общему протоколу засѣданія, и чтобы по прибытіи представителя Франціи ему было предложено скрѣпить его своею подписью.

Неудивительно, что протоколъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ редакція его задолго до открытія засѣданій конференціи, подвергалась нескончаемымъ обсужденіямъ. „Составленіе протоколовъ „ad hoc“ по истинѣ можно сравнить съ тканьемъ Пенелопы,“—писалъ графъ Аппони графу Бейсту,—сегодня передѣлывается то, что было сдѣлано вчера“. Только заручившись предварительнымъ одобреніемъ каждаго уполномоченнаго, могъ лордъ Гренвиль произнести вышеприведенную рѣчь.

По принятіи протокола, уполномоченные Турціи, Австріи и

Италіи заявили, что правительства, которыхъ они имѣютъ честь быть представителями, вполнѣ согласны съ выраженнымъ предсѣдателемъ убѣжденіемъ, и приступятъ къ обсужденію предстоящихъ вопросовъ съ искреннимъ желаніемъ достигнуть справедливаго и миролюбиваго ихъ разрѣшенія.

Затѣмъ, по приглашенію предсѣдателя, русскій уполномоченный обратился къ собранію съ рѣчью, испросивъ предварительно разрѣшеніе прочесть составленную имъ краткую записку, содержаніе которой было бы включено въ протоколъ.

Въ этой запискѣ уполномоченный Россіи привелъ всѣ случаи и факты, которые со времени подписанія Парижскаго трактата, т. е. съ 18—30 марта 1856 года, послужили подписавшимъ его державамъ основаніемъ допустить въ немъ разныя измѣненія, значительно повліявшія на ослабленіе первоначальнаго смысла принятыхъ рѣшеній. Онъ упоминалъ о происходившихъ разновременно въ Парижѣ конференціяхъ, о принятыхъ по общему соглашенію рѣшеніяхъ относительно управленія княжествами Молдавіей и Валахіей и о томъ, что измѣненіе таковаго санкціонировано какъ Блистательною Портою, такъ и другими договаривавшимися сторонами.

Затѣмъ онъ констатировалъ, что всѣ допущенныя въ трактатѣ измѣненія нисколько не поколебали твердой рѣшимости императора безусловно соблюдать основныя начала трактата 1856 г., опредѣлившія положеніе Турціи въ семьѣ европейскихъ державъ.

Уяснивъ истинныя цѣли и намѣренія своего августѣйшаго государя, уполномоченный Россіи обратилъ вниманіе собранія на громадную разницу, существующую между настоящимъ положеніемъ Европы и тѣмъ, въ которомъ она находилось во время заключенія Парижскаго трактата. Серьезно относясь къ перемѣнамъ, силою вещей постепенно вызваннымъ, онъ высоко оцѣнилъ предусмотрительность и мудрость политики, опредѣлившей приступить къ пересмотру постановленій 1856 г., относящихся до судоходства по Черному морю, притомъ на началахъ строгой справедливости и миролюбиваго соглашенія.

Кромѣ того и на основаніи полученныхъ инструкцій, упол-

номоченный Россіи заявилъ, что августѣйшій его государь вполнѣ справедливо придаетъ крайне важное значеніе этому пересмотру, признавая таковой лучшей гарантіей охраненія безопасности и достоинства его имперіи.

Исполняя такимъ образомъ волю своего правительства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердо убѣжденъ, что послѣдствія пересмотра упрочатъ миръ, сохраненіе котораго столь желательно всѣмъ великимъ державамъ, приславшимъ своихъ представителей на лондонскую конференцію.

По окончаніи чтенія записки, уполномоченный Турціи всталъ съ своего мѣста и сказалъ, что искренно сочувствуетъ преобладающему въ ней миролюбивому настроенію, и заключилъ просьбою, чтобы предсѣдатель и прочіе члены конференціи не отказали отложить на нѣсколько дней слѣдующее засѣданіе, дабы предоставить ему возможность основательно обсудить предложеніе барона Брунова.

Графъ Бернсторфъ, въ свою очередь, высказалъ необходимость засвидѣтельствовать при самомъ открытіи засѣданій, что правительство короля, его августѣйшаго государя, сдѣлавъ первый шагъ къ созванію конференціи изъ представителей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 г., руководствовалось въ этомъ случаѣ духомъ миролюбія, справедливости и взаимнаго соглашенія; поэтому оно поручило ему поддержать и призвать серьезное вниманіе гг. уполномоченныхъ на желаніе императорскаго всероссійскаго правительства, чтобы постановленія трактата 1856 г., относящіяся къ судоходству по Черному морю, подверглись не только пересмотру, но и уничтоженію, такъ какъ они, ограничивая верховныя права обоихъ побережныхъ государствъ, скорѣе поддерживаютъ натянутость ихъ взаимныхъ отношеній, чѣмъ способствуютъ упроченію столь счастливо установившейся между ними дружбы, настоятельно желательной въ видахъ сохраненія спокойствія на востокѣ.

Засѣданіе закрылось изъявленіемъ согласія предсѣдателя на предложенную Муссурусомъ-пашею отсрочку, такъ что слѣдующее собраніе уполномоченныхъ назначено было на 24 января въ часъ пополудни.

Во второмъ засѣданіи уполномоченный Турціи заявилъ, что

хотя предложеніе барона Брунова объ обсужденіи статей трактата 1856 г., относящихся до нейтрализаціи Чернаго моря, имъ разсмотрѣно, но прежде, чѣмъ высказать о немъ свое мнѣніе, онъ позволяетъ себѣ просить представителя Россіи болѣе точно разъяснить виды его правительства.

Въ отвѣтъ на это баронъ Бруновъ прочелъ записку слѣдующаго содержанія:

Смыслъ записки, которую я имѣлъ честь прочесть въ первомъ засѣданіи конференціи, свидѣтельствуетъ, что постановленія, относящіяся до судоходства по Черному морю, были утверждены въ 1856 г. подъ вліяніемъ обстоятельствъ, совершенно несходныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно, чтобы ярко обозначить различіе, существующее между событіями двухъ эпохъ, воочію совершившимися передо мною.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1856 г. я былъ вызванъ въ Парижъ принять участіе въ трудахъ конгресса. Съ тѣхъ поръ прошло уже пятнадцать лѣтъ: это было во времена имперіи.

Графъ Валевскій предсѣдательствовалъ на конгрессѣ. Онъ уже въ могилѣ; а правительство, которое онъ представлялъ, — пало.

Эти соображенія обязываютъ меня быть сдержаннымъ; считаю излишнимъ разъяснять, почему именно.

Да позволено мнѣ будетъ, господа, обрисовать въ краткихъ чертахъ положеніе, въ которомъ графъ Орловъ и я застали дѣла, принявъ участіе въ трудахъ Парижскаго конгресса.

Тогда Россія вела войну съ Франціей, Англіей, Италіей и Турціей.

Нынѣ-же я призванъ къ участію въ работахъ конференціи, составленной изъ представителей державъ, съ которыми Россія состоитъ въ мирѣ и въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Приступая къ разсмотрѣнію постановленій, относящихся до судоходства по Черному морю, я имѣю въ виду откровенно указать на недостатки, обнаружившіеся въ актахъ, на которые обращаю ваше вниманіе.

Начну съ ст. XI-й, содержаніе ея слѣдующее:

„Черное море объявляется нейтральнымъ; открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми только исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ 14 и 19 настоящаго договора."

Позволю себѣ замѣтить, что XI статья устанавливаетъ, повидимому, равенство между военными судами, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ остальныхъ державъ. Это невѣрно: равенства не существуетъ. Военныя суда неприбрежныхъ державъ никогда не имѣли доступа въ Черное море — и это по весьма простой причинѣ. Входъ въ Дарданеллы и Босфоръ воспрещенъ военнымъ судамъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Закрытіе проливовъ, признанное и утвержденное X статьею, не имѣетъ ничего общаго съ воспрещеніемъ, установленнымъ XI статьею.

Такимъ образомъ ясно, что запрещеніе это относится исключительно къ военнымъ судамъ прибрежныхъ державъ.

Разсмотримъ послѣдствія такого запрещенія: оно лишаетъ какъ Россію, такъ и Турцію ихъ исконнаго права, безпрепятственно содержать военный флотъ въ Черномъ морѣ.

А такъ какъ мѣстности, окружающія это море, составляютъ нераздѣльныя части владѣній обѣихъ державъ, то свобода мореплаванія неизбѣжно должна признаваться принадлежностью ихъ верховныхъ правъ. Запрещеніе таковаго обличаетъ посягательство на ихъ независимость.

Замѣтимъ еще, что XI статья придаетъ запрещенію даже невозможное значеніе. Она гласитъ: «входъ въ порты и воды Чернаго моря «формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ прибрежныхъ державъ.» Неправда-ли, что слово «навсегда» употреблено совершенно неумѣстно? Благое Провидѣніе не предоставило смертнымъ власти продлить или сократить полетъ времени.

Развѣ правительство, воспоминаніе о которомъ такъ тѣсно связано съ дѣйствіями Парижскаго конгресса, оказалось властнымъ сопротивляться всесокрушающему времени?

Это размышленіе приводитъ меня къ заключенію, которое

не колеблясь и съ полною откровенностью рѣшаюсь сообщить вамъ.

Я увѣренъ, что настало время, когда здравая политика должна убѣдить насъ въ необходимости замѣнить новыми мѣропріятіями прежнія, непригодныя при установившемся порядкѣ вещей.

Дѣйствительно,—ложныя начала, на которыхъ зиждется какое-либо постановленіе, рано или поздно неизбѣжно приводятъ къ раздорамъ и смутамъ. Какъ я уже сказалъ, главный недостатокъ принципа нейтрализаціи, возвѣщеннаго въ 1856 году, состоялъ въ томъ, что имъ обнаруживалось чрезмѣрное посягательство на неприкосновенность верховныхъ правъ прибрежныхъ государствъ. Это была безплодная попытка усвоить международному праву нововведеніе, не имѣвшее ни малѣйшихъ шансовъ на жизненность.

Далеко не способствуя упроченію мира на востокѣ, постановленія 1856 г., относившіяся до судоходства по Дунаю, видимо клонились лишь къ умноженію причинъ, тягостно возбуждавшихъ и глубоко оскорблявшихъ чувство народной чести Россіи.

Я никого не обвиняю, а просто и открыто констатирую неопровержимый фактъ.

По моему убѣжденію, для упроченія мира необходимо пріискать средства, способныя положить конецъ тому неестественному положенію дѣлъ, которое, не бывъ своевременно измѣнено, угрожаетъ возникновеніемъ неисчислимыхъ затрудненій.

Съ этою цѣлью данныя мнѣ инструкціи обязываютъ меня предоставить г-ну турецкому послу починъ въ предъявленіи соображеній, которыя, бывъ по общему соглашенію признаны удовлетворительными, могли-бы замѣнить постановленія 1856 года, относящіяся до нейтрализаціи Чернаго моря, и быть приняты въ видахъ сохраненія спокойствія на востокѣ и поддержанія политическаго равновѣсія Европы.

Для точнаго опредѣленія границъ возложеннаго на меня порученія, переступать которыя, по приказанію моего правительства, я не долженъ,—имѣю честь предложить на обсуж-

деніе конференціи содержаніе слѣдующихъ статей трактата 18—30 марта 1856 года.

Ст. XI. Черное море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и навсегда воспрещается военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми токмо исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ XIV и XIX настоящаго договора.

Ст. XIII. Вслѣдствіе объявленія Чернаго моря нейтральнымъ на основаніи ст. XI, не можетъ быть нужно содержаніе или учрежденіе военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ, какъ не имѣющихъ уже цѣли, а посему его величество императоръ всероссійскій и его императорское величество султанъ обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военно-морскаго арсенала.

Ст. XIV. Ихъ величествами императоромъ всероссійскимъ и султаномъ заключена особая конвенція, опредѣляющая число и силу легкихъ судовъ, которыя они предоставляютъ себѣ содержать въ Черномъ морѣ для нужныхъ по прибрежью распоряженій. Сія конвенція прилагается къ настоящему трактату, и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ еслибъ она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключившихъ настоящій трактатъ.

Конвенція, опредѣляющая число и размѣры военныхъ судовъ, которыя прибрежныя державы обязываются содержать въ Черномъ морѣ:

Ст. I. Высокія договаривающіяся стороны взаимно обязуются не имѣть въ Черномъ морѣ иныхъ военныхъ судовъ кромѣ тѣхъ, коихъ число, сила и размѣры опредѣлены какъ ниже слѣдуетъ.

Ст. II. Высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ содержать каждая по шести въ означенномъ морѣ паровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватерлиніи, вмѣстительностью не свыше 800 тоннъ, и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Ст. III. Настоящая конвенція, приложенная къ общему трактату подписанному сего числа въ Парижѣ, будетъ ратификована, и ратификаціи оной будутъ размѣнены въ теченіи четырехъ недѣль, а если можно, и прежде.

На предложеніе барона Брунова, турецкій уполномоченный отозвался, что опасаясь измѣнить деликатно-миролюбивый характеръ совѣщаній возбужденіемъ полемическихъ преній, онъ не рѣшается настаивать на указаніи фактовъ и причинъ, предоставляющихъ его правительству право не признавать справедливость осужденія постановленій, которымъ кромѣ того, по его мнѣнію, невѣрно придано значеніе посягательства на независимость обѣихъ прибрежныхъ державъ. «Найдется не мало примѣровъ»,—добавилъ Муссурусъ-паша,— „что сопредѣльныя государства, въ видахъ поддержанія полнаго между собою согласія, признавали полезнымъ налагать другъ на друга извѣстныя ограниченія».

Онъ находилъ также, что „трактатъ 1856 года заключенъ вовсе не такъ давно, чтобы можно было считать устарѣвшими и утратившими значеніе постановленія, относящіяся до нейтрализаціи Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что море это внутреннее, гдѣ событія, совершающіяся въ Европѣ, не властны оказывать какое либо пагубное вліяніе“.

Притомъ Порта,—говорилъ онъ,—будучи вполнѣ довольна постановленіями, примѣненіе которыхъ къ дѣлу, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, замѣтно способствовало поддержанію мира на востокѣ, — искренно желала-бы не нарушать и не ослаблять ихъ силу и значеніе. Однако-же, не считая себя въ правѣ руководствоваться въ данныхъ, несомнѣнно важныхъ обстоятельствахъ, лишь исключительно своими собственными выгодами, Порта не откажетъ въ согласіи присоединиться къ рѣшеніямъ другихъ великихъ державъ, признаннымъ ими болѣе соотвѣтствующими ихъ интересамъ и видамъ. Затѣмъ онъ напомнилъ собранію о заявленіи, сдѣланномъ въ первомъ засѣданіи г. уполномоченнымъ Германіи, что ему поручено его правительствомъ поддержать и обратить серьезное вниманіе державъ на желаніе с.-петербургскаго кабинета, достигнуть посредствомъ пересмотра поста-

новленій, относящихся до нейтрализаціи Чернаго моря, отмѣны стѣснительныхъ для него мѣръ.

Такимъ образомъ въ предвидѣніи возможности изъявленія державами, подписавшими трактатъ, согласія на домогательство Россіи, какъ соотвѣтствующее, по ихъ убѣжденію, общимъ интересамъ, и побуждаемая притомъ присущимъ ей духомъ миролюбія,—Блистательная Порта не колеблясь представить новое доказательство своей уступчивости и искренней заботливости о сохраненіи общаго спокойствія.

„Поэтому, — заключилъ турецкій уполномоченный,—имѣю честь сообщить вамъ, господа, что если представляемыя вами правительства признаютъ возможнымъ уважить ходатайство г. уполномоченнаго Россіи относительно специальной конвенціи, заключенной между обѣими прибрежными державами, упоминаемой въ XIV статьѣ трактата 1856 г., а также въ XI и XIII его статьяхъ, притомъ съ замѣною представляемыхъ ими гарантій другими, равносильными и совмѣстными съ правами и безопасностью оттоманской имперіи,—то, на основаніи данныхъ мнѣ инструкцій, я уполномоченъ выразить вмѣстѣ съ ними согласіе на пересмотръ конвенціи и вышеупомянутыхъ статей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ предписано заявить въ такомъ случаѣ конференціи тѣ гарантіи, которыя признаются Блистательною Портою способными замѣнить нынѣ существующія, и которыя она ставитъ необходимымъ условіемъ своего согласія».

Графъ Бернсторфъ, лордъ Гренвиль и кавалеръ Кадорна поспѣшили заявить отъ лица своихъ правительствъ, что въ соглашеніи со всѣми державами, подписавшими трактатъ 1856 года, охотно подпишутъ конвенцію, утверждающую перемѣны, указанныя г. уполномоченымъ Россіи, но лишь съ условіемъ, чтобы согласно съ желаніемъ Порты были опредѣлены приличествующія гарантіи.

Слѣдующее засѣданіе было назначено на 31 января, въ виду заявленія нѣкоторыхъ уполномоченныхъ о необходимости получить инструкціи своихъ правительствъ. Передъ закрытіемъ засѣданія всѣ уполномоченные выразили желаніе, чтобы участіе Франціи и разрѣшеніе, данное предсѣдателю конфи-

денціально сообщать французскому повѣренному въ дѣлахъ результаты преній, были распространены на всѣ засѣданія, въ которыхъ не приметъ личнаго участія представитель Франціи.

Засѣданіе, назначенное на 31 января, состоялось лишь 3 февраля. Оно было исключительно посвящено обсужденію условій, которыя можно бы было признать равносильными постановленіямъ Парижскаго трактата о нейтрализаціи Чернаго моря и свободы судоходства по Дунаю.

Предсѣдатель напомнилъ уполномоченнымъ, что въ перерывъ времени между послѣднимъ и настоящимъ засѣданіями они совмѣстно и вполнѣ дружественно изыскивали способы пріидти къ соглашенію относительно обязательствъ, равносильныхъ постановленіямъ о нейтрализаціи Чернаго моря, и что они условились обсудить въ настоящемъ засѣданіи слѣдующія статьи проэкта новаго трактата:

Ст. I. Исконное право закрытія въ мирное время Босфора и Дарданелловъ, неизмѣнно принадлежавшее оттоманской имперіи и утвержденное за нею Парижскимъ трактатомъ 18 (30) марта 1856 г., остается въ полной своей силѣ.

Ст. II. Его императорское величество султанъ, обладая верховными правами надъ проливами Босфора и Дарданелловъ, властенъ въ мирное время, притомъ въ видѣ временнаго исключенія и лишь въ случаѣ, когда интересы и безопасность его имперіи того потребуютъ, разрѣшать входъ въ нихъ военнымъ судамъ неприбрежныхъ державъ.

Ст. III. Постановляется, что условіе заключающееся въ предыдущей статьѣ, замѣнитъ на будущее время XI, XIII и XIV статьи Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 года, равно специальную конвенцію, заключенную между Блистательною Портою и Россіей, приложенную къ статьѣ XIV.

Ст. IV. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ всѣ постановленія трактата 1856 года, равно какъ и приложенія къ нему не уничтоженныя и не измѣненныя настоящимъ договоромъ.

Проэктъ этотъ вызвалъ горячія возраженія со стороны турецкаго уполномоченнаго.

Муссурусъ-паша объявилъ, что онъ повергалъ на воззрѣніе своего правительства четыре статьи предположеннаго проэкта, и что Блистательная Порта не встрѣтитъ препятствія ихъ одобрить, если въ концѣ II-й статьи выраженіе «неприбрежныхъ державъ», будетъ замѣнено въ смыслѣ „дружественныхъ державъ“.

Причину такой желательной для Порты поправки онъ объяснилъ тѣмъ, что „редакція проэкта выражаетъ ограниченіе верховныхъ правъ и независимости оттоманской имперіи“. До заключенія трактата 1856 г., т. е. до нейтрализаціи Чернаго моря, верховныя права султана дѣйствительно подвергались ограниченію, воспрещеніемъ въ мирное время входа въ проливы военнымъ судамъ другихъ державъ; съ установленіемъ-же нейтрализаціи воспрещавшей присутствіе военнаго флота всѣхъ державъ въ Черномъ морѣ, закрытіе проливовъ не представлялось уже ограниченіемъ, обнаруживающимъ посягательство на верховныя права Порты, а лишь логическимъ послѣдствіемъ самаго запрещенія.

Въ заключеніе турецкій уполномоченный сказалъ, что такъ какъ ограниченія, происходившія отъ нейтрализаціи Чернаго моря, равномѣрно распространялись на всѣхъ, то въ замѣнъ великихъ выгодъ, извлекавшихся отъ того Турціей, Блистательная Порта желаетъ возвращенія ей стариннаго права, которымъ она пользовалась даже до заключенія конвенціи 1841 года, т. е. права разрѣшать въ мирное время входъ въ проливы военнымъ судамъ дружественныхъ державъ, обусловливаемаго верховнымъ обладаніемъ его окружающими мѣстностями.

Кромѣ того Муссурусъ-паша обратилъ вниманіе собранія на то, что редакція проэкта обнаруживаетъ какъ-бы враждебность къ Россіи, Турцію же ставитъ въ необходимость постоянно относиться къ этой державѣ съ недовѣріемъ.

Возраженія были неблагосклонно приняты. Графъ Аппони отстаивалъ первоначальную редакцію II статьи и наконецъ, для полнаго ея разъясненія, предложилъ къ фразѣ „неприбрежныхъ державъ“ добавить „Чернаго моря“. Добавленіе это уполномоченный Германіи признавалъ излишнимъ, такъ какъ

ни о какихъ другихъ „не-прибрежныхъ державахъ" не могло быть рѣчи.

Уполномоченный Италіи принялъ проэктъ и не возражалъ противъ добавленія въ концѣ II статьи словъ «Чернаго моря», служащихъ лишь для большаго разъясненія точнаго смысла таковой.

Баронъ Бруновъ заявилъ, что онъ уполномоченъ подписать протоколъ втораго засѣданія и принять условія названныхъ статей.

Графъ Гренвиль объявилъ затѣмъ, что если онъ не раздѣляетъ мнѣнія уполномоченнаго Турціи, то только потому, что признаетъ первоначальную редакцію проэкта болѣе соотвѣтствующею интересамъ оттоманской имперіи и вообще всѣхъ державъ, гарантировавшихъ ея цѣлость и независимость. Онъ полагаетъ также, что редакція эта наиболѣе способна привести къ общему соглашенію.

Опровергнувъ въ благопріятномъ смыслѣ возраженія Мусуруса-паши противъ редакціи II статьи, лордъ Гренвиль просилъ его сообщить Портѣ, что она въ первоначальномъ ея видѣ одобрена представителями всѣхъ державъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ дополнить проэктъ еще слѣдующею статьею, долженствующею предшествовать остальнымъ четыремъ:

«Черное море попрежнему объявляется открытымъ для торговаго флота всѣхъ націй».

Предложеніе это было принято.

Такъ какъ уполномоченный Австро-Венгріи еще при открытіи конференціи заявилъ о своемъ намѣреніи представить проэкты нѣкоторыхъ добавочныхъ къ трактату статей, относящихся до свободы судоходства по Дунаю,—то собраніе приступило къ ихъ обсужденію.

Намъ не предстоитъ надобности слѣдить за ходомъ преній, происходившихъ по этому поводу, тѣмъ болѣе что результаты трудовъ уполномоченныхъ въ засѣданіи 3 февраля, обозначены ниже, въ проэктѣ трактата. Поэтому мы ограничимся лишь упоминаніемъ, что на предложеніе графа Аппони предпослать IV-й статьѣ трактата, статьи, относящіяся до

Дуная, для логической послѣдовательности въ измѣненіяхъ, допускаемыхъ въ Парижскомъ трактатѣ,—баронъ Бруновъ замѣтилъ, что четыре статьи проэкта, представляя нѣчто цѣлое, не подлежатъ раздробленію. Мнѣніе австрійскаго уполномоченнаго однако восторжествовало.

Кромѣ того представитель Россіи засвидѣтельствовалъ, что такъ какъ работы, обусловленныя въ австрійскихъ предложеніяхъ, не обѣщаютъ принести пользу торговымъ и промышленнымъ оборотамъ Россіи, то императорское правительство не можетъ принять участія въ издержкахъ по таковымъ, и матерьяльно ихъ гарантировать.

На это засвидѣтельствованіе никто изъ членовъ конференціи не возражалъ.

Послѣдовало соглашеніе, чтобы тотчасъ по полученіи извѣщенія объ одобреніи предположенныхъ статей трактата правительствами, представители которыхъ приняли участіе въ конференціи, было приступлено къ подписанію ихъ въ особомъ протоколѣ „ad hoc“; въ послѣдствіи-же дать имъ мѣсто въ оффиціальномъ трактатѣ. Дальнѣйшее обсужденіе статей назначено было на 7-е февраля.

Представляемъ «проэктъ трактата», служащаго приложеніемъ къ протоколу засѣданія 3-го февраля:

Ст. I. Черное море объявляется открытымъ для торговаго флота всѣхъ націй.

Ст. II. Право закрывать въ мирное время входъ въ Босфоръ и Дарданеллы, составляя исконную привиллегію оттоманской имперіи, и будучи утверждено Парижскимъ трактатомъ 18 (30) марта 1856 года, остается въ полной силѣ.

Ст. III. Его императорское величество султанъ, обладая верховными правами надъ проливами Босфора и Дарданелловъ, властенъ въ мирное время, притомъ въ видѣ временнаго исключенія и лишь въ случаѣ, когда интересы и безопасность его имперіи того потребуютъ,—разрѣшать входъ въ нихъ военнымъ судамъ неприбрежныхъ государствъ Чернаго моря.

Ст. IV. Постановляется, что условіе, заключающееся въ предъидущей статьѣ, замѣнитъ на будущее время XI, XIII и XIV статьи Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 года,

равно спеціальную конвенцію, заключенную между Блистательною Портою и Россіей, приложенную къ статьѣ XIV.

Ст. V. Установленная XVI статьею Парижскаго трактата коммисія, въ которой каждая изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, участвуетъ посредствомъ коммисара, и которой было поручено изыскать и исполнить всѣ необходимыя работы, начиная отъ Исакчи, для освобожденія устьевъ Дуная и прилежащихъ къ нимъ частей Чернаго моря отъ песковъ и другихъ заграждающихъ ихъ препятствій, дабы поставить эту часть рѣки и смежныя части моря въ наилучшія условія для судоходства, сохраняется въ своемъ настоящемъ составѣ и въ предѣлахъ отвѣтственности настоящаго времени на дальнѣйшій двѣнадцатилѣтній срокъ, считая съ 24-го апрѣля 1871 года, который есть тоже и срокъ погашенія займа, сдѣланнаго этою коммисіею подъ поручительствомъ Германіи, Австріи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи.

Ст. VI. Начала, выясненныя въ 106—116 статьяхъ общаго трактата, вѣнскаго конгресса относительно судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по владѣніямъ разныхъ державъ или раздѣляющихъ ихъ, объявляются обязательными по всему теченію Дуная. Условія новаго собранія прибрежной коммисіи, установленной XVIII статьею Парижскаго трактата 18 (30) марта 1856 г., будутъ опредѣлены посредствомъ предварительнаго соглашенія между прибрежными державами; если-же дѣло коснется измѣненія XVII статьи сказаннаго трактата, то таковое должно быть предметомъ особой конвенціи между державами, подписавшими трактатъ.

Ст. VII. Во вниманіе къ коммерческимъ интересамъ, къ необходимости и громадности работъ, неизбѣжныхъ для отвращенія препятствій и опасностей, затрудняющихъ судоходство по Дунаю у пороговъ и Желѣзныхъ воротъ, его величество императоръ Австро-Венгріи не оставитъ уговориться съ побережными владѣтелями этой части рѣки, относительно техническихъ и финансовыхъ условій операціи, имѣющей цѣлью устраненіе названныхъ препятствій, посредствомъ работъ, предпринятыхъ императорскимъ-королевскимъ правительствомъ.

Правило XV статьи Парижскаго трактата, которымъ уста-

новлено не взимать никакихъ пошлинъ собственно за судоходство по рѣкѣ,—объявляется непримѣнимымъ, вслѣдствіе производства работъ, признанныхъ необходимыми въ означенной части рѣки, предпринятыхъ прибрежными на той мѣстности государствами на ихъ собственный счетъ.

Уплатѣ пошлинъ, которая будетъ временно установлена, подвергнутся суда всѣхъ націй. Собираемыя деньги будутъ употреблены на уплату процентовъ и капитала, употребленнаго на означенныя работы и взиманіе ихъ прекратится тотчасъ по погашеніи сдѣланныхъ затратъ.

Ст. VIII. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ всѣ постановленія трактата 18 (30) марта 1856 г., равно какъ и приложенія къ нему, не уничтоженныя и не измѣненныя настоящимъ договоромъ.

Ст. IX. Державы, представляемыя уполномоченными, собравшимися въ Лондонѣ на конференцію, предоставляютъ себѣ право включить вышеупомянутыя постановленія въ оффиціальный трактатъ, ратификаціи котораго будутъ обмѣнены въ Лондонѣ въ шестинедѣльный срокъ по возобновленіи мира между Германіей и Франціей, а, если возможно, то и ранѣе.

Ст. X. Постановляется, что державы, подписавшія трактатъ, поставятъ о томъ въ извѣстность французское правительство и пригласятъ присоединиться къ таковому.

Приложеніе къ трактату.

Конвенція заключенная между Россіей и Блистательной Портой на предметъ уничтоженія постановленій конвенціи, подписанной въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 года относительно числа и силы военныхъ судовъ, которыя будутъ содержимы въ Черномъ морѣ прибрежными державами.

Засѣданіе 7-го Февраля было непродолжительно, и не ознаменовалось преніями, потому что представитель Турціи отозвался неполученіемъ отъ своего правительства инструкцій, уполномочивающихъ его одобрить статьи проэктируемаго трактата. Остальные уполномоченные, изъявляя полную готовность

утвердить четыре статьи, редакція которыхъ согласована ими въ засѣданіи 24 января, но не были того-же мнѣнія о статьяхъ, относящихся до судоходства по Дунаю. Они разошлись, не добившись никакихъ результатовъ, и прося предсѣдателя назначить слѣдующее засѣданіе тогда только, когда всѣми будутъ получены ожидаемыя инструкціи правительствъ.

Засѣданіе состоялось 13-го марта при исключительныхъ обстоятельствахъ: уполномоченные имѣли несказанное удовольствіе принять въ среду свою герцога де-Брольи, который явился наконецъ въ качествѣ представителя Франціи.

Представивъ его членамъ, графъ Гренвиль сказалъ:

«Господинъ герцогъ конечно уже убѣдился, что постоянно откладывая дни нашихъ засѣданій, внося въ наши протоколы общее сожалѣніе объ отсутствіи представителя Франціи, и сообщая почти ежедневно г-ну повѣренному въ дѣлахъ этой державы результаты нашихъ преній,—мы имѣли въ виду сдѣлать всевозможное, чтобы необходимое содѣйствіе Франціи было намъ обезпечено».

Поблагодаривъ отъ имени своего правительства предсѣдателя и уполномоченныхъ за дружественныя и доброжелательныя чувства, высказанныя ими его отечеству, герцогъ де-Брольи заявилъ, что «правительство Франціи безъ сомнѣнія предпочло-бы до конца воздержаться отъ дачи согласія на рѣшенія, въ обсужденіи которыхъ оно не участвовало»,—но опасаясь, чтобы это не было приписано ея нежеланію «высоко цѣнить все, относящееся къ сохраненію или возстановленію добраго согласія между великими державами», правительство Франціи «съ радостью пользуется случаемъ оказать свое содѣйствіе поддержанію вполнѣ полезнаго правила, усвоеннаго политикою Европы, именно: „недопускать никакихъ существенныхъ измѣненій въ международныхъ отношеніяхъ, безъ обсужденія и утвержденія таковыхъ всѣми великими державами». «Это по истинѣ охранительное правило, — лучшая гарантія мира и цивилизаціи, и нельзя не соболѣзновать, что въ послѣднее время оно далеко не точно соблюдалось».

Кончая рѣчь, герцогъ добавилъ: «относительно главнаго предмета совѣщаній конференціи правительство Франціи,

раздѣляя убѣжденія г. представителя Турціи, не видѣло-бы лично достаточныхъ причинъ измѣнять постановленія трактата 1856 г., и даже предпочло-бы сохранить ихъ. Но такъ какъ дѣло уже сдѣлано и новое соглашеніе, соотвѣсвтвующее желаніямъ правительства Россіи, принято Блистательною Портою, болѣе всѣхъ заинтересованною въ настоящемъ вопросѣ, то правительство Франціи охотно изъявляетъ свое согласіе на рѣшенія конференціи».

Такая примирительная рѣчь благотворно повліяла на дальнѣйшій ходъ переговоровъ;—а потому послѣдовали лишь незначительныя измѣненія въ редакціи проэктированныхъ статей, которыя затѣмъ, бывъ окончательно и безъ всякихъ затрудненій утверждены, вошли въ оффиціальный трактатъ, ниже сего приводимый.

Кромѣ того баронъ Бруновъ и Муссурусъ-паша сообщили конференціи, что они уполномочены заключить конвенцію, которою предположено уничтожить постановленія таковой-же подписанной въ Парижѣ 18 (30) марта 1856 г., относительно опредѣленія числа и силы военныхъ судовъ, содержимыхъ обѣими прибрежными державами въ Черномъ морѣ.

Сообщеніе это было благосклонно принято уполномоченными, постановившими вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы такая конвенція, заключенная и ратификованная указаннымъ способомъ, будетъ пользоваться такою-же силою и значеніемъ, какія принадлежали бы ей, еслибъ она была приложена къ трактату.

Договоръ, измѣняющій Парижскій трактатъ 18 (30) марта 1856 г., подписанный въ Лондонѣ 1 (13) марта 1871 г.

Его величество императоръ всероссійскій, его величество императоръ германскій король прусскій, его величество императоръ австрійскій король богемскій и апостолическій король венгерскій, глава исполнительной власти Французской республики, ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, его величество король итальянскій и его величество императоръ оттомановъ признали нужнымъ собрать своихъ представителей на конференцію въ Лон-

донѣ дабы уговориться въ духѣ соглашенія относительно пересмотра постановленій трактата, заключеннаго въ Парижѣ 18-го (30-го) марта 1856 г., касающихся судоходства въ Черномъ морѣ, также какъ по Дунаю; желая въ то же время предоставить въ этихъ краяхъ новыя облегченія для развитія торговой дѣятельности всѣхъ народовъ, высокія договаривающіяся стороны рѣшили заключить трактатъ, и съ этою цѣлью назначили своими уполномоченными (слѣдуютъ имена), которые, размѣнявъ между собою свои полномочія, признанныя надлежащими и правильными, уговорились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. I. Статьи XI, XIII и XIV Парижскаго трактата 1856 г., равно какъ особенная конвенція, заключенная между Высокою Портою и Россіею, и приложенная къ помянутой XIV статьѣ, отмѣняются и замѣняются слѣдующей статьей:

Ст. II. Начало закрытія проливовъ Дарданеллъ и Босфора, установленное отдѣльною конвенціею 30 марта 1856 г., сохраняется съ предоставленіемъ его императорскому величеству султану право открывать сказанные проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ, если высокая Порта будетъ считать это нужнымъ, дабы обезпечить исполненіе постановленій Парижскаго трактата 30-го марта 1856 г.

Ст. III. Черное море остается, по прежнему, открытымъ для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ.

Ст. IV. Установленная XVI ст. Парижскаго трактата коммисія, въ которой каждая изъ державъ, подписавшихъ трактатъ, участвуетъ посредствомъ комиссара, а которой было поручено изыскать и исполнить всѣ необходимыя работы, начиная отъ Исакчи, для освобожденія устьевъ Дуная и прилежащихъ къ нимъ частей Чернаго моря отъ песковъ и другихъ заграждающихъ ихъ препятствій, дабы поставить эту часть рѣки и сказанныя части моря въ наилучшія условія для судоходства, сохраняется въ своемъ настоящемъ составѣ. Существованіе этой коммисіи опредѣляется дальнѣйшимъ двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ, считая съ 24 апрѣля 1871 г., то есть по 24 апрѣля 1883 г., который есть также срокъ пога-

шенія займа, сдѣланнаго этою коммисіею, подъ поручительствомъ Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Великобританіи, Италіи и Турціи.

Ст. V. Условія новаго собранія прибрежной коммиссіи, установленной XVII статьею Парижскаго трактата 30 марта 1856 г., будутъ опредѣлены посредствомъ предварительнаго соглашенія между прибрежными державами, безъ ущерба статьѣ, касающейся трехъ дунайскихъ княжествъ; на сколько-же будетъ идти дѣло объ измѣненіи XVII-й статьи сказаннаго трактата, то это измѣненіе должно быть предметомъ особой конвенціи между державами, подписавшими трактатъ.

Ст. VI. Державы, прибрежныя той части Дуная, гдѣ пороги и «Желѣзныя ворота» представляютъ препятствія для судоходства, предоставляютъ себѣ уговориться между собою съ цѣлью уничтоженія этихъ препятствій, а потому высокія договаривающіяся стороны признаютъ отнынѣ за ними право взимать временную плату съ торговыхъ судовъ подъ всякими флагами, которыя будутъ пользоваться этими улучшеніями впредь до погашенія долга, который будетъ сдѣланъ для выполненія работъ; онѣ объявляютъ, что статья XV Парижскаго трактата 1856 года не будетъ примѣняема къ этой части рѣки въ продолженіи времени, необходимаго для погашенія означеннаго долга.

Ст. VII. Всѣ работы и заведенія всякаго рода, устроенныя европейскою коммисіею въ исполненіе Парижскаго трактата 1856 года или настоящаго трактата, будутъ продолжать пользоваться тою-же нейтральностью, которая до сихъ поръ ихъ охраняла, и которая равномѣрно будетъ уважаема впредь высокими договаривающимися сторонами при всѣхъ обстоятельствахъ. Пользованіе происходящими отъ сего преимуществами будетъ распространяться на весь распорядительный и техническій личный составъ коммисіи. Однакоже, само собою разумѣется, что постановленія этой статьи не нарушатъ ни въ чемъ права высокой Порты вводить, какъ всегда и прежде, свои военныя суда въ Дунай, въ качествѣ территоріальной державы.

Ст. VIII. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ

и подтверждаютъ всѣ постановленія трактата 30 марта 1856 года, равно какъ и приложенія къ нему, не уничтоженныя настоящимъ трактатомъ.

Ст. IX. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и его ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ продолженіи шести недѣль, или скорѣе, буде возможно.

Подписали: Брунновъ, Аппони, Бернсторфъ, Брольи, Гренвиль, Кадорна, Муссурусъ.

Конвенція $^{1}/_{13}$ марта 1871 г., отмѣняющая специальную конвенцію $^{18}/_{30}$ марта 1856 г., о числѣ и силѣ военныхъ судовъ, содержимыхъ Россіей и Турціей въ Черномъ морѣ.

Его величество императоръ всероссійскій и его императорское величество султанъ, взаимно одушевленные желаніемъ упрочить отношенія мира и добраго согласія, счастливо существующія между ихъ имперіями, рѣшили заключить съ этою цѣлью конвенцію, и назначили для сего своихъ уполномоченныхъ, которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащемъ видѣ, постановили слѣдующіе пункты:

Ст. I. Особая конвенція, заключенная въ Парижѣ между его величествомъ императоромъ всероссійскимъ и его императорскимъ величествомъ султаномъ $^{18}/_{30}$ марта 1856 г., относительно числа и силы военныхъ судовъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ въ Черномъ морѣ отмѣняется.

Ст. II. Настоящая конвенція будетъ ратификована, и ея ратификаціи будутъ размѣнены въ Лондонѣ въ теченіи шести недѣль, или, буде возможно, скорѣе.

Подписали: *Бруновъ.*
Муссурусъ.

Оба эти трактата были ратификованы въ С.-Петербургѣ 18 марта 1871 года.

ОПЕЧАТКИ.

Стра-ницы.	сверху или снизу	строки.	напечатано.	слѣдуетъ читать.
7	сверху	7	совершилось	завершилось
7	снизу	7	извѣсна	извѣстна
9	сверху	2	ознаменная	ознаменованная
15	сверху	13	книжествомъ	княжествомъ
20	снизу	3	Россіи	Россіей
43	сверху	1	утверждается	утверждаются
44	сверху	10	умѣренности	умѣлости
46	сверху	6	Кореру	Корфу
60	сверху	10	возстановляютъ	возстановляются
76	сверху	6	тогда	то да
84	сверху	10	за нимъ дарованныхъ ему	за ними дарованныхъ имъ
—	снизу	8	Эта	Эти
92	снизу	1	между: «гдѣ она—съ Молдав.»	гдѣ она соприкасается съ Молдавскою
93	сверху	1		
96	сверху	6	принимавшихъ	принимавшимъ
—	сверху	15	ратификаціей	ратификацій
98	снизу	16	уже на семь	уже не на семь
—	снизу	3	условіямъ	усиліямъ
99	сверху	18	согласилась	согласились
—	—	19	заключила	заключили
100	сверху	9	своеобразное	своеобразныхъ
102	сверху	15	него	нее
105	сверху	1	долѣе	болѣе
114	снизу	2	это слѣдуетъ	это послѣдуетъ
119	снизу	9	представленія	предоставленія
124	сверху	14	иностранцемъ	иностранцевъ
138	сверху	2	удовлетворяетъ	удовлетворятъ

Страницы.	сверху или снизу	строки.	напечатано.	слѣдуетъ читать
142	сверху	5	Клапрпкарда	Кланрикарда
159	снизу	13	слѣдовительно	слѣдовательно
163	снизу	1	преобладательнаго	преобладающаго
165	снизу	2	формированныхъ	формулированныхъ
166	сверху	2,3	главная причина	главныя причины
167	снизу	2	уничтоженію	уничиженію
168	сверху	21	рѣшилась	рѣшалась
—	снизу	7	изчезъ	изсякъ
174	сверху	18	коего	коею
176	снизу	5	«ст. 17» вовсе не нужно;	должно читать въ одну строку съ предъидущимъ такъ: 4-е по упраздненіи общей предназначаемой Европейской и т. д.
185	снизу	8	Табанью	Таманью
189	снизу	9	Турція	Пруссія
203	сверху	11	относились съ сообщенію	относились къ сообщенію
233	сверху	22	чтобы	что
234	сверху	19	право	права
—	снизу	10	а	и

